

Биробиджанское дело

Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

Сегодня мы начинаем публиковать - впервые на русском языке в переводе Зиси Вейцмана - воспоминания еврейского поэта Исроэла Эмиота (1909, Остров-Мазовецки, Варшавское воеводство, – 1978, Рочестер, штат Нью-Йорк, США).

Человек непростой судьбы, летом 1941 г., когда началась война, он эвакуировался в Алма-Ату, публиковал в газете «Эйникайт» — органе Еврейского антифашистского комитета — корреспонденции о жизни еврейских беженцев. В качестве корреспондента ЕАК отправился в июле 1944 г. в Биробиджан, с которым связывал в то время большие надежды. Публиковал свои стихи и репортажи в начавшей вновь выходить в 1945 г. газете «Биробиджанер штерн» и в литературном альманахе «Биробиджан». После ликвидации ЕАК в 1948 г. Эмиот был арестован и осужден по так называемому «Биробиджанскому делу». Отбывал срок в лагерях Восточной Сибири. Был амнистирован 27 марта 1953 года и вернулся в Биробиджан. Публикуемые воспоминания как раз и посвящены происходившему в столице Еврейской автономии в то страшное время...

"...И будет жизнь твоя висеть на волоске, и будешь день и ночь страдать и не будешь уверен, что выживешь..."

(Дварим, Ки Таво. 28:66)

Предисловие автора

"Биробиджанское дело" - "дело", по которому осудили невинных людей. Таков трагический итог мечты, питавшей умы многих евреев.

Почти все главы, вошедшие в эту книгу, публиковались с ежедневными продолжениями в нью-йоркской газете "Форвертс" с 7 февраля по 15 апреля 1959 года.

Сейчас, после некоторой обработки, я передаю их на суд читателям книги.

Эти строки написаны в пору, когда история делает огромные усилия в борьбе за демократию и мир во всем мире, чтобы не повторились ужасы нацизма, истребившего треть еврейского народа и миллионы других людей. Чтобы окончательно исчезли страх и содрогание перед могущественной державой и ее Системой, которые привели к событиям, описанным в книге.

Если моя книга хотя бы отчасти послужит предупреждением и напоминанием об этом, автор будет считать, что достиг своей цели.

Книга - своеобразная хроника событий. Автор не имел намерения что-либо приукрасить и искусно живописать.

Не раз, когда я писал эти строки, переживал все заново, учащенно начинало биться сердце, - пусть простит меня читатель за некоторую жеманность.

От всего сердца благодарю Гилеля Рогова, главного редактора газеты "Форвертс", дорогого и душевного человека, а также ответственного редактора этой газеты д-ра Л. Фогельмана за теплое и дружеское отношение, проявленное ко мне во время моего приезда в Америку.

Выражаю благодарность друзьям: известному еврейскому поэту и эссеисту Мейлэху Равичу и журналисту, сотруднику "Форвертса" И. Шмулевичу, поддержавшим меня в трудную минуту.

Сердечное спасибо верному другу еврейского слова, пламенному патриоту еврейской культуры Шлоймэ Богороду, вице-председателю совета еврейской культуры в Рочестере, полностью покрывшему расходы по изданию этой книги.

Братский привет моим близким, сердечным друзьям - известному писателю Йосефу Окрутни и его жене Эстер в Буэнос-Айресе, не забывавшим меня в трудные моменты жизни.

Рочестер - Нью-Йорк, январь 1960

Я еду в Биробиджан

В феврале 1944 года вместе с другими еврейскими писателями я был приглашен в Москву на митинг Еврейского Антифашистского комитета (ЕАК), чтобы выразить протест против гитлеровских злодеяний над еврейским народом.

Я тогда находился в Алма-Ате, столице Казахстана, в составе группы еврейских писателей. В эти трудные военные годы все мы были в бедственном положении, испытывали нужду и всяческие невзгоды, но писать не переставали. Кроме стихов, я еще писал корреспонденции о жизни эвакуированных евреев в Казахстане. В Москве ЕАК использовал эти материалы для зарубежных еврейских газет и журналов, с которыми комитет имел тесные контакты.

Наверное, мои корреспонденции столичным товарищам нравились, так как когда я туда приехал, мою кандидатуру выдвинули в качестве постоянного корреспондента по Биробиджану, точнее, по всей Еврейской автономной области.

Тогда на пленуме ЕАК стоял вопрос о передаче Крыма Еврейской автономной области. Эту идею защищал когда-то Ларин (Лурье), бывший в свое время одной из крупных советских фигур*. Сталин же был ярким противником передачи Крыма евреям, - он боялся, что евреи в случае войны не будут достаточно "надежным элементом". В одном из своих последних интервью Никита Хрущев публично признался, что в то время он поддержал сталинскую точку зрения.

В этих воспоминаниях я не намерен вести какие-либо споры. Буду приводить лишь факты. Идея с Крымом провалилась. Интересно вот что: на пленуме ЕАК присутствовали представители ЕАО, которые после ряда провалов и неудач хорошо разглядели нынешнюю ситуацию как удобный трамплин для развития Биробиджана. Из числа биробиджанцев к Калинин уехала делегация, и "всесоюзный староста" их заверил, что он придерживается своей идеи. Как известно, Калинин был давним приверженцем Еврейской АО и видел в ней не только базу для экономического развития, но и место, где будет обеспечено будущее советских евреев.

Представители Биробиджана, с которыми проживал в одном номере гостиницы "Москва", агитировали меня, чтобы вместе с ними я поехал в ЕАО трудиться в области культуры. Они вручили мне брошюру с речью М. И. Калинина, произнесенной в 1926 году на конференции Общества по землеустройству евреев-трудящихся (ОЗЕТ), и я воодушевился пафосом, исходившим от этой речи.

Председатель ВЦИК открыто говорил о том, что Биробиджан должен стать Еврейской республикой. Только проживая компактно, евреи смогут развивать свою государственность и сберечь свою национальную культуру.

Я ухватился за эту идею и с ней согласился, хотя Илья Эренбург еще тогда, на пленуме, бушевал:

- Вы хотите создать новое гетто!

Лейб Квитко, Арон Кушников, Довид Бергельсон и другие еврейские писатели-москвичи, с которыми я вошел в контакт, благословили мой отъезд в Биробиджан, высказав в дорогу много добрых пожеланий. Бергельсон в позапрошлом году побывал в области. Написал цикл рассказов и даже роман. Он очень хорошо знал область, восхищался красотами природы и богатствами ее земли.

- Биробиджан для еврейского писателя и поэта, - напутствовал меня Бергельсон, - это настоящий клад, источник вдохновения.

Позже, когда я уже находился в области, Перец Маркиш часто мне писал, всячески подбадривал, добавляя, что если не был бы столь сильно занят в Москве, то обязательно бы приехал в Биробиджан. Но в 44-м, накануне моего отъезда, он не был в восторге от

моего решения: "Не понимаю, зачем вырваться так далеко?" Тем не менее, на свой лад, что было в его силах, он старался мне помочь. Через русского писателя он передал мне в дорогу некоторую сумму из Литфонда писательского союза. Председатель Совинформбюро, заместитель министра иностранных дел Соломон Лозовский, надзиравший над Еврейским и всеми другими антифашистскими комитетами страны, через Михозлса официально отказал мне в возможности ехать в Биробиджан в качестве корреспондента, поскольку я беспартийный товарищ, и к тому же прибывший из Польши. Поэтому ЕАК не мог официально субсидировать мою поездку. Получил же я разрешение при помощи знакомого советского писателя. Это был Перец Маркиш - энергичный, всегда готовый в чем-то поспособствовать, добрый друг еврейских писателей, особенно эвакуированных, знавший пути к чиновникам от Союза писателей.

До сего дня не могу забыть, как я с запиской от Маркиша прибыл к Фадееву, известному русскому писателю, позже покончившему самоубийством. Фадеев меня благожелательно принял и спросил:

- Вы знаете Маркиша?

- Знаю ли я Маркиша? Вот Вам от него записка!

- Я имею в виду, знаете ли Вы наизусть его стихи?

Мне стало неудобно из-за того, что ни одной строки Маркиша не помнил.

- А я, как видите, помню многие его стихи наизусть! - и Фадеев начал читать фрагмент из поэмы Маркиша.

Мои встречи с еврейскими советскими писателями - тема для отдельной книги, которая - весьма надеюсь - будет написана при других обстоятельствах.

Когда в июле 1944 года я прибыл в Биробиджан, состояние еврейской культуры было весьма удручающим. Еврейская газета "Биробиджанер штерн" в годы войны была закрыта. Выходила лишь "Биробиджанская звезда", в которой время от времени появлялась еврейская полоса. До боли щемило сердце: в типографии стояли ящики с еврейским шрифтом, первоклассные еврейские наборщики крутились без дела, но еврейская газета не выходила!

Еврейский театр все же действовал, играли "Колдунью" Аврома Гольдфадена, трагедию "Уриэль Акоста" Карла Гуцкова в переводе на идиш Эммануила Казакевича и ряд классических пьес из еврейского, русского и зарубежного репертуара. Таясь, евреи вспоминали и смаковали спектакль "Бойтрэ" ("Бойтрэ-разбойник"), который театр ставил пятьдесят раз, пока Мойше Кульбака, автора этой пьесы, написанной в жанре народной драмы, не арестовали.

Всего одна еврейская школа еще работала, и приятно было слушать, как еврейские дети с восторгом читали и декламировали Менделе, Переца, Шолом-Алейхема, Бергельсона, Гофштейна и других еврейских писателей. Правда, официальным языком области, как в 1936 году, когда идиш звучал в суде, милиции, исполкомах и других учреждениях, еврейский язык уже не был. Педагогическое училище, в котором до 37-го года было еврейское отделение, выпускавшее учителей для начальных еврейских школ, тоже было ликвидировано. Но все-таки определенное оживление начиналось. Уже в начале 1945 года снова стала выходить газета "Биробиджанер штерн". В первые два месяца - один-два раза в неделю, позже - три-четыре раза еженедельно. В 1946 году стал издаваться на еврейском языке литературный альманах под названием "Биробиджан".

Также оживился и Биробиджанский ГОСЕТ. Местные еврейские писатели готовили для театра свои пьесы. Специально из Вильнюса сюда был доставлен известный артист и режиссер знаменитой "виленской труппы" ("Ди вилнер трупэ") Алексей Штейн, своей великолепной режиссурой и культурой сделавший немало для биробиджанского театра. Были приглашены новые артисты, и руководство области даже ходатайствовало перед начальником Главного управления "Дальстроя" генералом Иваном Никишовым, ведавшим лагерями на Колыме, об освобождении одного из талантливых еврейских артистов, пребывавшего там с 1938 года - со времени так называемой "ежовщины". Реорганизован был областной музей, который помимо краеведческих экспонатов обладал достаточно интересными еврейскими материалами. В область приехало небольшое количество писателей, художников, ученых. Планировалось даже открыть в Биробиджане еврейское высшее учебное заведение.

Но еврейское население в области было сравнительно небольшим. В конце войны евреев в Биробиджане насчитывалось не более 25 тысяч в общем составе населения, которое достигало 100 тысяч жителей.

Примечания переводчика

Книга И.Эмиота «Биробиджанское дело» вышла в издательстве "Шломо Богород", Рочестер, шт. Нью-Йорк, в 1960 году.

Ларин (Лурье) - Юрий Ларин. настоящее имя Михаил (Ихил-Михл) Залманович Лурье (1882-1932), деятель революционного движения в царской России, советский хозяйственный деятель, экономист, публицист.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 1-7 августа 2013. № 410.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

(Продолжение. Начало в «МЗ», №409)

Оттепель по-биробиджански

В Биробиджане было совсем мало евреев, эвакуировавшихся из Украины, Белоруссии и Польши. Их напугал горький урок страшных годов – 1937-го и 1938-го. Большинство переселенцев, приехавших из-за границы, было уничтожено – иди знай, что на уме у этих "буржуев", хоть и бывших!?

Несмотря на все это, евреи в Биробиджане были как бы "у себя дома". Не секрет, что повсюду, особенно на территориях, подверженных немецкой оккупации, самым жесточайшим образом бушевал антисемитизм. Антисемиты, до войны скрывавшие под маской страха свои низменные инстинкты, развязали языки, особенно на Украине. Но в Биробиджане было иначе. Я помню сцену, когда один гражданин, приехавший с Украины, посреди улицы в пьяном угаре крикнул: "Бей жидов!". Со всех сторон, изо всех закоулков

примчались бывшие фронтовики, прямо на улице стащили с этого пьянчуги одежду и так его отдубасили, что тот, полуголый, поднял руки вверх и заорал: "Люблю, люблю евреев!" Звучит, как анекдот, но это факт, сам видел. К слову, жители Биробиджана, то ли выросшие в этом городе, то ли сюда переселившиеся, не стеснялись "заехать по морде" тому, кто произносил хоть одно антисемитское слово.

Через короткое время вышло постановление правительства о добровольном переселении еврейского населения Украины в Биробиджан. Как корреспондент я читал в облисполкоме правительственные телеграммы о переселении, подписанные Сталиным или Маленковым, ставшим к тому времени правой рукой вождя. Переселение происходило за счет государства, и следовавшие на Восток поезда перевозили людей бесплатно. Каждому переселенцу полагалось триста рублей. Кроме того, каждый переселенец мог получить ссуду в размере десяти тысяч рублей с выплатой ее в течение десяти лет - для приобретения инвентаря, необходимого для обработки земли.

С Украины переселились тогда десять тысяч еврейских семей. Людская масса была довольно пестрой. Подавляющее большинство прибывших были мастерами своего дела: отличные ремесленники, труженики тяжелой промышленности, инженеры, врачи, учителя и старые, опытные земледельцы, даже служащие высокого ранга, которых нехотя увольняли со своих должностей на Украине. Среди них - директор прославленного Херсонского элеватора, замечательный организатор производства, который предпочел возглавить райземотдел (районный земельный отдел) в Биробиджане и возможность трудиться среди евреев, чем руководить огромным центральным зернохранилищем на Украине*. Впрочем, известны и другие подобные случаи.

Биробиджанцы рассказывали, что подобного национального пробуждения, такого удивительного обилия еврейской речи на улицах города они не помнят с 1936 года. Даже встал вопрос об открытии в области нескольких еврейских начальных школ в районах, где обосновалось большинство переселенцев.

Как известно, каждая административно-территориальная единица в Советском Союзе имела свой ежегодный план развития. Был такой план и у Еврейской АО. Кроме общего госбюджета на развитие области, Биробиджан получал помощь от американских евреев. Причем, помощь приходила не только в виде одежды и продуктов питания, - американцы безвозмездно дарили целые мастерские, фабрики, электростанции, моторы и дизели, различные машины, пилорамы, стандартные дома (из такой партии "голландских домов", закупленных американскими евреями для ЕАО, в Биробиджане была возведена отдельная улица). Так называемый "ленд-лиз" - государственная программа, по которой США передавали своим союзникам в годы Второй мировой войны боеприпасы, технику, продовольствие и нефтепродукты, - давно уже закончился, но американские евреи не переставали поставлять свои дары Биробиджану и Сталинграду как наиболее пострадавшему в годы войны городу.

Биробиджан вместе с окрестностями уже тогда насчитывал около сорока тысяч жителей. Кто знаком с отсталыми, запущенными населенными пунктами Дальнего Востока, согласится, что Биробиджан по своей спланированной симметричной застройке, прекрасному озеленению и асфальтированным улицам является одним из красивейших дальневосточных городов. На весь край ходит добрая слава об областной больнице и ее врачах-специалистах, являющихся в своем большинстве евреями. Особенно отличаются доктор Я. Митценгендлер и хирург И. Рабинович. Областная больница рассчитана на несколько сотен коек. К ней пристроено еще одно отделение - родильное.

Кроме десятка разных артелей, в городе работают фабрики легкой промышленности: швейная, ткацкая, вязальная, обувная, пищевых продуктов, а также обозный завод.

Еврейский характер строительства и развития Биробиджана закончился в 1948 году. Согласно плану область экономически продолжала развиваться и дальше, но уже не как Еврейская автономная, а как административно-территориальная единица Хабаровского края.

Здание ГОСЕТа отдали под Дом пионеров...

Деятельность еврейских учреждений культуры стремительно сошла на нет. Солидный Биробиджанский еврейский театр был превращен в Дом пионеров и школьников, а артисты театра от страха перед арестом разбрелись по огромному Советскому Союзу. Руководители области, среди которых были и деятели культуры, и даже еврейские писатели, были арестованы. Вся их деятельность в области за период с 1945 по 1948 годы была названа "националистической".

Меня арестовали в Биробиджане, но судили в Москве, заочно, и дали "среднее" наказание - вместо угрожавших мне 25 лет или смертной казни "влепили" лишь 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях Восточной Сибири.

Кроме числившейся за мной "вины" (работал корреспондентом Еврейского антифашистского комитета), меня также обвинили в контрреволюционной деятельности и в "прямой связи с "Биробиджанским делом".

Примечание переводчика

**) Фамилия директора Херсонского элеватора в книге И.Эмиота не названа.*

(Продолжение следует)

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Безр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-410)

В тюрьме

Удар, снова удар, глухой удар... Этот невыносимый звук закрывающейся железной тюремной двери знаком мне еще с юных лет, с Варшавы.

Это случилось на улице с названием Павия, в одном из дворов которой я жил у своего дяди и учился в иешиве. Какой-то неудачник тогда выбросился с пятого этажа. Я видел огромную лужу крови, сборище людей, но больше всего мне врезался в память ужасный удар падающего тела о дворовый асфальт.

Не находя себе места, я бродил по Биробиджану сам не свой, ожидая в течение нескольких месяцев, что вот-вот меня "возьмут". Не зря ведь меня уволили с работы и на другую, даже тяжелую, физическую, принимать отказались.

Каждую ночь я прислушивался к любым звукам и шорохам, и, казалось, за мной уже пришли. Бродя от безделья и страха по городу, я завидовал продавщице, торгующей овощами на рынке: ей хорошо, ее не тронут, не заберут. Каждый день я прощался с великолепным парком, врезавшимся зеленым островком в голубую Биру. Снова восторгался мостиками, переброшенными через речной поток, достойными кисти Поленова, великого русского живописца, на картинах которого деревья отражаются в воде, и душа этого мира дремлет в ней тоже...

Сотни раз я прощался со знаменитой биробиджанской сопкой, откуда, как на ладони, открывается великолепный вид на весь город. Не раз я поднимался на вершину сопки и восхищался Биробиджаном, возведенным еврейскими руками. Когда я приехал сюда, тайга от города уже отступила. Я гордился трудом евреев-работяг, выкорчевавших тайгу и построивших город, - один из красивейших на Дальнем Востоке.

Кажется, совсем незаметно промелькнул этот год - 1947-й... Прибыли эшелоны с новыми переселенцами. Людские потоки, текущие к вокзалу. Пионерские отряды из городских школ забрасывают цветами проходящие эшелоны. Кажется, все оркестры области, которые имелись в наличии, пришли на праздник и играли еврейские мелодии. В глазах переселенцев - слезы радости. Прибывших евреев размещают в бараках и домах. На улицах возбужденные евреи пляшут и танцуют от радостного осознания того, что встретились в Биробиджане с братьями. Еврейские писатели читают переселенцам свои творения.

Вместе с переселенцами в одном из эшелонов приехал знаменитый еврейский писатель Дер Нистер. Он верил, что спасти еврейскую культуру в Советском Союзе от угасания можно в том случае, если евреи сконцентрируются в одном месте - в автономной области. Я помню его прекрасное лицо, мягкие жесты, тягучую, словно молитва древнего цадика, речь.

И сразу - будто таинственная черная рука в пятницу вечером выбила стекла в окнах, и ветер затушил горящие свечи в маминых субботних подсвечниках. Из Москвы стали приходить "приветы" - один страшнее другого: Еврейский Антифашистский комитет ликвидирован! "Эйникайт" - единственная еврейская газета - больше не выходит! Издательство "Эмес" и ГОСЕТ - закрыты! Еврейские писатели - арестованы! Советские газеты полны всевозможных слухов о евреях. Русские псевдонимы профессоров и писателей раскрыты - объявлены настоящие еврейские фамилии и имена их обладателей. Элиту критикуют за "космополитизм", но ясно, что речь идет обо всем еврейском народе.

У сталинского сатрапа Лаврентия Берии в Биробиджане была "правая рука" - генерал-полковник Сергей Гоглидзе, председатель МГБ по всему Дальнему Востоку. Его владения

простирались от берегов Тихого океана до Читы. На территории этого "царства" можно разместить всю Европу и, наверное, еще другие страны. Гоглидзе был жесток, коварен и к тому же дьявольски работоспособен. В каждом большом городе его "департамента" находились специальные тюрьмы.

Совсем недавно генерал Гоглидзе посетил Биробиджан. Произошло это после того, как в Москву "скоропостижно" вызвали руководителей области - секретаря обкома партии и председателя облисполкома*. Что означала эта внезапность? Из Биробиджана до аэродрома в Хабаровске не больше 180 километров, по железной дороге езды три часа. Специально для них подогнали дрезину, из Хабаровска на самолете доставили в столицу. Там ими занималась целая комиссия во главе с Маленковым. Обрато каждый вернулся со "строгим выговором с занесением в личное дело". Вскоре после их прибытия по области прошли митинги, на которых трудящиеся осудили "национализм" своих руководителей, приписав им все мыслимые и немыслимые проступки и злодеяния.

Их "прегрешения" состояли в том, что город Биробиджан присвоил себе американскую помощь в виде одежды и обуви, которые простые евреи США направили для жителей всей Еврейской автономной области. А еще в области, которой они руководили, стали все больше и больше уделять внимание развитию еврейской культуры. Планировалось якобы создание университета с преподаванием на еврейском языке, предполагалось увеличить объем и периодичность газеты "Биробиджанер штерн", создать солидное еврейское издательство, а областной краеведческий музей перепрофилировать на историю еврейского народа.

Основная претензия выглядела так: насаждение еврейской культуры не имеет под собой почвы, поскольку большинство населения области еврейским не является.

Об этом пока газеты лишь писали, но вскоре из обвинительных судебных актов мы узнали о дьявольской провокации, которую Берия со своими прислужниками решил, словно "праздничный пирог", преподнести Сталину.

Свои маниакальные привычки, превратившиеся в болезнь, - видеть в людях предателей и шпионов - Сталин переносил на целые народы, поддерживая фантастические, неправдободобные планы в отношении той или иной части населения. Такие выродки, как Берия, Гоглидзе, Рюмин, Евдокимов и им подобные типы, садисты и сексуальные маньяки, чьи помощники поставляли в их гаремы для надругательств молоденьких студенток, фабриковали для Сталина неслыханные провокации. Одной из провокаций следовало бы дать такое название: "Заговор мирового еврейства против Советского Союза" или "Новые протоколы сионских мудрецов". Это означает, что еврейский народ согласно своим планам, направленным против пролетарской революции, тайно объединился. В этих коварных планах Биробиджан должен служить звеном в цепи большого "заговора" еврейского народа.

Подлые наветы, клеветнические слухи мгновенно разрастались, как снежный ком: в центре ЕАО, в Биробиджане, возникло шпионское гнездо, которое превращается в "плацдарм мировой реакции". В результате этого территория ЕАО будет отторгнута от СССР и присоединена... к Соединенным Штатам Америки. Сей подлый план был задуман руководителями ЕАК Михозлсом и Фефером, завербованными еще в 1943 году сотрудниками американской разведки во время их пребывания за границей.

Появление фигуры генерала Гоглидзе на "спонтанных" митингах стало верным признаком того, что одними лишь взысканиями, наложенными Маленковым на руководителей Еврейской автономной области в Москве, на сей раз не обойдется.

И вот я в тюремной камере, один из многих обитателей этого мрачного здания.

Сюда меня вели по высоким ступеням и длинным коридорам, через многие комнаты и различные помещения. Моя первая камера, номер 23, - затхлая коробка с равными сторонами и в такую же высоту. В одиночной камере - голые нары. В одной из стен вырезано зарешеченное окошко размером с два сжатых кулака, через которое не видно, что делается снаружи, - лишь серый кусочек неба. В углу стоит "параша" - прикрытое ведро для естественных отправлений. Исследую тюремную камеру, наверное, одну из тысяч в царстве Гоглидзе.

Перед приводом в камеру мне приказали раздеться догола, порылись в одежде, тщательно осмотрели с головы до ног, заглянули в уши, рот и даже в задний проход, не пронес ли я сюда иголку, осколок стекла, ампулу цианистого калия, дабы себя лишить жизни.

И сказал я тогда сам себе (слова из Книги Иова 1: 20, 21): "Нагим вышел я из чрева моей матери и нагим вернусь, куда мне предназначено..."

(Продолжение следует)

Примечание переводчика

**) Руководители области, чьи имена автором не названы, - первый секретарь обкома ВКП(б) Бахмутский А.Н. и председатель облисполкома Левитин М. Е. Оба вскоре после описываемых событий были репрессированы.*

Мы здесь. 15-21 августа 2013. № 412.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-411)

Первый допрос

В камере тихо-тихо, и никто меня пока не тревожит. Я уже за чертой привычного бытия, со всех сторон мою душу сжимают тюремные стены. Перебираю в памяти события последних лет. Медленно переношусь в детство и юность.

...Я обучаюсь у рабби Меира Плоцкого, известного цадика, гаона мировой величины, вечная ему память! Он ко мне добр и справедлив. Я купаюсь в святости, которую излучает его ясное лицо. Еще вижу деда, моего дедушку рабби Мордехая-Лейба. для которого прием пищи становился страданием из-за того, что с раннего утра до позднего вечера он был занят одним делом - погружением в Тору и хасидскую мудрость. Я оставался сиротой при живом отце, которого толком-то не знал, потому что растила меня бабушка. Не знаю, любила ли она меня, ибо при нашем общении ей казалось, что она, словно взмахом крыла, освящает мою персону своим Божественным присутствием.

...Кто-то сквозь толщину стены стучит костяшками пальцев ко мне в камеру - звук глухой, но довольно ритмичный. Настырный стук, словно три библейских слова "мене, текел, уфарсин" (с арамейского: "исчислено, взвешено, разделено"), начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара и предсказавшие от имени Всевышнего, как написано в Книге Даниила, скорую гибель царю и его царству.

Лишь спустя месяцы я выучился языку этого перестука и часто "беседовал" подобным образом с соседями по смежной камере.

Я не отвечаю. Напрягся и жду ответных действий: что же будет дальше?

В эту минуту дверь камеры открывается, входит надзиратель в фуражке МГБ с малиновым верхом и синей окантовкой. У него желтое, одутловатое лицо. Обращаясь ко мне на «ты», он говорит: «Вот тебе глиняная миска, из нее будешь есть пищу и пить чай. Спать днем запрещено. Перестукиваться с соседями за стенкой нельзя. Подъем в шесть утра. Быть всегда готовым к вызову в кабинет следователя. Мебель не ломать, металлические изделия не прятать. Помывка в бане - раз в неделю. Камеру должен убирать сам и раз в месяц ошпаривать нары горячей водой. А еще ежедневно по двадцать минут имеешь право на прогулку в тюремном дворе. За нарушение установленных правил - карцер».

Бесстрастно изложив заученные правила внутреннего распорядка, надзиратель удалился. Послышался лязг соседней двери. Вероятно, надзиратель пошел дальше продолжать свою старую песню. Наступила ночь, и я по-прежнему - в ожидании вызова к следователю.

Со временем я понял, как следует вести себя на допросе. Но в первый раз это выглядело довольно странно: ты уже вроде спишь, "нежась" первые полчаса на нарах. Половина одиннадцатого ночи. И вдруг в железной двери открывается окошечко, через которое всегда подают еду. В этот раз чья-то голова просовывается в дырку, называет твою фамилию и инициалы и приказывает: "Одевайся!". Ты моментально одеваешься, и конвойный ведет тебя по длинному коридору, затем вниз по ступеням, в специальное помещение, крошечную низкую каморку, в которой может поместиться лишь один человек, да и то в сидячем положении, так как твоя голова упирается в потолок. Тебя заталкивают в этот глухой "ящик", чтобы ты не мог встретиться с другим арестованным, которого ведут с допроса в свою камеру.

Автомобиль, предназначенный для перевозки заключенных, разделен внутри с двух сторон на небольшие клетки, между ними - узкий проход. В такие клетки арестованных одного за другим запирают на ключ. В машине душно, просто нечем дышать, окна отсутствуют. Нередко заключенный, имеющий весьма нестандартные формы, в такой клетке еле умещается. К каждой просьбе "пассажиров" хотя бы на минуту приоткрыть дверцу сидящий в коридорчике солдат-охранник остается глух. По тяжелому дыханию и стенаниям я потихоньку научился узнавать своих попутчиков.

Случалось, что, несмотря на строгий запрет, арестованные чуть слышно перестукивались через тонкую перегородку, узнавая, кого и за какие «грехи» взяли. На обратном пути следования в тюрьму в машине раздавались вздохи измученных, истерзанных на допросах арестантов.

В первый раз всё для меня было внове и чуждо. Чтобы подняться и вскарабкаться в кузов машины, следовало приложить усилия. Конвоиры орут благим матом: "Давай живей! Следователь ждет!" В это мгновение мой взгляд падает на здание тюрьмы, по форме напоминающее букву "Г", напротив огромного красного здания, предназначенного для уголовников. Между прочим, это старейшая тюрьма в Хабаровске. Она находится неподалеку от той, в которой обитаю я. Здание построено по последнему слову техники пленными японцами сразу после войны.

Нас ведут к солидному зданию высотой в шесть этажей, которое растянулось на целую улицу. Это огромное здание сотрудники НКВД в свое время приспособили под Управление. Здесь - лабиринт коридоров и ступеней. Нас заводят во двор, в котором находится следственный отдел.

Пространство лестничных клеток от перил до стены перетянута металлической сеткой, чтобы никто не мог броситься со ступеней в лестничный пролет и покончить самоубийством.

Меня завели в просторное помещение, комфортно обставленное мебелью, с дорогим персидским ковром на полу. На письменном столе - статуэтки из серебра и латуни и прочие безделушки. В углу, в большой деревянной кадке - высокий, разросшийся вширь фикус, занимающий почти половину кабинета. Просторное помещение освещает шестилампная люстра из граненого хрусталя. Если бы не портрет основателя ЧК товарища Дзержинского и не окна с искусно сделанными решетками на окнах (чтобы, как это бывало, арестованному не приходила в голову мысль выброситься вниз), никогда бы не подумал, что нахожусь в кабинете начальника следственного отдела НКВД.

За письменным столом сидит мужчина возраста около шестидесяти, в военной форме, с золотистыми погонами полковника. Недоброе, морщинистое лицо. Полковник с трудом пытается выдавить улыбку:

Садитесь, пожалуйста.

После прочтения моего первого обвинительного заключения, которое не являлось окончательным (обычно в ходе следствия этот документ обрастал дополнительными пунктами), я узнал, собственно, то, с чем ознакомился в кратком перечне моих прегрешений, который мне зачитали при аресте. Но в этом акте перечень расширился, стало больше деталей.

Пока мое обвинение согласно закону выглядело следующим образом: я обвиняюсь по статье 58 (контрреволюционная националистическая деятельность), пункт 10, часть 1-я. В

обвинительном акте, предъявленном мне в ходе следствия, 1-я часть заменена на 2-ю, предусматривающую наказание до 25 лет, а в военное время - смертную казнь. Мне также приписали пункт 11-й - принадлежность к подпольной группе. Из всех сил я сопротивлялся пункту "Б", подразумевавшему шпионаж, который мне также пытались приписать.

Согласно обвинению это означало, что, будучи по сути "буржуазным националистом", я, гражданин, приехавший из Польши в 1939 году, развернул в Советском Союзе националистическую деятельность. Целому ряду людей, которые известны следствию, я высказывал свои националистические взгляды. Особенно когда говорил о своей деятельности, которую, начиная с 1944 года, я развил в Биробиджане. В свои литературные работы (прозу и стихи) я привносил буржуазно-националистические идеи о единстве еврейского народа, постоянно подчеркивая еврейские моменты во всех событиях и явлениях, распространял ложные слухи о повальном антисемитизме на Украине, ставшем главной причиной отъезда евреев из этой республики в Биробиджан. В годы войны я писал стихи о еврейских партизанах. В общественной работе призывал искусственно насаждать еврейскую культуру в Еврейской автономной области - в то время, как нужда в таковой отсутствовала.

Я объяснял начальникам всех следователей, что моя деятельность не была контрреволюционной и что понятие "буржуазный националист" ко мне не может быть применимо. Я доказывал, что, наоборот, вся антиеврейская кампания, которая в последнее время развернулась в СССР, не соответствует положениям советской конституции. Я был красноречив, но, похоже, говорил с глухой стеной.

Полковник меня выслушал, саркастически улыбнулся и сказал:

- Значит, вы настаиваете на том, что всё совершённое вами было правильным? Возвращайтесь в камеру и хорошенько подумайте. Идите и думайте. Но прежде напишите автобиографию...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 22-28 августа 2013. № 413.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Бэзр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-412)

Мой первый следователь

Начальник следственного отдела на первом же допросе предупредил, что дальнейшее дознание будет вести не он, а другой следователь. Начальник должен заниматься крупным "уловом", рассудил я, для него же моя персона наверняка "мелкая рыбешка".

Сменивший его следователь оказался офицером в звании подполковника. Высокий, худощавый, с бледным лицом, постоянно кашляющий, задыхающийся, с явными приступами астмы, если судить по еле проговариваемым словам. Ввиду своего достаточно корректного поведения, он как-то не вписывался в привычную должность. Глядя на его болезненную фигуру и поведение, я сразу прикинул, что наверняка у него дома жена и куча малых детей, а сам он вынужден заниматься грязной работой ради заработка. Я пробыл у него на следствии целую неделю, но каждый раз больше сведений узнавал от него, нежели он - от меня. Содержание написанных им протоколов соответствовало моим показаниям, ничего лишнего он в них не вносил. Случалось, что мне не нравился нюанс или неточное слово, которые могли сказаться на обвинении. Кашляя, подполковник соглашался со мной и исправлял, а если речь шла о большом тексте, то рвал протокол на части и писал его по новой. От моего первого следователя я узнал, кто и за что уже сидит.

Мне стало известно, что в стране действуют "три гнезда еврейского национализма" - в Москве, Киеве и Минске. Что касается Биробиджана, так это совсем другое, особенное дело, более страшное, так как "в опасности огромная дальневосточная территория". "Биробиджанский национализм" еще более опасен, чем украинский, поскольку на кону стоит государственность великой страны.

Каждый день у моего следователя начинался с 15-минутного молчания. Сажу на стуле, привинченном к полу (чтобы, не дай бог, не мог бросить его в следователя, углубившегося в бумаги за письменным столом). Внезапно следователь отрывается от бумаг, поднимает глаза и обращается ко мне:

- Следствие показало, что...

Следствие показало, что я был тесно связан с Михоэлсом и что он рекомендовал меня в Биробиджан. Сам же Михоэлс был связан с иностранной разведкой, и следствию известны все явочные места, где проходили наши встречи, вплоть до рюмочных, где мы выпивали и беседовали. Известны даже задания, которые я от него получил накануне отъезда из Москвы в Биробиджан.

Следователь показал мне три фотографии, на двух из которых были совершенно незнакомые лица, на третьей - знакомая личность.

- Вы знаете, кто эти люди?

- Не помню.

- Вы бывали в Алма-Ате?

- Бывал.

- Вы знали ленинградского еврея по фамилии Райзе? Так вот, этот Райзе письменно поясняет: "В 1942 году по поручению органов НКВД я беседовал с Эмиотом. Подтверждаю, что он крупный националист. Среди вопросов, которые он мне задавал, были и такие: знаю ли я, что в 1936 году в Белоруссии были ликвидированы все еврейские школы? знаю ли об аресте многих сионистов? Состоял ли сам Эмиот в сионистской организации, мне не известно, но то, что он националист, - это точно"...

На это я ответил следователю: "Михоэлс был советским патриотом и никогда не связывался с вражескими агентами. Михоэлс был и остался великим евреем и великим артистом. Встречаться с ним было для меня огромной честью, он мне тогда посоветовал писать серьезные, правдивые очерки о Биробиджане. Разговоров с ленинградским евреем Райзе за давностью времени припомнить не могу. Мало ли с кем когда-то я говорил, всего не вспомнишь. И это еще не факт, что я буржуазный националист".

Сказанное мной следователь тщательно записал. Прочитав протокол и убедившись в соответствии моих слов, я подписался под текстом, после чего меня увели в тюрьму. Допрос проводился до самого обеда. а с вечера - снова допрос, причем далеко за полночь. Эти длинные, изматывающие процедуры продолжались дважды в сутки. У моего следователя в запасе было достаточно вопросов, с каждым разом их становилось больше. На столе выросла новая стопка увесистых папок с бумагами, свидетельствующими о моих "преступлениях".

Каждый раз следователь начинал с одного и того же:

- Следствию известно, что...

Да, следствию известно, что я написал поэму о еврейском народе, передающем свое наследие из рода в род, из поколения в поколение - почти на всех континентах. Следовательно, проповедовал не интернациональную, а националистическую идею о единстве еврейского народа.

Следствию также известно, что я утаивал достоинства произведений великой русской литературы, расхваливал зарубежную поэзию, утверждая, что Маяковский ничего нового в литературу не внес, что до него уже подобным образом писали американец Уолт Уитмен, бельгиец Эмиль Верхарн...

Бог мой! Неужели на этой бессмыслице всё закончится? Или следствие будет продолжаться бесконечно? Будут материть, орать, запрут в карцере? Какой истины они

хотят от меня добиться, лишая сна? Из-за допросов на сон остается всего лишь каких-то два-три часа. Я стал нервным, близок к умопомрачению, временами в голове мелькают какие-то дурацкие иллюзии - кажется, что вот-вот меня освободят! Улик у них недостаточно, чтобы вот так, запросто, "припаять" человеку большой срок... Господи, за что?

Более всего меня занимала мысль о сравнительно хорошем обращении со мной на следствии. Странная ситуация: не уловка ли это, не хитрый ли ход? Может быть, следователь мне действительно верит? Хотя вчера он мне открыто заявил:

- Признаетесь ли вы в содеянном или нет, все равно отсюда не выпустят. Следствие обладает достаточным количеством материалов, чтобы предать вас суду. Если признаетесь, наказание будет смягчено. Зависит от того, в какой плоскости пойдет следствие. Но из имеющихся материалов двенадцати допросов окончательных выводов сделать нельзя!

... Наступает долгожданное воскресенье - день, когда на допросы не вызывают. С особым удовольствием проваливаюсь в сон, потому что сегодня единственный день недели, когда разрешается эта роскошь. Страшно тяготит одиночество. Мне необходим человек, близкая душа, старая или молодая, - неважно, лишь бы поделиться словом. Из соседней камеры доносится настойчивый, продолжительный стук. Не совсем еще разбираюсь в этом тюремном языке, сердце подсказывает что-то недоброе, но я обеими руками, словно двумя крылами, прогоняю прочь черные мысли.

Увы, предчувствие не обмануло меня: в ведомстве бериевского ставленника на Дальнем Востоке, всемогущего генерала Гоглидзе следствие ведут иначе - всего за две недели мне успели сменить следователя и ужесточить режим. Пошло всё по-другому - "доброго" следователя-астматика сменил следователь-садист.

Находясь позже в лагере, мы, испытавшие «комфорт» одиночных камер, грубость и издевательства на допросах со стороны главного садиста из всех хабаровских следователей, могли уже иронизировать, шутить и даже смеяться по адресу этого жирного, зажавшегося типа в погонах. На допросах он не говорил - кричал, после правдивых ответов бросал меня в карцер на пять суток - в совершенно темную камеру в сыром подвале. К тому же, этот толстомордый субъект был чересчур труслив. Во время допроса у него на столе всегда лежал пистолет. Когда он, как зверь, чуял моральное сопротивление сидящего напротив него "крепкого орешка", он начинал размахивать оружием.

Этот выродок по фамилии Озирский отличался изощренными способами издевательств над подсудимыми - не даром его так высоко ценил сам Гоглидзе. На допросах Озирский сразу шел в психическую атаку: доставал из кучи бумаг на столе мои телеграммы, письма, личные и служебные, которые как корреспондент ЕАК, я посылал в Биробиджан и Москву...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 29 августа-4 сентября 2013. № 414.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Безр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-413)

Озирский, сатрап из МГБ

Хабаровский следователь Озирский похвастался, что прежде, чем взяться за мое дело, он прочитал аж тридцать книг о евреях и всех проблемах, связанных с ними. Но, судя по тому, как он вел следствие, я убедился, что в еврейских делах он полнейший профан. Да, он выучил цитату из книги нацистского идеолога Альфреда Розенберга "Миф 20-го века" о том, что "евреи имеют два отечества - Палестину и Биробиджан", и нес всякий нацистский бред, дабы показать свою осведомленность. Однажды некий еврейский писатель (*Эмиот не называет его имя, - вероятно, это один из фигурантов "Биробиджанского дела" – З.В.*) здорово подвел этого следователя - "помог" Озирскому составить протокол, в котором указывалось, что Шолом-Алейхем был... графоманом. Другого способа насолить Озирскому у того еврейского писателя, естественно, не было, кроме как хотя бы таким образом выставить следователя на посмешище перед начальством. "Протокол с Шолом-Алейхемом так бы, наверное, и остался в "деле", - рассказывал потом еврейский писатель, - если бы помощник Озирского не спохватился, что дело здесь нечисто..."

Упоминая еврейских писателей, Озирский всегда добавлял к их именам уничижительные эпитеты - привешивал опасные ярлыки, и выглядело это так: "враг народа" Дер Нистер, "враг народа" Фефер, "матерый националист" Михоэлс и т. д.

До сих пор мне невероятно трудно вспоминать физические и моральные страдания, которые я испытал в ходе следствия по вине этого негодяя. Иной раз я не сдерживался - спорил с ним, пререкался, за что он меня сразу сажал в карцер. Четыре раза по пять суток я находился в темной мрачной камере, в которой на сутки лишь полагалось триста граммов хлеба и кружка воды. Если я не поддавался давлению Озирского, то это происходило не столько по причине моей отваги, сколько из-за отвращения к этому сатрапу. То, до чего не додумался предыдущий следователь, осмелился сделать Озирский, объявив меня шпионом.

Оказывается, все мои письма, корреспонденции, отправляемые из Биробиджана, были написаны мной таким образом, чтобы ими могла воспользоваться иностранная шпионская сеть.

Он никогда не обращался ко мне на "вы":

- Ты делал свою работу очень умело, по-хитрому, но для этого имеется контрразведка, которая расшифрует твои донесения.

И тут выплывает целая история с почтовым пакетом.

На одном из допросов он вытащил из сейфа большую бандероль и показал ее мне.

- Ты узнаешь этот пакет?

Конечно, я узнал этот пакет. Вся биробиджанская почта из-за этого пакета "ходила ходуном".

Как-то по поручению московской "Эйникайт" я должен был подготовить две газетные полосы под общим заголовком "Соревнование двух городов". Дело в том, что дальневосточные города Биробиджан и Благовещенск вступили между собой в "социалистическое соревнование": кто из них впереди по благоустройству. Согласно показателям в таблице по части озеленения городских улиц лидировал Биробиджан. Следует сказать, что среди всех городов Дальнего Востока Биробиджан выделялся огромным количеством высаженных деревьев и кустарников, аллей в парке и скверах, обилием цветочных клумб. В озеленении Биробиджана отличился некто Штейн, еврей, приехавший еще в начале тридцатых годов из Америки и сотворивший чудеса на доверенном властями поприще.

Чтобы сделать репортаж о соревновании двух городов, я съездил в Благовещенск, раскинувшийся на границе с Китаем. Вероятно, моя поездка в пограничный город и вызвала подозрение у органов госбезопасности. Лишь река Амур разделяет русский Благовещенск от маньчжурского города Сахалин. Восхитившись экономическим и культурным развитием Благовещенска, я взял интервью у председателя горисполкома и других городских чиновников. То же самое, готовя материал, я затем проделал и в Биробиджане. Две полосы в "Эйникайт" получили простой заголовок: "Соревнование двух городов".

Текст репортажа с фотографиями я вложил в большой конверт и отправил авиапочтой по назначению. Но редакция "Эйникайт" почему-то эту бандероль не получила. Тогда я отправил телеграмму министру связи, и по всей авиалинии Хабаровск-Москва начались поиски пропавшей бандероли. Искали в Биробиджане и во всех промежуточных аэропортах и почтовых отделениях, то есть везде, где самолет совершал посадку.

И вот неожиданно эта почтовая бандероль оказалась на столе у моего следователя. Тот, уткнувшись в мой репортаж, листает страницы, разбираясь в написанном, как "свинья в апельсинах". Тем не менее, он полон спеси, фальшивого оптимизма, и нагло торжествует:

- Вот видишь, от нас ничего нельзя спрятать. Даже конституция, гарантирующая тайну личной переписки, тебе здесь не поможет... Знай: наши органы стоят выше закона!

Ах, да, еще эти фотографии с видами пограничного Благовещенска - будь они неладны...

- Ты делал фотосъемки секретных объектов.

- Городской парк - секретный объект? - наивно спросил я. Каким же идиотом я оказался, когда искал справедливости у Озирского! Сходу он "пришил" мне новую статью: "контрреволюционная деятельность, совершенная группой лиц".

По версии Озирского, дело происходило таким образом, будто я состоял в "контрреволюционной связи" с семьей местными жителями. Но с названными лицами я не встречался вообще. Не то, что с ними слова не молвил, но даже близко возле них не стоял. Но логика Озирского была железной: "Ты состоял в преступном сговоре с антисоветскими элементами, которые, в свою очередь, были связаны с другими такими же людьми, с которыми ты не мог быть не связан, - а это уже группа, коллектив".

Допросы этого садиста стоили мне огромных душевных сил и здоровья. За то время, что он надо мной и физически и морально издевался, я почти превратился в калеку.

Один еврейский писатель, которого я позже встретил в лагере, поведал, что и его "родной" следователь над ним так же издевался. Этому писателю накануне ареста была сделана операция по удалению желчного пузыря, незажившая рана открылась и гноилась. На одном из допросов следователь в звании полковника после оскорблений и выкрика: "Жидовская морда!" - ударил его сапогом в живот.

Другой еврейский писатель, довольно пожилой человек, со слезами на глазах рассказывал, как следователь во время допроса пытался его "опустить", принуждая к извращенным половым действиям.

Способы и методы пыток у следователей были разные. У Озирского излюбленным методом было психическое давление на жертву: лишать сна, не давать возможности полностью использовать 20-минутную прогулку в тюремном дворе. К тому же он часто бросал меня в карцер, в котором сновали мыши, и пока ты не спрячешься в какой-нибудь угол "одиночки", бегаешь от этих тварей в подвальном мраке, словно помешанный. Я даже научился кормить мышей с рук, делясь с ними частью скудного хлебного пайка, который мне выделяли раз в сутки.

Я научился сдерживать чувства, чтобы не наброситься на следователя, словно свирепый тигр, как это чуть не произошло в тот, первый раз, когда после пяти суток пребывания в сыром подземелье, он позвал к столу, уставленному всевозможными блюдами и, по-иезуитски ухмыльнувшись, произнес:

- Ну как, долго еще будешь артачиться? Признайся в своих злодеяниях, и мы заживем в мире и согласии.

Со стола я ничего не взял. До боли прикусив губы, молча исходил ненавистью. Но вот пришел момент, когда мое терпение лопнуло и вылилось через край в бурный протест.

Это произошло посреди ночи. На одном из допросов Озирский, сидя за столом, стал болтать по телефону с знакомыми женщинами, скорее всего, своими любовницами. Уставший, измученный бессонницей, я попросил, чтобы он дал указание конвою отвести меня в камеру - час - другой вздремнуть до подъема.

- Нежиться будешь в могиле - там, где после приговора будет твоя постель!

Я бросился к нему, но в лоб мне уперся пистолет, и стоявший рядом конвойный скрутил мне сзади руки. Я решил: будь что будет, но на допросах у Озирского сидеть больше не буду. И слово свое сдержал.

Избавление от этого садиста мне дорого обошлось. Я написал несколько заявлений начальнику следственного отдела с просьбой выделить другого следователя, но на это - никакой реакции. Я был в глубоком отчаянии, истощен морально и физически, от постоянного недосыпа нервы были на пределе. От того, что приходилось лежать на голом полу карцера, ломило в костях, болел позвоночник.

Я перестал принимать пищу. Прошел один день, второй. Мне стали угрожать, что будут насильно вводить пищу с помощью резиновой трубки прямо в нос.

- У нас в такие игры не играют! - разъяснил мне начальник тюрьмы, которого по этому случаю вызвал охранник. Оказывается, на третий день отказа от пищи арестованного кормят искусственным образом, то есть насильно.

Медсестра из тюремной санчасти вручила мне успокоительные таблетки для нервов и несколько раз обещала вызвать врача. Но ждал напрасно - докторша появлялся в тюрьме лишь раз в неделю и то в составе инспекции. Бросит взгляд на арестованного и идет дальше.

Я умолял медсестру:

- Мне ничего от вас не надо, прошу лишь одного: пусть мне заменят следователя. И еще пустяк, который спасет мое психическое состояние - помогите выбраться из "одиночки". Мне необходимо присутствие рядом какого-нибудь человека, с которым я мог бы перемолвиться словом, иначе здесь сгину от тоски и одиночества.

Тюремная докторша тоже носит на плечах майорские погоны МГБ с синими просветами и, черт знает, что она здесь вообще делает. Будучи врачом, должна оказывать помощь, но ее помощь выглядит, как ведро холодной воды, которой обливают арестанта, измученного пыткой, чтобы он был готов к новому допросу и дальнейшим мучениям.

Однажды услышал ее голос в коридоре - что-то непонятное происходило там: чьи-то быстрые шаги, тревожный разговор. Наверное, очередной приход начальства, - подумал я. Спустя некоторое время после "одиночки", находясь в большой камере с такими же, как и

я, бедолагами, я узнал, что в соседней камере кто-то покончил с собой. Вскоре мне самому пришлось сидеть в той камере, бетонный пол которой еще не был отмыт от крови.

Внезапно меня охватило странное желание что-то сделать с собой, но, право, это не такое уж легкое дело. "Глазок" в двери открывается почти ежеминутно, и охранник наблюдает за каждым твоим шагом.

При себе у меня металлических предметов не было, даже железные пуговицы с одежды были предусмотрительно срезаны перед тем, как я переступил порог тюрьмы. Используя момент, когда охранник разносил еду, я выбил кусок стекла из окошка, расцарапав руки. С огромным усилием я вытащил этот осколок, так как стекло было переплетено внутри тонкой проволокой. Тут же попытался отыскать у себя на руке вену, но попадал лишь на плотную мышцу. Кровь текла, но опасности для жизни не было. Внезапно в камеру вломился охранник, молниеносно выбил из руки окровавленный осколок стекла и по тревоге вызвал начальника тюрьмы с врачом.

Понятно, что не за мою жизнь они испугались, а за свои должности. Тюрьма обязана содержать арестованного в целости и сохранности до окончания следствия. Врач же должен поддерживать в должной степени жизнь и здоровье каждого заключенного, всегда быть начеку, потому что подобных происшествий в тюрьме происходит немало. За такие случаи тюремное начальство наверняка получает строгие взыскания. Так что наши жизни представляют определенную ценность.

Мне быстро забинтовали руку и перевели в другую камеру - на две персоны.

Примечания переводчика

Маньчжурия - историческая область на северо-востоке Китая.

Сахалин (с 1980 г. - Хэйхэ) - город в Китае, расположенный напротив Благовещенска через реку Амур. В настоящее время являются городами- побратимами, связаны речным сообщением.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 5-11 сентября 2013. № 415.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Бээр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-414)

Мой первый сосед - молодой матрос

Едва войдя в камеру и не успев толком оглядеться, я с порога услышал:

- Здравствуйте!

Бледное, худощавое лицо с пылающими черными глазами, нежные черты хрупкого юноши-ешиботника из прошлых времен. Если прилепить к нему пейсы, нахлобучить на голову хасидскую шляпу, то перед тобой окажется вылитый Ханан, один из главных персонажей пьесы "Дибук" Ш. Ан-ского. Но юноша не был ни ешиботником, ни даже студентом. Простой русский парень, двадцатидвухлетний матрос. Целую неделю мы "квартировали" с ним в одной камере. Согласно тюремным правилам, арестантов в одной камере вместе долго не держат. Дабы слишком не перезнакомились и не задумали что-либо непотребное - например, побег.

Изголодавшийся по человеческому общению, уже в первый день я поделился с ним своими переживаниями за последние месяцы и от всего сердца выговорился. Новичком по части отсидки он не был - хабаровская тюрьма у него на счету уже была третьей, - с того дня, как его арестовали во Владивостоке. Он уже освоил тюремную науку: может перестукиваться через стенку, знает всех здешних следователей. Кроме того, он передал мне привет от нескольких биробиджанских товарищей, которые томятся в этой же тюрьме и о которых мне ничего не известно. Наверняка их арестовали в то же время, что и меня. Но если ты не овладел азбукой Морзе, то весьма проблематично узнать, кто еще находится в этом огромном узилище.

- Поверьте, совсем скоро, - заверил меня сосед, - вы избавитесь от своего мучителя Озирского; вам назначат другого следователя, так как тюремное начальство очень боится самоубийств. До окончания следствия вы им нужны целым и невредимым.

Мой новый знакомец был голоден, и я ему отдал свою пайку хлеба, которую ввиду моего угнетенного состояния не мог съесть сам. Голодный, как волк, сокамерник набросился на хлеб. При аресте у него отобрали несколько тысяч рублей, права пользоваться своими деньгами у него не было - только с разрешения следователя. Можешь иметь деньги, но если твой следователь не разрешает пользоваться ими, то в тюремном киоске ты ничего не купишь, даже пачки махорки и спичек.

Мой сосед рассказал весьма удивительную историю своего ареста. Вместе с ним забрали еще шестнадцать матросов с военного катера-тральщика, вылавливающего мины в пограничной зоне. Морякам выдвинули обвинение в том, что они готовили "бунт на корабле", точнее, на катере, планировали убить капитана и увести судно из Порт-Артура, который в 1945 году советские войска освободили от японцев, в китайский порт Дайрен (Дальний), уже не контролируемый Советским Союзом. Со слов матроса, вся эта история была не более чем юношеским озорством, не стоила и выеденного яйца, и никакого продуманного плана, разумеется, не существовало. Так, поговорили между собой, почесали языки, тут же и забыли. Сам капитан по природе своей был хорошим, добрым малым, пользовался уважением среди личного состава, и никто из экипажа против него ничего не имел.

Но среди членов экипажа нашелся доносчик, благодаря которому эта история стала известна органам НКВД. 19-летних комсомольцев-салаг арестовали и приписали статью 58-1, пункт "б", что означало "измена Родине" (за это деяние полагалась смертная казнь). Также этой группе приписали пункт 11-й (организованная контрреволюционная группа),

что еще более ужесточило наказание. Юному матросику "присобачили" еще один обвинительный пункт - 10-й (антисоветская пропаганда).

Капитану до глубины души было жалко своих неразумных подчиненных, но что-либо изменить было уже не в его силах.

Долго я не мог понять, откуда у ленинградского комсомольца, окончившего советскую школу, позже - мореходное училище, которого все годы воспитывали в советском духе, взялись эти страшные статьи - "измена Родине" и "контрреволюционная деятельность"?

Подоплека этой истории такова.

После нескольких лет плавания в водах Тихого океана, один из лучших матросов команды сторожевого катера получил отпуск на родину - домой, в белорусскую деревню.

Его отец погиб на войне, и мать, простая колхозница, должна была содержать дом, кормить себя и еще несколько малых детей. Приехав в родной колхоз, матрос (назовем его Шутков) повзрослевшими глазами увидел условия, в которых работают колхозники: трудодни с мизерным вознаграждением в виде ежедневных двухсот граммов хлеба и немного картофеля с капустой. К тому же, чрезвычайно высокие налоги, которыми государство обложило колхозников. Его 16-летнюю сестренку, пытавшуюся уехать в город, чтобы устроиться на фабрику, из деревни не выпустили. Крестьяне, словно крепостные, буквально привязаны к колхозу и его председателю. Поняв это, Шутков поехал в Москву, к Николаю Швернику, тогдашнему председателю Президиума Верховного Совета, чтобы рассказать ему о положении в колхозах, но тамошние чиновники не захотели его принять. Обескураженный всем этим, Шутков возвратился домой. Тяжелое, унижительное положение колхозников стало буравить его сознание, заставило пересмотреть отношение к "отцу и учителю всех народов" товарищу Сталину. Шутков, вернувшись из отпуска на катер, поделился своими мыслями с другими матросами, в числе которых был и мой сокамерник. Крамольные мысли, высказанные интеллигентным парнем, повлияли на сознание некоторых моряков. А сам Шутков стал тайком слушать зарубежные радиопередачи на русском языке и окончательно разуверился в том, о чем пишут советские газеты и журналы.

Находясь с матросом в одной камере и общаясь с ним, я почувствовал, что мои страдания улетучились, на душе стало намного теплей. Вроде бы пустяк: в пространстве, очерченном четырьмя серыми стенами, появился человек, еще одна живая душа; в помещении теперь не только бездушный тюремный инвентарь - деревянные нары, лежа на которых я в моих болезненных иллюзиях часто вспоминал лица моих близких и знакомых. Из-за этих постоянных миражей, страшных мыслей и разговоров с самим собой я был на грани безумия.

На допросы пока что меня не вызывают. Незначительная рана, которую я нанес себе, пытаюсь вскрыть вены, медленно, но заживает.

Рука уже не так болит, как раньше, и в какой-то момент мне кажется, что все не так плохо. Рядом со мной матрос - приятный, интеллигентный собеседник. Он отлично помнит наизусть роман в стихах Пушкина "Евгений Онегин", декламирует это произведение на сон грядущий и утром, начиная с подъема. Он также помнит и рассказывает подробно, в деталях, содержание произведений русских классиков. Став в тюрьме знатоком советской юриспруденции, он разъяснял мне юридические аспекты моего "дела", хитрые ходы и разные уловки следователей.

- В любой день, - просвещал он меня, - вас снова могут вызвать к следователю. А оставили вас в покое лишь на короткое время - из-за попытки самоубийства. В одиночестве вам сейчас уже пребывать не дадут, каждый раз будут переводить из одной камеры в другую. В тюрьме, знаете ли, попадают очень интересные личности и, если вы с ними найдете общий язык, то помаленьку уйдет тоска и исчезнут душевные муки. Это вам не одиночная камера.

Он выучил меня азбуке Морзе, посредством которой арестованные общаются, перестукиваясь через стенку смежных камер. Он же научил зажигать кусок ваты, высекая огонь трением камня о бетонный пол - действия, столь необходимые, когда находишься за решеткой.

Мое следствие, длившееся, казалось, без конца, обросло новыми деталями. На допросах сразу пять следователей бросались на меня в жесткую психическую атаку, ссылаясь на письменные показания неких свидетелей, которые подтверждали мои "националистические взгляды". Я понимал всю трагичность ситуаций, при которых появлялись подобные заявления. Не раз эти так называемые свидетели рыдали потом на следствии, требуя аннулировать выбитые из них прежние показания. Их страшили, что привлекут к ответственности за преднамеренную дачу ложных показаний - лжесвидетельство, - а это еще одна серьезная статья. Когда я заявил об этом следователям, то за свою дерзость получил сутки карцера. В отношении меня режим ужесточился, но в "одиночку" больше не сажали. Стоит только привыкнуть к одному гиблому месту, так меня переводят в другое...

Несмотря на трагизм моего положения, страдания и полную безнадегу, понемногу привыкаешь к этим гиблым местам. Сидишь в одной камере с такими же, как и ты, бедолагами, беседуешь с ними в свободное от допросов время и видишь, насколько жизнь многообразна, изучаешь различные характеры и делаешь выводы... Очень часто перестукиваемся с соседями через стену и узнаем, что происходит с нашими "делами". Горячо обсуждаем тему, касающуюся донощиков, или как их здесь называют, "сексотов". Как только в камере выявляется подобный тип, о нем вскоре узнает вся тюрьма, и расфасованные по камерам арестанты начинают предпринимать меры предосторожности.

Примечания переводчика

Ш. Ан-ский (Шлоймэ-Занвл Раппопорт, 1863, Витебская губ. - 1920, Варшава) - еврейский писатель, драматург, фольклорист, общественный деятель.

"Дибук" ("ha- Дибук" - бес, оборотень)- знаменитая пьеса, Ш. Ан-ского первоначально написана по-русски и затем переведена им же на идиш. На иврит переведена Х.-Н. Бяликом и поставлена в Москве (1922) театром "Габима".

(Продолжение следует)

Мы здесь. 11-18 сентября 2013. № 416.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Безр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-415)

Еврейский «переводчик» и японские генералы

Мои следователи убедились: "шпионаж", который хотел повесить на меня Озирский, не годится даже для типично состряпанного "дела", как мое. И совсем не потому, что я не шел на уступки следствию (это мало помогало), а из-за того, что при столь медленном ходе следствия по-прежнему нет даже веских доказательств моей вины, - лишь показания "липовых" свидетелей. Очевидно, что меня все-таки будут судить, хотя следствие и поубавило скорость, и меня гнобят с меньшим усердием. Но мой "национализм" "отчетливо" показан "свидетелями" и кучей ложных документов, представленных следователями. Но все же я полагаю, что мои действия нельзя классифицировать как преступление, подпадающее под статью 58-ю. Пытаюсь себя убедить, что эти действия входили в мои трудовые обязанности, но следствие настаивает на своем.

К примеру, следствие считает, что я охаивал советскую Украину, утверждая, что там существует антисемитизм. "На Украине, - говорит мой следователь, - не может быть антисемитизма хотя бы потому, что там наличествует советская власть, которая против этого явления..." Каждый вызов на допрос - лишь повторение, новые вариации старых: где-то обнаружили еще одно мое стихотворение, нашли еще какую-то статью или заметку "националистического толка".

Мои стихи на русский язык переводил капитан МГБ, еврейский парень из Биробиджана, который, вернувшись с фронта, после неудачных попыток на литературном поприще, стал внештатным переводчиком в этом ведомстве. Сначала он цинично поинтересовался, удовлетворяют ли меня как автора его переводы? Ехидно улыбаясь, добавил, что, по его мнению, каждый толковый еврейский поэт хотел бы иметь такого переводчика, как он. Я уже привык проглатывать подобные горькие пилюли и, когда мне показали постановление специальной комиссии, которую МГБ назначило из хабаровских русских писателей, я уже не был столь удивлен и взволнован. На основе изученных литературных материалов комиссия "действительно установила", что все труды биробиджанских писателей являются буржуазно-националистическими.

Гораздо позже мне стало известно, что подобные комиссии были организованы в Киеве, Минске и Москве. Пытаясь придать масштабному еврейскому погрому видимость чистой работы, МГБ при своих амбициях стремилось еще заполучить одобрение писателей. К этому пишущих людей принуждала обстановка в стране - страх и террор.

Я уже не удивлялся, когда мне зачитали бумагу, в которой Дер Нистер (вечная ему память!), один из самых светлых и прекрасных советских писателей, сам себя оговорил, заявив, что является прародителем еврейского национализма. За долгие тюремные месяцы я уже достаточно неплохо узнал методы работы МГБ.

К поведению тюремных охранников я уже привык и знал? примерно кого и как из них можно провести, чтобы хотя бы немного вздремнуть днем. Наша общая хитрость заключалась в том, что во время игры в домино каждый из сокамерников по очереди, сидя

спиной к дверному "глазку", дремал по десять минут. К слову, сокамерникам привыкать к друг дружке ни в коем случае не давали, часто переводя их из одной камеры в другую.

Однажды меня определили в просторную, чистую камеру, в которой были деревянные лежаки на пять человек. Неожиданно моему взору в своей амунии предстали три японских генерала. Старший из них - низкорослый, толстоватый, с белой седой бородкой, спросил меня по-немецки, кто я такой и откуда. И тут же самолично представился: генерал-полковник Усуруфу. Он представил также своих коллег: генерала артиллерии и генерал-майора авиации. Оказалось, длительное время генерал Усуруфу занимал пост военного атташе в посольстве Японии в Берлине. Он отлично владел немецким языком, по отношению ко мне был настроен дружески, и уже в первый день он поведал свою родословную.

В годы Второй мировой войны Усуруфу был заместителем генерала Отодзо Ямады, командующего Квантунской армией, дислоцированной в Маньчжурии, на границе с Советским Союзом. В результате победы над Японией большое число вражеских генералов было взято в плен советскими войсками. В специальном лагере для военнопленных, размещенном в Хабаровске, их содержали довольно неплохо, кормили по генеральской норме.

Когда в Хабаровске начался знаменитый процесс над группой военнослужащих Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия, семнадцать генералов во главе с Ямадой были арестованы и заключены в тюрьму, в которой пребывали уже не как пленные генералы, а как военные преступники.

Японские генералы держались со мной по-приятельски, играли в домино, шашки, лепили из хлеба фигурки для игры в шахматы. Два других генерала говорили только по-японски и по-английски, но мы понимали друг друга через их старшего - генерала Усуруфу.

Последний рассказал о предъявленном ему обвинении: якобы еще в двадцатых годах, во время японской интервенции на Дальнем Востоке он устроил кровавую расправу над советскими партизанами в Чите.

- Я всего лишь солдат, - оправдывался Усуруфу, - выполнял приказ, разве я виноват?

По этому поводу в длинные дискуссии я с ним не вступал, здесь мы оба зэки и одинаково считаемс считаемся преступниками. Генерал продолжал мне рассказывать про свой великолепный дом и ухоженный двор с прислугой из двадцати человек, о своих сыновьях - высокопоставленных армейских офицерах. Следует заметить, что помимо улучшенного пайка, у генералов был облегченный режим: могли спать днем в дневное время, их не заставляли заниматься непотребным делом - выносить "парашу" или обливать горячей водой деревянные нары, избавляясь от клопов. У командующего Квантунской армии генерала Ямады была даже отдельная обслуга, и возле его камеры всегда стояла специальная охрана.

Спокойную жизнь нашей камеры нарушил новый арестант, которого к нам привели. Это был предводитель воровской шайки по имени Володя. Долговязый крепыш с интеллигентным лицом, одетый в добротный синий костюм и в черных лакированных башмаках. Войдя в камеру, он сходу мне представился:

- Володя, русский человек, - и ткнув указательным пальцем в сторону японцев, ехидно улыбнувшись, спросил: "А что здесь делают эти фашисты-самураи?"

Позже из наших бесед я узнал, что его брат, полковник Красной армии, в 1938 году погиб в бою с японцами на озере Хасан. Отсюда и его личная неприязнь к японским генералам, которым он в камере стал отравлять жизнь.

В одной из бесед Володя поведал историю своей жизни.

Примечания переводчика:

Квантунская армия под командованием генерала Отодзо Ямады в ходе маньчжурской операции советских войск потеряла около 84 тысяч солдат и офицеров, свыше 15 тысяч умерли от ран и болезней на территории Маньчжурии, около 600 тысяч чел. попали в плен.

Процесс над группой японских военных Квантунской армии проходил в Хабаровске в период с 25 по 30 декабря 1949 года. Им вменялось в вину нарушение Женевского протокола 1925 года - создание в Квантунской армии спецподразделений по заражению людей, в т. ч. советских военнопленных чумой, холерой, сибирской язвой и др. бактериологическими заболеваниями. Вина всех обвиняемых была доказана, но к высшей мере никто не был приговорен, так как смертную казнь в СССР отменили указом Президиума Верховного Совета от 26 мая 1947 года.

Мы здесь. 19-25 сентября 2013. № 417.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Безр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-416)

«Философия» советского вора

С 13 лет Володя рос без отца. Будучи беспризорным, он подружился с подобными себе и сутками ошивался на вокзалах, занимаясь мелкими карманными кражами. Несколько раз его ловили, и он отделялся воспитанием в детдоме или отбывал наказание в колонии для малолетних преступников. Когда Володя подрос, ремесло простого карманника ему надоело, и он взялся за более крупные дела. Для пущей маскировки днем он трудился токарем на мебельной фабрике и числился одним из лучших рабочих. Начальство не могло на него нарадоваться и выдвинуло его кандидатуру на должность бригадира. Но еще способней он оказался на "ночной работе" в качестве "бригадира" шайки воров. Эта "бригада" в течение нескольких лет успешно грабила ювелирные магазины, банки и сберкассы, склады с мануфактурой и проч.

- Свою работу, - давал мне Володя понять, - мы делали тонко, с умом, без особой бравადы и применения силы. - Мы были честные воры и кровопролитие ненавидели. Существуют различные методы, чтобы бескровно нейтрализовать охрану. Например, можно уговорить или подкупить сторожа. Или перед закрытием зайти в магазин и, схоронившись в закутке, остаться там на ночь. Чтобы бесшумно взломать кассу, необходимы опыт и сноровка.

Володя и был из таких специалистов. Дневная работа на фабрике служила ему прикрытием, отличным алиби. Кроме того, попавшийся на краже член шайки никогда ни при каких обстоятельствах не выдавал товарищей, сознавая, что его неминуемо настигнет не просто горькая участь, а смерть, если выдаст "подельников". При этом любому заключенному известно, что в тюрьме или на зоне он не будет одинок, - друзья, оставшиеся на воле, в беде его не оставят, будут всячески помогать во время отсидки.

Хабаровская милиция была неплохо осведомлена о воровской шайке и ее вожаке, но чтобы схватить, арестовать и, тем более, судить Володю, достаточных улик не хватало. Поэтому милиция придумала западню, в которую его можно было завлечь.

Восьмого марта, когда по всей стране отмечали женский праздник, Володя отправился вместе с фабричными женщинами гулять в хабаровский порт, в так называемый "Затон". Там ему подсунили завербованную милицией девицу, которая с ним весьма охотно провела время, а потом заявила, что Володя ее напоил и изнасиловал.

Но и тут парень предъявил твердое алиби: одна из его девиц засвидетельствовала, что ту самую ночь он провел с нею.

Казалось бы, Володя выкрутился. Но один из "подельников" по неосторожности ляпнул на следствии лишнее, что не пошло на пользу Володе. Когда до "подельника" дошло, что сболтнул не то, попытался выхватить свой протокол допроса из рук следователя и порвать на мелкие куски. "В нашей среде, - растолковывал мне Володя воровские порядки, - в кошки-мышки не играют. Тот, кто проводит следствие, сам нас боится". Дальше его глаза недобро заблестели, и он продолжил: "Как-то мой следователь тревожным голосом спросил, правдив ли слух, что воры, выйдя на свободу, мстят своим следователям? Я этот слух не опровергнул, но заметил, что знаю случай, когда с одного слишком усердного "следака" живьем содрали кожу. От этих слов лицо у моего следователя стало тусклым, как очищенный картофель", - засмеялся довольный Володя.

Руководство тюрьмы к Володе благоволило, всячески выказывая ему особое уважение. К примеру, если с воли политзэку передают посылку, то во время ее досмотра содержимое выворачивают наизнанку. Даже буханку хлеба разрезают на куски, не спрятана ли там записка или еще что-нибудь недозволенное. К Володе посылки приходили целыми и невредимыми - контроль их не касался. Но если он замечал, что в посылке чересчур усердно рылись чьи-то руки, начинал стучать в дверь и материл тюремное начальство на чем свет стоит.

Володя по натуре своей был добрым человеком, никогда первым за еду не принимался, всегда делился со мной продуктами, полученными с воли. "Воровской закон", - просвещал он меня, - запрещает профессиональному вору кушать вместе с обыкновенным человеком. Но ты вроде ничего, нормальный мужик..." А "нормальным" у него я выглядел из-за того, что выдержал ответственный "эковский экзамен".

Однажды, перестукиваясь, Володя связался с арестованными девушками и сообщил, что завтра на прогулке он перебросит им шелковый платок через ограждение рядом с наблюдательной вышкой. Местом для нашей короткой прогулки служила небольшая площадка, разделенная внутри в виде креста четырьмя стенками и окруженная огромной бетонной стеной. Здесь, в отсеках, разделенных внутренними стенками, одновременно прогуливались арестанты из четырех камер, Володя изловчился и перебросил платок; охранник с вышки заметил лишь летящий в воздухе предмет, но кто его перебросил, он не знал. С вышки ему показалось, что платок перебросил я...

По возвращении в камеру с прогулки меня задержал конвойный и зло прошипел: "Старый хрыч, а туда же лезешь - девкам платки даришь..."

Я уже знал железные правила тюрьмы: если тебя поймают за дело, в котором твоей вины нет, но знаешь точно, кто в нем замешан, "закладывать" виновного ни в коем случае нельзя. Разумеется, Володю я не выдал, и охранник мне прямо заявил, чтобы готовился в карцер. История завершилась следующим образом: девушек вызвали к начальнику тюрьмы, и те клятвенно заверили, что шелковый платок в собственности одной из них находится уже давным-давно, а охраннику, видать, показалось, или просто-напросто он клеветает на пожилого человека. К счастью, в карцер меня не отправили. Володю восхитил мой поступок (по понятиям воровского мира я принял огонь на себя), и потому он со мной тесно сдружился, стал доверять.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 26 сентября-2 октября 2013. № 418.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Безр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-417)

Володино сердце

Пользуясь приобретенным авторитетом у вора Володи, ставшим теперь моим другом, я попросил, чтобы он как можно мягче относился к японским генералам-сокамерникам.

- Считаю, что в тюремной камере каждый зэк должен вести себя пристойно и порядочно по отношению друг к другу, а сведение счетов оставить на воле, - сказал я.

- Но они же фашисты! - ответил Володя.

- Получается, что для вас, советских людей, я тоже фашист, поскольку являюсь политзаключенным, - сказал я.

- Ты... наш фашист, а они - чужие фашисты...

- Но ведь ты, Володя, - пробовал я сыграть на другой струне, - тоже не совсем порядочный человек, раз похищаешь собственность у государства.

- Да, я вор! Но я - советский человек, советский вор! - на слове "советский" его голос налился сталью. - Пойми, я не против советской власти. А то, что ворую, так наше государство достаточно богато!

Трое японцев пытались мирно сосуществовать с Володей в одной камере, великодушно простив ему все нападки и выражения в их адрес. Угощали хорошими сигаретами со своей родины, но подкупить ничем и никак не могли. Все равно он всячески пытался им напакостить. Как-то, во время игры с ними в шахматы, он шепнул: «Сейчас ты увидишь, на что я еще способен. Хотя это не мой профиль - я давно уже не карманный вор и такими мелочами не занимаюсь. Правда, кое-какой опыт с малолетства остался».

И тут он продемонстрировал еще не утерянные навыки: все содержимое генеральских карманов переключало в его руки. По моей просьбе он вернул всё их имущество, но, тем не менее, от моего взгляда не ускользнуло, что была ущемлена их самурайская гордость; их лица под маской внешнего добродушия и спокойствия вспыхнули от прилива крови. Японцы даже пожаловались на своего обидчика следователю. Тот вызвал Володю и предупредил: если он действительно советский патриот, то должен жить по-хорошему с японскими генералами, поскольку следствие очень важное и нуждается в их показаниях.

Но Володя стоял на своем:

- Заберите их отсюда или переведите меня в другую камеру!

Появился начальник тюрьмы и пригрозил Володе, что наденет на него наручники.

- Да пошел ты!.. - расвирипел Володя.

- Вот обнаглел! Мы и не таких успокаивали!

- Я когда-нибудь им перережу горло, и ты за это ответишь! - хладнокровно пригрозил Володя начальнику.

Володя добился своего: его перевели в другую камеру.

Японцы сразу ожили и воспряли духом, хотя содержать в тюрьме их стали все хуже и хуже. Следствие у них закончилось, и их перестали баловать пищей. Они получали ту же «пайку», что и остальные заключенные. Из их рациона исчез рис, осталась лишь каша - овсяная или пшенная.

Старый генерал Усуруфу ворчал: "Пшенка, пшенка..."

Ничто не угнетало так старого генерала, как то, что судья не позволил явиться на судебное заседание в полной амуниции и желтых, блестящих сапогах с плотными голенищами:

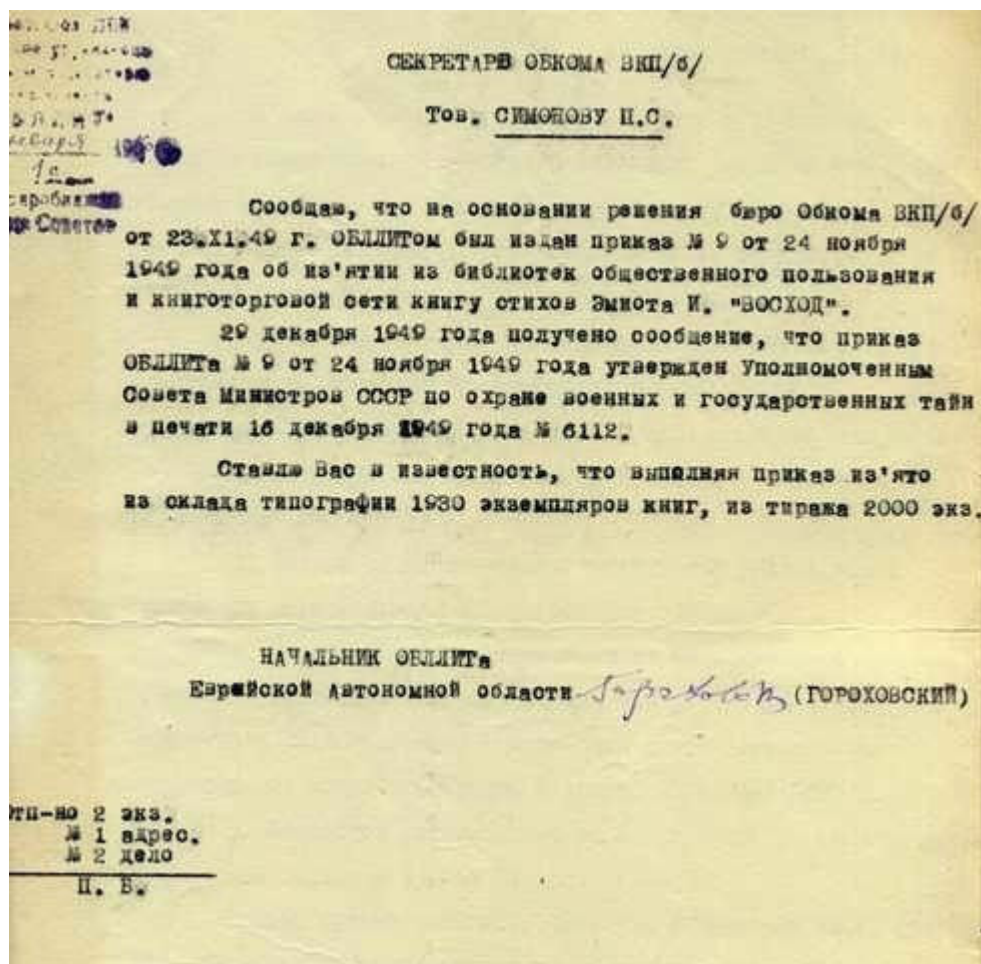
- Это всё так унизительно, - не мог успокоиться генерал, - так мерзко!

Судебные заседания в отношении японцев длились несколько дней подряд. Каждый раз генералы возвращались в камеру пунцовые и вспотевшие, ничего из еды не беря в рот, жалуясь на расстройство желудка. Извинялись предо мной за то, что столь часто занимают "парашу". Генерал Усуруфу перестал учить меня японскому языку по своей, особой, методе, больше не мудрил над шахматной доской. С каждым разом он становился все печальней, и все время интересовался, работают ли в лагере его ровесники - те, кому исполнилось 66 лет. Два других генерала, средних лет, находились просто в замешательстве. Они считали, что еще сравнительно молоды и их судьбы предрежены: их ожидает каторжная работа. Тревоги японцев были не напрасны: генералы получили по 25 лет каждый, и если они не сгнули в лагерях, то, скорее всего, их освободили согласно советско-японскому договору, и те пакости, которые им в тюрьме устраивал Володя, должны были казаться им сущей мелочью по сравнению с каторжной жизнью. Каждый из них запомнит все подлянки, которые устраивал Володя-вор им в тюрьме.

Я помню день, как мы прощались с Володей. Прежде чем покинуть камеру, он мне сказал:

- Я передаю тебе пароль. Все воры, если они "честняки", т.е. люди, которые блюдут "воровской закон", услышат, что ты сидел с главным вором Хабаровска по кличке "Керя", - они тебя не только не тронут, но и будут охранять от всяческих пакостей.

Гораздо позже, будучи недолго в Иркутской пересылке, я оказался в воровской банде. Сначала они зажали меня в угол и пытались отобрать ботинки. Но как только я сообщил им, с кем сидел в одной камере, старший воровской шайки сразу определил мне лучшее место в камере и дал всем наказ, чтобы ко мне относились, как к "родному". От этих парней я узнал, что Володя вышел на волю. Милиция на сей раз не смогла оставить опытного преступника в своих лапах - как всегда, не хватило улик...

Нужны ли комментарии к этому документу сталинской эпохи?..

А конца моим несчастьям даже и не видно. Следовательно, уверявший меня с самого начала, что "отсюда никто на свободу не выходит, прав обвиняемый или нет", не соврал. В течение года, что я провел в Хабаровской следственной тюрьме, не припомню, чтобы кто-нибудь обошелся без приговора; лишь очень немногие были осуждены трибуналом, большинство же получили «срока» заочно, от "тройки", заседавшей где-то в Москве. Наскоро просмотрев "дело", присланное следователями и согласованное с прокуратурой, хотя этот орган вообще своего мнения не имел, поддакивая всему, что было состряпано «на кухне» МГБ, "тройка" выносила жестокие вердикты. Осужденных, как правило, держали отдельно и столько времени, покуда из исправительно-трудового лагеря на них, то есть на необходимую рабочую силу, не придет наряд. Остальные обитатели тюрьмы узнавали о сроках наказания свежесознанных из записок, оставленных где-нибудь в уборной, из надписей на стенах. Обычно меньше десяти лет не давали, редко, очень редко обходились пятью годами заключения.

Рассказывают, что в Хабаровской тюрьме произошел редчайший случай, когда вместо обыкновенного протокола о признании себя виновным некоему подследственному по ошибке подсунули протокол о признании его невиновным, и арестант якобы вышел на свободу. Уже будучи в лагере, я пересказал экам эту удивительную историю, похожую на красивую сказку. Конечно, старые, опытные «сидельцы» не поверили, что подобное могло произойти во времена сталинского "правосудия".

(Продолжение следует)

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-418)

Но был один, кому повезло...

Меня переселили в другую камеру Хабаровской следственной тюрьмы; здесь вместе со мной находятся еще два арестанта. Один из них, крепкий мужик-сибиряк, опытный машинист паровоза, обвинен в воровстве. Как известно, железнодорожный транспорт контролируют органы МГБ, поэтому его определили в следственную тюрьму как "политического", хотя в его "деле" не было и намека на политику.

Этот машинист содержал у себя в домашнем хозяйстве свиней, но так как кормить их было нечем (купить где-либо для них жратву было большой проблемой), то долго он ее и не искал. Ведомый им железнодорожный состав всегда проезжал мимо большого склада с зерном. На платформе возле склада были разбросаны мешки с отрубями, хоть хватай их и вези домой.

Догадливый машинист так и сделал: остановив свой "товарняк", он забросил несколько мешков с отрубями в паровоз, за что, как позже стало известно, отделался сравнительно легким наказанием - тремя годами лагерей. Машинист был настолько доволен таким приговором, что всю стенку у выхода из камеры исписал лишь одной цифрой 3.

Второй сокамерник был полукровкой: отец - грузин, мать - русская. Его история удивительна. По окончании Высшего военно-морского инженерного училища он долгое

время служил на разных судах заместителем командира по технической части. Так как корабли заходили во многие советские портовые города, то так получилось, что у офицера-моряка было несколько квартир: в Риге, Владивостоке, Ворошилове*. И женился он на девушке необыкновенной красоты, но, увы, эта красавица-татарка, предмет его любви, стала источником всех его бед и несчастий.

Неподалеку от Владивостока, в приморском городе Ворошилове, проживал однофамилец того самого Гоглидзе, начальника Управления НКВД-МГБ Хабаровского края. Простой следователь МГБ, этот приморский Гоглидзе положил глаз на красавицу-жену своего сокамерника. Следователь постоянно искал повод, чтобы убрать мужа надолго и как можно дальше от жены. От "доброхотов" он узнал, например, что морской офицер, злоупотребив служебным положением, приобрел по льготной, весьма низкой цене мебель для дома.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы на основе полученных сведений (сплетен) простой следователь Гоглидзе открыл "дело", и в итоге морской офицер схлопотал десять лет ссылки. Но мряк был не из простаков - сын заслуженного партийца, который в Грузии когда-то был солидной "шишкой", работавшей во властных структурах республики.

Осужденный как "бытовик", то есть за чисто уголовное преступление, он был отправлен не на край света в каторжный лагерь, а отбывал наказание в виде трудовой повинности на одной из тихоокеанских судоверфей. Как водится у моряков, люди, которые вместе с ним работали, в беде моряка-специалиста не бросили. Как только механик взошел на корабль, моряки сразу его накормили и обеспечили всем необходимым. А красавица-жена, любившая его без памяти, бегала по всяким инстанциям с одной целью: добиться скорейшего освобождения мужа.

Это очень не понравилось следователю Гоглидзе и тот начал подыскивать механику "политическую" статью, найти которую в СССР не составляло большого труда. И вот что настырный следователь "раскопал". Оказывается, сразу после войны старший морской офицер, он же механик судна, в составе корабельного экипажа был направлен к берегам Америки. Командование его корабля вместе со всем личным составом устроило банкет, пригласив на борт американцев (союзники как-никак!). Доход с того злостного банкета должен был пойти на благотворительные цели. Следователь Гоглидзе, подобно шекспировскому злодею Яго, возжелавшего Дездемону, жену Отелло, тоже начал строить козни в отношении механика, правда, под видом "антисоветской, шпионской деятельности". Гоглидзе обвинил моряка якобы в том, что тот на вечере встречался с американскими разведчиками.

Также следователь привел факт, что советский офицер по возвращении домой в СССР позволил себе чтение "вражеской" прессы - эмигрантских газет на русском языке. Кроме того, произошла еще одна неприятность - с корабля, на котором он служил, один из офицеров командного состава судна сошел на американский берег и не вернулся, а ведь он, механик судна, будучи секретарем корабельной парторганизации, должен был все предвидеть, знать и своевременно докладывать наверх.

Короче, механика вышвырнули из судоверфи, на которой он работал, отбывая срок по уголовному делу, и перевели в хабаровскую тюрьму, в которой содержались "политические". Собственно, там и произошло чудо, которое в советских следственных тюрьмах не случается вовсе или происходит крайне редко...

Механик написал прошение начальнику краевого управления МГБ, тому самому, который тоже носил фамилию Гоглидзе, перечислив при этом большие заслуги генерала и, разумеется, не забыв свои собственные, - правда, более скромные. При этом, как бы невзначай привел нехороший факт, что следователь Гоглидзе из города Ворошилова злоупотребляет славной грузинской фамилией, которую носит и начальник всего дальневосточного МГБ, представляющий наркома Берию на Дальнем Востоке советской державы. Следовательно, на заслуженного генерала Гоглидзе как бы падает тень... Бывший судовой механик в 24-страничном послании употребил все свое красноречие, просидев над письмом несколько дней.

Конечно, хабаровский Гоглидзе, мягко выражаясь, ни на волосок не был лучше того истаскавшегося бабника из приморского Ворошилова, который хотел угробить человека из-за того, что возжелал его жену. Впрочем, оба Гоглидзе недалеко ушли от наркома Берии, посылавшего своих помощников на охоту за красивыми девушками. Письмо-жалоба бывшего флотского офицера возымело действие. Хабаровский Гоглидзе почувствовал себя в некотором роде ущемленным дикими выходками соплеменника из заштатного городка. Ведь их запросто могут записать на его счет - фамилия-то одна! Вскоре с автора жалобы были сняты все политические обвинения.

Несмотря на то обстоятельство, что механик должен был вернуться в исправительно-трудовой лагерь для дальнейшей отсидки по уголовному делу, радости моего соседа не было конца, поскольку за самое крупное уголовное преступление не наказывали так строго, как за политическое. Преступные действия, предусмотренные статьей 58 УК РСФСР (измена Родине, контрреволюционная деятельность), означали, что совершивший их попадает в разряд "врагов народа", то есть теряет надежду на освобождение. Позже до меня дошли слухи, что хваткая жена механика, красавица-татарка, сумела-таки вызволить мужа из неволи...

Увидев огромное количество узлов с бельем в бане, разместившейся в подвале, куда нас водили раз в семь дней, я понял, что тюрьма наша переполнена. Но сидя в одной камере, не видишь тех, кто находится в соседней, слышны лишь их шаги в коридоре. Ухо привыкает к этим шагам, и ты даже постепенно начинаешь их различать. Твой слух становится острым, как у слепого. Иногда даже пытаешься представить себе рост, комплекцию и лицо человека по его шагам. Обитающие в нашей тюрьме женщины тоже привыкли к своему горестному положению. Они даже научились по коридору не шагать, а мягко ступать, фланировать, как бы флиртуя. Они, женщины, знают, что за тяжелыми железными дверями томятся мужчины, и потому их мягкие, нежные шаги предназначены нам. Только нам...

В нашей тюрьме "проживает" значительное число женщин, общаясь с которыми посредством "морзянки", узнаешь, кто они, в чем их обвиняют. Большинство из арестанток - молодые, в самом соку, обвиненные в "шпионаже и измене Родине". Но и женщин в возрасте хватает - фабричных работниц, служащих, колхозниц, которых упрятали за решетку за "антисоветскую агитацию" - нечаянно оброненное не то слово.

Характерно нежное, доброе отношение женщин к мужчинам-зэкам. Некоторые готовы голодать сами, отдавая свою пайку хлеба тем мужчинам, которым своей порции не хватает. Делали они это разными путями: через надежного охранника или, предупредив заранее "морзянкой", прятали хлеб в определенном месте между стеной и трубой центрального отопления...

Примечание переводчика:

**) Город Ворошилов в 1957 году был переименован в г. Уссурийск, Приморского края*

Мы здесь. 10-16 октября 2013. № 420.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-419)

В ожидании "судебного процесса"

Следствие в отношении меня вроде уже завершено, и я, отсиживаясь в просторной камере, жду, когда меня вызовут на суд. Пребываю в весьма возбужденном, нервном состоянии, беспрерывно шагаю по камере, повторяя вслух заученную длинную речь, которую намереваюсь произнести на суде в своем "последнем слове".

Еще на этапе следствия обвинение в шпионаже было исключено, но остались жесткие пункты, против которых мне придется апеллировать. Меня обвиняют в организации преступной группы с целью "националистической пропаганды в письменной и печатной форме".

В военное время за подобное преступление против советской власти грозит смертная казнь; в мирное время советский закон предусматривает наказание от 6 месяцев до 25 лет. Разумеется, на шесть месяцев еще никто не был осужден. Даже мой лучший следователь, который вроде по-человечески относился к своим "подопечным", подполковник К., считал, что "самый мягкий срок в моем случае - пять лет". Обычно такой срок дают неинтеллигентному, малограмотному или совсем безграмотному простолюдину, который сам того не понимая, нес в отношении властей несусветную чушь, а вот спрос с учителя, писателя или артиста - совсем иной...

Мои регулярные "сражения" со следователями и прокурором мало помогали. Нескончаемые заявления о том, что мои действия не являются антисоветскими, а обвинения выглядят не более чем издевательством над правосудием и противоречат советской конституции, во внимание не брались. "Ведь сам Михаил Иванович Калинин, - взывал я к разуму следователей, - задумал ЕАО как место, где должна сосредоточиться и сохраниться национальная самобытность советского еврейства".

- Каждому овощу свое время, - философствовал один из следователей, разъясняя мою "политическую слепоту", - в стране изменилась политическая ситуация. Мы, большевики-диалектики, толкуем об изменчивости бытия, так как жизнь всегда нам подбрасывает что-то новое. То, что вчера казалось нормальным, сегодня может стать вредным и даже преступным.

Из протокола обвинения следовало, что организованная мною группа состояла из семи человек. Среди них были такие, которых я вообще никогда не видел. Лишь однажды во время очной ставки я увидел своих "подельников". Некоторые из них действительно были моими близкими друзьями. Как ужасно они изменились! Бледные, исхудавшие, словно после тяжелой болезни, измученные следователями. Мы крепко обнялись, расцеловались, и горькие слезы выступили на глазах. Разговаривать друг с другом нам не разрешили, но в краткую, вымоленную у охранников минуту, мы сумели кое-что сообщить друг другу. Например, о нашем общем истязателе на допросах - Озирском.

Нам предъявили "вещественные доказательства" вины: вырезки из газет, журналов, отчеты с литературных вечеров, выступления перед переселенцами, телеграммы, письма, а также аккуратные свидетельства сексотов (были даже названы их имена). В отдельной папке следственного дела были подшиты регулярные доклады различных людей - тайных агентов, следивших за нами в последние годы. Читать содержимое этой папки нам почему-то не позволили.

На очной ставке мы, писатели, дружно восстали против пункта 11-го статьи 58-й: "Создание тайной организации", - который нам хотели "пришить". "Тайная организация" - с кем? С Ш-ном? Кто он вообще такой? И какое отношение этот человек имеет к писателям? Он должен посчитать за честь, что следствие втесало его в нашу писательскую кампанию... Между тем, этот Ш-н из кажущегося к нему доверия со стороны следователей продолжал давать новые показания, подкидывать странные сюжеты, и "дело" распухло до требуемого следователями объема.

Между прочим, этот самый Ш-н поведал следствию, что Еврейский Антифашистский комитет собирался направить "лично к Сталину" специальную делегацию, которая бы "открыла глаза" вождю на факты антисемитизма среди высших партийно-советских деятелей, в том числе и в самом Кремле. Ш-н также пояснил, что помочь организовать делегации ЕАК поход в Кремль собирался профессор Борис Збарский, который в свое время забальзамировал и сберегал в мавзолее от разложения тело Ленина. Мол, Збарский, будучи "своим человеком", вхож в кабинет "вождя народов". Видимо, совсем не зря за труды на своем поприще профессор был удостоен Сталинской премии. Несколько дней подряд мне пытались внушить на следствии:

- Не может быть, чтобы вы, лицо, приближенное к Михоэлсу, и к тому же корреспондент ЕАК в Биробиджане, не знали об этом плане.

Кстати, об этом "плане" мне стало известно лишь от своего следователя. Систематическими измышлениями на эту тему занимался уже упомянутый Ш-н, проходивший по этому же "делу", который причинил мне и остальным биробиджанским писателям достаточно сердечной боли и душевных мук, превращая "дело" в большой процесс.

Уже находясь в лагере, этот авантюрист пытался меня убедить, что план, который он задумал, будучи в тюрьме, был гениален. Он, разумеется, сознавал, что из-за его "признаний" в "дело" будет вовлечено множество фигурантов. Но чем шире разрастется эта бессмыслица, чем более идиотскими будут наветы и оговоры, тем быстрее придет избавление. Мир скоро узнает об этом "деле" и начнет устраивать акции протеста. По мнению Ш-на, это было единственным, что могло нас всех вырвать из цепких лап МГБ.

Таким образом, пока несколько подследственных еврейских писателей готовились к генеральному наступлению на обвинения предстоящего суда, неутомимый Ш-н доставлял нам всем сплошные неприятности. Мы, проходящие по общему "делу", сидим в разных

камерах, ждем несправедливого суда. На допросы нас уже не вызывают, и у меня есть время наблюдать за сокамерниками. Население камеры состоит, в основном, из молодых людей, следствие у которых тоже завершилось. Парней, скорее всего, будут судить на месте, то есть в Хабаровске. Их дела находятся уже в краевом суде. Но в отношении нас, писателей, - сплошная тишь, "дело" как в воду кануло. В нашей камере - восемь обитателей, четыре места на нарах пустуют, но вскоре их займут новые пришельцы.

Дни проходят нескучно - если не сказать, оживленно. Молодые сокамерники, развлекаясь, переписываются с молодыми ээчками, представляя себя такими героями-любовниками. В ответ парни получают послания, дробно выбитые через стену нежными женскими пальцами. В этих "письмах" - желание познакомиться поближе, выражение интимных чувств. Молодые женщины приписывают себе достоинства, присущие персонажам брачных газетных объявлений. О девушках, обитающих за соседними стенами, молодые арестанты постоянно ведут между собой разговоры, будто знакомы с ними много лет. На прогулках звуками притворного кашля подают только им знакомые условные знаки.

Иногда мне кажется, что молодые люди совершенно забыли о том, что предстоящие долгие годы им придется провести в лагере, где их ожидают нечеловеческие испытания.

У Кузьмы, молодого офицера-украинца, в жизни был своеобразный "конек" - в шутку перевоплощаться в женщин. Он и на армейской любительской сцене играл женские роли. Переодевшись в женщину, Кузьма сбежал из тюрьмы и добрался аж до Читы. Вполне возможно, что в женском облике он бы и докатил до Украины, но помешал собственный язык.

В поезде, изрядно выпив, он стал трепаться, как ловко сумел провести тюремную охрану. Среди собеседников Кузьмы был и проводник вагона, который сообщил "куда следует", и на следующей станции беглеца-болтуна сняли с поезда.

В нашей камере еще находился красавец-сержант, брат жены Кузьмы - шурина, значит. Так этот красавец-сержант вообще влип ни за что. Пришел как-то по-родственному к офицеру-шурину домой, и тот показал ему увесистый том советской энциклопедии, в котором были перечислены природные богатства Украины. В присутствии еще одного зашедшего гостя, он как бы в шутку поинтересовался у Кузьмы, не пора ли при наличии таких огромных природных богатств стать Украине "самостийной". Так как органы уже подозревали офицера в "контрабандной переброске" оружия с Дальнего Востока аж в Западную Украину, к бандеровцам (что являлось, конечно, полной чушью), то, приплюсовав к "контрабанде оружием" его ответы на вопросы о полезных ископаемых Украины, офицера Кузьму уперли в тюрьму. Заодно туда же забрали и красавца-сержанта - за проявленный интерес к "самостийной Украине".

Вызвала у меня любопытство и история молодого инженера одного из хабаровских заводов - Владимира Г. Как-то на заводе Владимира обязали вместе с рабочими принять участие в первомайской демонстрации, на что он ответил:

-Мы хоть и инженеры, но одеваемся во что попало, а потому маршировать в своей хламиде по улицам, неся портреты вождей и размахивая флажками, мне стыдно.

Ответ инженера, а также еще несколько его высказываний подслушали "доброхоты" с острым слухом. Например, как он расхваливал немецкий фотоаппарат "Цейсс", с которым получают отличные снимки. В отличие от фотоаппаратов харьковского производства, которыми таких великолепных снимков не сделаешь. Это уже был приговор: инженер

"восхвалял иностранную технику и поливал грязью советскую". Статья 58, пункт 10, часть 1-я.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 17-23 октября 2013. № 421.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Бээр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-420)

Приговор

Когда конвоиры начали переводить арестованных женщин с верхнего этажа на нижний, молодые обитатели нашей камеры в одночасье зашевелились - да так, будто с ума посходили. Это всеобщее возбуждение меня мало трогало - мои мысли были заняты только предстоящим судебным процессом, и я, словно в замешательстве, непрерывно ходил по камере.

Молодежь приспособилась распускать из одеял нити, плести из нитей веревки, привязывать к ним пустые спичечные коробки и затем спускать их через окошко на нижние этажи, куда выводили женщин-арестанток. В спичечные коробки женщины спешно насыпали махорку (в тюрьме на нее спрос особый) и заодно вкладывали в них записки, в которых исстрадавшиеся по мужской ласке женщины писали о своих чувствах. В этих душещипательных посланиях можно было прочесть об одинокой несчастной матери, у которой она, дочь, была единственной кормилицей, а также о ребенке, оставленном мамой, о загубленной девичьей юности, которая волей судьбы должна завянуть.

Специалистом по части поэтических ответных посланий был тихий, добрейший парень Василий, одетый в гимнастерку х\б, с которой были содраны армейские погоны. Он у нас в камере специализировался на склеивании клочков газет, которые к нам попадали вместе с продуктовыми посылками от родственников заключенных. Дело в том, что близкие в качестве бумаги для курения махорки посылали с продуктами целые газеты, но прежде, чем попасть к заключенному, тюремщики рвали их на мелкие куски. Василий из этих обрывков восстанавливал целую газету и быстро прочитывал новости, о которых мы, находясь за решеткой, понятия не имели.

Вообще-то русскую душу разгадать нелегко. За сочувствие обиженным и угнетенным ему, светловолосому парню, комсомольцу, в свои двадцать с небольшим лет приходится

сидеть в тюрьме.

А ведь никакой иной литературы, кроме той, что преподносило командование воинской части, он не читал. Может быть, поэтому Василий неожиданно стал интересоваться тяжелым положением дел в колхозах. Используя свободный отпускной месяц, он специально разъезжал по селам и деревням целого района и изучал жизнь колхозников.

В результате поездки Василий написал большую работу, не только полную критики и замечаний, но и размышлений о том, как радикально изменить ситуацию в деревне. Свое обстоятельное письмо он собрался отправить в ЦК партии в Москву. Он вложил написанное в конверт, заклеил его и положил в выдвижной ящик стола в одном из кабинетов штаба воинской части. По-видимому, кто-то за ним шпионил, вытащил это письмо из ящика стола и передал в особый отдел.

Василия арестовали, началось следствие. Он ни с кем не был связан, ни с кем не делился своими мыслями и, не чувствуя за собой вины, задумал снова написать в Москву, в политбюро. Хотя Василий доказывал, что никакой антисоветской пропаганды не вел, ему все равно ему "пришили" 58-ю статью. Так же, как и я, он с нетерпением ждет судебного процесса. Ожидают суда и другие обитатели нашей камеры. А пока они ведут "горячую" любовную переписку с женщинами посредством записок, которые посылают своим "пассиям" в спичечных коробках.

В конце концов, я дождался дня, когда в камеру вошел охранник и назвал мое имя. Сначала я подумал, что меня ведут в суд, на мой процесс, к которому я так долго готовил защитную речь. Остальные сокамерники даже стали меня поздравлять, уверяя, что меня наверняка освободили. Василий по русскому обычаю меня обнял и расцеловал.

Повели меня по длинным, мрачным коридорам. И оказался я в кабинете начальника тюрьмы. Какой-то тип, одетый в военную форму, ухмыляясь, показал мне клочок бумаги. Сначала я даже не понял, что это должно означать, но когда я начал читать эту бумажку, все поплыло перед глазами, закружилась голова. Это бумажка не была повесткой для явки в суд, это был уже вынесенный приговор - без суда!

Из бумажки я узнал, что приговорен по двум пунктам 58-й статьи: 10-й и 11-й – к десяти годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Еле совладав с собой, я спросил того, кто вот таким необычным образом объявил мне приговор:

- Где же суд? И кто меня судил?

- Не будьте столь рассеянны и читайте внимательно, - невозмутимо ответил человек, принеший эту дурную весть.

Я и взаправду был ошарашен. Кроме цифры, означающей десятилетний срок моего наказания, я больше ничего не видел. А ведь в той бумажке еще было написано, что я приговорен специальным военным судом при МГБ - Особым Совещанием (ОСО) при министре госбезопасности СССР в Москве.

- Не принимайте близко к сердцу, - с иезуитской улыбкой утешил меня человек в форме, - приговор еще довольно мягкий. Если бы вас судили на месте, то, конечно, был бы защитник, но наказание было бы более жестким. Вы должны радоваться, что вас осудили заочно: в таком случае наказание всегда выходит более мягкое.

- Но разве я просил судить меня заочно? - негодовал я, не в силах понять то, что произошло.

Но человек в форме, наверное, судебный исполнитель (или кто там еще, не знаю) прервал мое возмущение, сказав, что времени у него в обрез - следует еще сообщить приговоры остальным обвиняемым по этому делу.

В тюремной камере, куда меня водворили на время, до отправки по этапу, сокамерники завидовали моему приговору. "Тебе хорошо, ты уже определился и знаешь, что будет впереди, - говорили они мне, - наша же дальнейшая судьба, как в тумане...". Особенно активно обсуждали мой приговор украинцы. За "самостийну Україну" сейчас дают 25 лет, - говорили они, - и если бы их, как и меня, тоже судила "тройка", то они могли бы надеяться на более "мягкий" приговор - 10 лет лагерей.

Мне было грустно и горько. Ничего себе: "мягкий" срок - десять лет! Начинаю считать, что каждый год состоит из 365 дней и ночей, а десять лет - это уже три тысячи шестьсот пятьдесят суток лагерной жизни и подневольного, каторжного труда. Выдержу ли я все это? Буду ли я еще когда-нибудь на воле? Увижу ли я своих близких и родных? Сердце ныло и щемило, и из моих усталых глаз без конца лились слезы.

От заключенных, уже побывавших в ИТЛ, мне было известно о нечеловеческих условиях рабского труда. О бригадах-бандитах, сосущих из эков кровь, особенно из политических. Николай Иванович, приятный и добрый старикан, отмотавший десять лет лагерей, готовился к новой ходке в те же места. Он работал ветеринаром в колхозе, и однажды лошади, вверенные ему для лечения, сдохли. Разумеется, его обвинили в диверсии. Глядя на меня с сожалением, этот добрый старик просвещал, как мог. - Вам в лагере будет особенно тяжело, - сказал он грустно. - Кроме того, что слабы здоровьем, вы к тому же интеллигент, к тяжелому труду непривычны. Да еще и еврей. К вашей нации, как вы догадываетесь, в лагере относятся не очень хорошо.

Мне уже нет смысла зубрить защитную речь, о ней следует забыть. Мне сейчас необходимы выдержка и мужество, чтобы пережить еще большее несчастье, которое движется мне навстречу. А навстречу мне - прямо под ноги - так много катится зла, так много! И начнется мой путь в лагерь с запертого вонючего вагона, в котором я проведу жаркие летние дни, недели, а может, и месяцы. А еще меня ожидают пересыльные лагеря, тюрьмы, пока я не прибуду в конечный пункт своего «путешествия». И кто знает, как далек этот конечный пункт?! Об этом ничего не говорят. Лишь велят ждать разнарядку, которая должна прибыть из лагеря на требуемую рабсилу.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 24-30 октября 2013. № 422.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Безр-Шева*

По дороге в лагерь

В этот жаркий июльский день вся тюремная камера расхаживала в одном исподнем. Махорочный дым еще более отравлял и без того разгоряченный воздух. Открытая створка окошка воздух с улицы еле-еле пропускала, и в камере было нечем дышать. Беседы, разговоры между сокамерниками как-то не клеились. Даже острые шутки молодого украинского парня не находили спроса. Тюремная публика, измученная духотой и полуденной усталостью, дремала, сидя на нарах.

Тюремный охранник-вертухай настырно стучит в дверь, устраивая подъем задремавшим экам, нарушившим тюремный распорядок - спят, сволочи, в неположенное время. Один из эков, Иван, слабым голосом рассказывает во сне о своей деревушке на берегу Волги. Там он купался каждый летний день, проплывал не одну версту. Ах, что эта за чудо-река Волга! Ничего так не жалко потерять, как ее. Даже отсутствие девок, которых он своей гармошкой завлекал на танцы. А ведь была одна из них, такая красивая, с синими, как васильки, глазами, Катей звали. В камере он рисовал нам словесную картину: вот она, Волга, днем, когда серебристо течет меж зеленых берегов, а вот - при алом закате солнца, когда серебро превращается в золото. Все на свете отдал бы Иван, чтобы искупаться в струящемся потоке речной воды. Ведь здесь, в камере, воздух настолько густой, спертый, хоть режь его ножом. Прогулка в четверть часа во дворе тюрьмы не спасает - она так коротка, разыгрывается лишь аппетит к свежему воздуху. Каждый при этом думает: хорошо бы было, если в такие жаркие дни никуда ни в какие лагерь не посылали, ведь в эшелоне намного хуже, чем в тюремной камере. В душной камере хоть можно напиться воды, пусть не холодной, но зато сколько захочешь, можно расхаживать полуголым, в мечтах рисуя картины с прозрачной речной протокой...

В один из таких жарких дней железная дверь нашей камеры отворилась и вошел молодой лейтенант из охраны. Остановив на мне острый взгляд, он велел собрать вещи и идти с ним. Стало ясно, что в эту камеру я больше не вернусь. Но и в другую камеру он меня не собирался вести, объяснив, что из лагеря на меня пришла разнарядка.

В тюремной канцелярии уже наготове стоял принадлежавший мне деревянный чемодан с бельем и одеждой. За целый год моего пребывания в тюрьме он находился в подвальной кладовке. В канцелярии меня уже поджидал охранник из арестантского эшелона, принявший меня из рук тюремной администрации и получивший в большом запечатанном конверте краткое изложение моего "дела". Я получил продукты на пять дней: хлеб, селедку и немного сахара. Мой новый конвойный обшарил чемодан и вытащил из него наручные часы. "Заключенный, - сказал он, - не должен иметь в собственности часы, ибо знание времени может ему облегчить план побега". Спрятав у себя мои часы, он, наконец, произнес: "Пошли!"

Я шел впереди него с чемоданом в одной руке, в другой держал мешок с продуктами - шел через весь огромный двор тюрьмы для уголовников, расположенной по соседству со следственной для политзаключенных. Там уже ждал тюремный автофургон, набитый, словно бочка селедками, другими эками. В отличие от "черного ворона", в котором нас везли на допросы, в автофургоне отсутствовали перегородки. Здесь все были плотно прижаты к друг другу - мужчины и женщины, Конвой все время стоял в маленьком коридорчике, обособленном от нас, эков, решеткой. Моей соседкой оказалась молодая симпатичная девушка. Она сидела возле меня и не переставая редела. Привезли ее к нам

сюда из уголовной тюрьмы; со слезами в глазах она поведала о тяжком приговоре - 25 лет, которые получила за финансовые махинации на огромную сумму, работая в госучреждении. Воздев руки к небу, она жалобно голосила: "Господи, сжался надо мной! Я так мало прожила на белом свете!"

Но не вся публика принимала приговор так близко к сердцу. Были и такие, кто распевал во весь голос, да так, что конвой вынужден был часто стучать в дверь, чтобы те утихомирились. Это были отпетые уголовники, для которых "этап" - перевод из одной тюрьмы в другую или отправка в лагерь был обыденным фактом. Они всячески флиртовали с молодыми зэчками, пуская в ход скабрзные шутки и непристойные предложения. Руками, татуированными от кистей до плечевых суставов, шарили по телесам молодых женщин, и большинство из «дам» довольно визжали, словно поросята в завязанных мешках, которых везут на ярмарку.

И вот мы уже на железнодорожной станции, где для нас приготовили четыре "столыпинских" вагона - с решетками на окнах и зарешеченными отделениями внутри. В один из них, набитый зэками, и завел меня конвойный. Эти вагоны медленно телепались из Владивостока, пополняясь в пути на крупных станциях новыми заключенными. В моем "купе" все сидячие места и даже все верхние полки были уже заняты. Я взглянул на своих попутчиков: типичные рожи уголовников, полуголые, некоторые в матросских тельняшках ("слабость" осужденных уголовников из числа моряков); они сустились возились возле молоденького, прилично одетого политзэка, не расстававшегося с красивым, модным чемоданом. Следует заметить, что юноша держался с достоинством: как мог, отбивался от жулья, угрожал позвать охрану, но конвойных было не видеть – они, вероятно, находились где-то за дверью и не слышали или не хотели слышать криков, раздававшихся из нашего "купе". Короче, моего юного попутчика ограбили - он лишился верхней сорочки и костюма, получив впридачу несколько подзатыльников и зуботычин.

Сидя на своем чемодане, я совершенно не думал о жалкой одежонке, висевшей на мне и находившейся отчасти в чемодане. Какое значение имеют какие-то шмотки, когда у меня отняли привычную жизнь? Неужели из-за них я буду драться с бандитами? Печальный

опыт тюремной отсидки дал мне возможность понять: там, где уголовники составляют большинство, остальным зэкам приходится туго. Это и касалось моих попутчиков, следовавших в пересыльный пункт. Меня занимала мысль, доеду ли я вообще туда в таком "приличном обществе".

В вагоне было не просто жарко, а душно настолько, что едва могла воспламениться спичка. Понемногу у зэков развязались языки, и я узнал, что с нами едут крупные "щуки". Главный хищник был не из обычных преступников, на нем висели "мокрые" дела, то есть был убийцей. Он прославился тем, что убил человека из-за плаща, висевшего сейчас на нем. Сначала он предложил этому человеку отдать плащ по-доброму, но когда тот отказался и стал кричать, зовя на помощь, он его просто-напросто убил. "Мокрушником" обычно называют грабителя, проливающего кровь своей жертвы. Сами воры в своей среде ненавидят таких, но боятся.

Другой зэк в этом вагоне был с выбитым глазом и отличался спокойствием и хладнокровностью. На вид ему было около шестидесяти - старый бандюган, отсидевший не один лагерный срок. Под усиленной охраной его доставили в наш вагон аж с Камчатки, где он совершил разбойное нападение на пожилую супружескую пару. Его приговорили к двадцати пяти годам - это было золотое время, когда смертная казнь в стране была заменена на 25 лет каторжных лагерей. О своих злодеяниях этот тип рассказывал всему вагону довольно спокойно, ибо лишение жизни ни в чем не повинных людей было его будничной работой. Возле этих двоих подонков постоянно терлись уголовники помельче - с десятков юных пареньков, почти пацанов, осужденных за бегство из школ ФЗУ (фабрично-заводских училищ) и получивших кто год, а кто полгода исправительно-трудовой колонии для подростков. Эти пареньки в пути следования в лагеря состояли в "шестерках" у "блатных".

(Продолжение следует)

Мы здесь. 31 октября – 06 ноября 2013. № 423.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-422)

Тайшетлаг. Пересыльный пункт

В грязных, тесных вагонах нас везут в исправительно-трудовой лагерь. Наша пища состоит из куска хлеба и очень соленой рыбы. Поэтому постоянно хочется пить, после чего слезно упрашиваем охрану, чтобы отвели по малой нужде в туалет. Вертухаи неохотно отзываются на эти просьбы, особенно если они исходят от политзаключенных. Некоторые политзэки все-таки нашли выход - втихоря от охранников справляют малую

нужду в...калоши. Как стало известно чуть позже, вертухаи заключили с уголовниками негласный союз и действуют сообща в коммерции. Вещи, награбленные "блатными" у политзэков, вертухаи продавали на станциях, когда состав останавливался. Затем охранники делились с уголовниками вырученными деньгами. Но за это они, политзэки, должны были сидеть тихо и не "поднимать шум" - своеобразная плата за отправление "естественных надобностей" в калоши, на что "блатные" стали закрывать глаза.

Вскоре со своими вещами, правда, без особого сожаления, распрощался и я. Вернувшись из туалета в родное "купе", увидел свой чемодан распотрошенным. Из принадлежавших мне вещей воры оставили сущую мелочь - несколько старых, бесполезных шмоток. Но поскольку я и слова бранного не вымолвил насчет того, что меня ограбили, "блатные" проявили милость и даже вручили мне, дабы я не ходил раздетым, кое-что из своей поношенной одежды.

- Если ведешь себя с нами честно и не устраиваешь гвалт, - заметил мне одноглазый бандюган, - то у нас, воров, сам понимаешь, тоже есть сердце...

Особенно было жалко старика, политзаключенного из Владивостока. Он страдал поносом, постоянно испытывал боли в желудке; кроме кипятка, который приносили один раз в день вместе с тощим сухарем, он в рот ничего не брал.

В санчасти поезда ему выдали лишь один порошок; повышенной температуры у него не наблюдалось, поэтому больным его не признавали и в изолятор - специальное купе, приспособленное для больных, - не помещали. Больного старика вертухаи не пускали зачастую в туалет, и тот вынужден был справлять нужду под себя. Через пару дней "блатные" подняли шум, и только тогда больного старика определили в изолятор - своеобразный карцер в вагоне.

Между тем паровоз, все больше пыхтел и дымил, набирал скорость, разрезая широкие сибирские просторы, тащил за собой вагоны с зэками, иногда останавливаясь на станциях. И здесь, в вагоне, на самом дне жизни, полной тоски, одиночества и отвращения ко всему, сквозь решетки бросаешь любопытный взгляд в окошко на вольную жизнь, которая идет там своим чередом.

На какой-то станции, в ожидании встречного поезда, наш состав остановился. На соседнем пути стоит пассажирский поезд из спальных вагонов, по перрону гуляют хорошо одетые, выбритые и выпавшие мужчины. Рядом с ними - кокетливо улыбающиеся молодые женщины. Они осматривают станционные "достопримечательности": зал ожидания, буфет, водокачку... Мужчины что-то объясняют женщинам, а те, заглядывая им в глаза, танцующей походкой, как бы подпрыгивая, ступают по перрону. Заметили ли они наши арестантские вагоны? А если заметили, то не пришла ли им в голову мысль, что завтра или послезавтра они могут оказаться на нашем месте - в таких же вагонах?

Кошмар в столыпинском вагоне продолжался восемь суток, из них один день - в пересыльной тюрьме в Иркутске. Через восемь дней мы прибыли в другой пересыльный пункт - Тайшет.

Расположенный посередине огромного пути между Москвой и Владивостоком, это название станции пугающе звучит для каждого зэка. Это Восточная Сибирь, и почти через семьсот километров от него начинается Амурская железная дорога (Транссибирская магистраль - З. В.). Тайшет – это не только географический пункт; в этом одичалом сибирском городке со сплошь деревянными домами и тротуарами, точней, вокруг него

находится целая система каторжных исправительно-трудовых лагерей, растянувшихся на сотни километров.

Первые лагеря соорудили здесь для себя заключенные довоенной поры - в 1937-1938 годах, во время так называемой "ежовщины" (по имени прославившегося садиста и вешателя, наркома внутренних дел СССР). Позже сюда были сосланы японские военнопленные, работавшие на удлинении железнодорожной ветки от Тайшета к Лене. От этих японцев остались лишь кладбища. Привыкшие к мягкому климату, они не выдерживали диких сибирских морозов и падали замертво, как мухи. Позже там соорудили закрытый лагерь - строгого режима. К каждому номеру лагерного отделения добавлялся ноль. Например, 023, 043 и так далее. В этих цифровых сочетаниях были заключены проклятья: изолирован и забыт. Режим в этих лагерях, как на каторге, с той лишь разницей, что на ногах у заключенных не было колодок и цепей. Зэки в этих лагерях работают по десять часов в день, выполняют самую изнурительную работу, ничего за свой труд не получая, кроме небольшой порции еды. В десять часов вечера вся лагерная округа замирает до шести утра. На зэковской "униформе" - робах - на спинах вычерчены номера. Письма родным из этих гиблых мест разрешается писать лишь два раза в год.

В тайшетском пересыльном пункте режим чуть помягче, чем в других лагерях. Вероятно, из-за сравнительной близости железной дороги, боязни начальства, что зэки взбунтуются и разбегутся. Ведь состав заключенных все время пополняется новыми кадрами, среди которых много уголовников, хотя тех, как правило, направляют в другие места - поближе к Лене. Как бы там ни было, все-таки в тайшетской "пересылке" несколько иначе, чем в лагерях со строгим режимом. Правда, охранники в тайшетском пересыльном лагере довольно паршивые. Перевозя зэков от железной дороги к лагерному пункту в открытых грузовиках по таежным колдобинам и ухабам, из-за которых внутренности лезут наружу, они били нас по рукам прикладами винтовок, когда мы, чтобы не выпасть, держались за борта кузова грузовика.

Таким образом, вертухаи ужесточали получасовой путь до пункта назначения, - приехав туда чуть живыми, мы не могли отдышаться, а ведь еще предстояло всем нам пребывать долгие часы в ожидании дальнейших действий начальства в большой жаре и без капли воды. По всему периметру лагеря - высокая деревянная ограда, с натянутой сверху в несколько рядов колючей проволокой. При этом прилегающие к забору первые два метра считаются запретной зоной, и охранники на лагерных вышках имеют право стрелять в каждого зэка, находящегося на этой территории. Одно утешение: над твоей головой раскинулось огромное небо, и ты можешь дышать свежим воздухом.

Когда я прибыл в Тайшет, вся "пересылка" была буквально осаждена собранными в одном месте зэками, которые должны были следовать дальше. Бараки были переполнены, спали на полу, поскольку деревянные нары давно уже были заняты.

Здесь, в пересыльном лагере, меня определили в рабочую бригаду. Бригадиром был армянин - "тертый калач", прожженный и хитрый, но в общем-то неплохой человек. Он меня ознакомил с лагерными порядками и правами, которыми он, бригадир, обладает. "Здесь, в "пересылке", - сказал он, - несмотря на то, что находимся временно, мы должны выполнять различную работу. Все зэки обязаны пройти комиссию, и врач после осмотра присвоит каждому категорию: кому - первую, кому - вторую, а если повезет, то инвалидность, при которой появляется шанс попасть в более легкий лагерь, где труд не такой каторжный. А пока суд да дело, пока идет распределение, следует откликаться по первому зову бригадира. Так как в первые дни пребывания в "пересылке" работы не было, то я от нечего делать слонялся по территории лагеря. Ввиду врожденного любопытства, я

вглядывался в собратьев по несчастью, затевал с ними разговоры и узнавал новости.

Особо замечу, что после годовой тюремной отсидки, оторванный от живого мира, я страшно изголодался по новостям. Здесь, на "пересылке", я повстречал много евреев. В следственной тюрьме, кроме биробиджанцев, наверняка сидели еще и другие евреи, но в одной камере ни с кем из них я не находился. На мой взгляд, тюремная власть на эту меру шла сознательно... В течение года всего лишь один раз, и то на короткое время, со мной в камере находился еврей из города Комсомольска. Он был полностью ассимилирован и по-еврейски не знал ни слова. Тем не менее его арестовали за еврейский национализм - на своем заводе он имел неосторожность высказываться против антисемитизма в Советском Союзе. Из моей камеры этого еврея вскоре убрали. Наверное, произошел казус, - что нас, двух евреев, поместили в одну камеру. Сюда, на тайшетскую "пересылку", евреев пригоняли, в основном, из Москвы. Находился тут и известный русско-еврейский писатель А. И.*, чьи произведения сначала основательно подверглись критике за "космополитизм", а позднее этот "страшный грех" ему вменили в вину и осудили на 10 лет лагерей.

В пересыльном лагере женщины были отделены от мужчин забором, но кормили их вместе - в одном пищеблоке, да и работали также вместе. Большинство женщин, осужденных за участие в украинском националистическом движении, были доставлены сюда из тюрем сравнительно недавно. Кроме украинок, здесь находились и русские, и немки, несколько еврейских женщин и даже... японки.

Кроме новых эков, в пересыльный пункт доставляют и старых - из ликвидированных лагерей. Среди старых эков попадают многие, которые отбыли свои сроки и ждут, когда им в лагерной конторе справят бумаги на освобождение, после чего они отправятся дальше - на "вольное поселение". Это означает, что, оставаясь заключенными, они не будут окружены оградой из колючей проволоки. Сюда, в Тайшет, эков привозят и на новые допросы. От повстречавшихся здесь евреев я впервые узнал, какая огромная лавина арестов прокатилась по всей стране в последние месяцы 1948 года и позже. На одной лишь тайшетской "пересылке", в которой томятся более двух тысяч эков (определил навскидку, по переключке), евреи составляют добрую треть.

Вообще-то здесь находятся не только участники "еврейского дела". Хватает и других жертв странных обвинений. Например, проходивших по "делу жуковцев". Участниками этого "группового дела", возникшего на фоне народного уважения к военачальнику, стали сотни офицеров с высокими званиями, чья вина состояла в признании ими главным вершителем победы над нацистской Германией не великого Сталина, а маршала Георгия Жукова. В нашей санчасти работала жена адъютанта маршала Жукова. Оба - и ее муж, и она - были осуждены за якобы участие в мистическом "бунте" против "отца и учителя всех народов".

На пересыльном пункте в Тайшете я встречал также многих представителей различных религиозных сект, главным образом, баптистов и "свидетелей Иеговы" и других, чьи вероучения отличаются от традиционного христианства. Им всем вменялось "сотрудничество с агентами иностранного капитала".

В лагере тесно и грязно, и хотя жизнь в нем тяжела и горька, но все-таки в известном смысле представляет интерес. В неволе мы становимся ужасно сломленными, и поди знай, какие жестокие испытания нас ждут еще впереди!

И вот нас уже впервые везут на работу. Мужчины и женщины спрессованы в кузове

грузовика. Чтобы не выпасть в дороге из мчавшейся автомашины, каждый зэк держится за другого руками и ногами. Дорога никудашная, и покуда доедешь до рабочего места, кишки переворачиваются в животе.

Наша работа заключалась в следующем: требовалось разобрать старую постройку и рассортировать по отдельности материалы - брус к брусу, доски – доскам, кирпич к кирпичу и т. д. Тогда еще я не был знаком с тамошними комарами, такими маленькими паразитами, кишущими миллионами. Эти крошечные гады так искушают тебя, пока все части тела не станут красными и не распухнут. Засучив буквально рукава, я принялся за работу и не обратил внимания на мошкару, которая меня облепила. Невозможно было смотреть на женщин, переносивших за раз по семь-восемь кирпичей или таскавших вдвоем на плечах тяжелые брусья. Вернувшись с работы в лагерный барак, я увидел, что мои руки опухли настолько, что несколько дней подряд я вынужден был прибегать к помощи медсестры. Жена маршальского адъютанта смазала мне руки специальной мазью и затем перевязала их.

По прибытии в пересыльный лагерь арестанты должны указывать свой прежний род занятий. Здесь я услышал, что специалист имеет шанс больше времени оставаться на "пересылке". Те, кого сюда привезли с дальних лагерных пунктов, рассказывали, что положение зэков там более чем ужасное. Целое лето таежный воздух гудит мошкарой, на пересыльном пункте ее гораздо меньше. Хлебной пайки едва хватит на то, чтобы не умереть с голоду, но сытым никогда не будешь. Еще зэки рассказывали, что лагерные начальники там сущие садисты, которые гнобят заключенных на тяжелых работах. Все зэки носят номера и приравнены к настоящим каторжникам.

После ряда просьб и жалоб меня в конце концов отправили на медицинскую комиссию. Молодая докторша мои жалобы во внимание не приняла, кроме одной - зрение у меня не в порядке. Бельмо на глазу, которое возникло у меня во время войны, стало вроде ангела-спасителя, ниспосланного с небес. Комиссия решила направить меня к главному специалисту, чтобы установить, к какой категории труда отнести мое состояние здоровья. Вся бригада мне завидовала: "Пока лежишь в больнице, работать не надо. Такая удача случается в лагере довольно нечасто...".

Примечание переводчика

**) Под инициалами А. И. автор, скорее всего, имеет в виду русского советского прозаика и литературоведа Александра Исбаха (наст имя: Исаак Абрамович Бахрах, 1904 - 1977), приговоренного в 1949-м к десяти годам лагерей за "буржуазный национализм и сионизм". В своих произведениях А. Исбах цитировал тексты молитв и даже "на-Тикву", описывал детали еврейского религиозного ритуала, за что и поплатился.*

Мы здесь. 07-13 ноября 2013. № 424.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-423)

В больнице Тайшетлага

Лагерная больница под номером 025, куда я был направлен на обследование к главному хирургу, находилась километрах в пятидесяти от тайшетского пересыльного пункта. Еще находясь в пути, я узнал, что только большие везунчики из числа тех, кого признали больными, имеют возможность попасть в эту больницу для выяснения категории болезни. Потому что, кроме тяжелой болезни, надо еще и иметь счастье. Начальство рассматривает большинство больных как симулянтов, отлынивающих от работы, придумывающих себе болезни. Но уж если больного действительно признают серьезным больным, то этот бедолага счастлив безмерно. На станцию нас, больных, везут на грузовике, а не гонят, как простых "этапников", пешком. Нас сажают в санитарный вагон с небольшим зарешеченным окошком. Этот вагон этот не так набит битком заключенными, как обыкновенный запломбированный, идущий по этапу. Для самых серьезных больных здесь даже предусмотрены лежащие места. Следует заметить, что эти слишком больные находятся на грани смерти, в них еле теплится душа.

Лагерная больница, в которую нас привезли, отличалась от рабочих пунктов лагеря более щадящим режимом. Хотя и здесь пересчитывали эков два раза в день, но для этой процедуры не выгоняют во двор, пересчитывают в помещениях, да и сами бараки здесь чище, чем в лагерях. Разумеется, что поблажка распространяется на тех, у кого имеется так называемый "больничный лист". Как только эк выписывается из больницы, его сразу переводят в общий или в рабочий барак, в котором проживают бригады лагерной obsługi.

025 - самая большая больница в огромном узле лагерей, относящихся к Тайшетлагу. Больница состоит из двенадцати отделений, в каждом из которых рассматриваются отдельные болезни. Врачи, в большинстве своем эки, в своих профилях являются отличными специалистами.

"Глазник", к которому меня привели на осмотр, был ассистентом у знаменитого профессора Филатова. Главный врач больницы был вольнонаемным, и, советуясь с врачами-эками, обсуждал с ними на медкомиссиях окончательные диагнозы больных, какую категорию болезни присвоить тому или иному больному при выписке.

Первое, что вызывает любопытство у заключенного-еврея, - есть ли здесь еще евреи. Как раз на это обстоятельство пожаловаться было нельзя, потому что в каждом отделении встречаются сыны Израиля: и врачи, и их пациенты.

Большинство больных - эки из лагерных пунктов, измученные тяжким трудом и издевательствами со стороны бригадиров, с сердечной недостаточностью, воспалением легких, рвотой, глазными и другими опасными болезнями.

В больнице Тайшетлага я встретил харьковского раввина по фамилии Лев, который попал сюда с тяжелой болезнью сердца и немного погодя скончался в лагерном пункте. Врачи рекомендовали ему строгий больничный покой, велели не вставать с постели и даже не

двигаться. Но рав Лев беспрерывно твердил изречения из Талмуда. Накинув на себя одеяло, он бродил по палатам, выискивая евреев. Однажды он нашел больного юношу, который слушал его с большим вниманием, поддакивая его речам. Рав Лев, бывший иешиботник знаменитой Мирской иешивы, благочестивый харьковский раввин, был полон знаниями Торы, как гранат зернами, и целые куски Гемары (трактатов Талмуда) твердил наизусть. Его осудили по политической 58-й, потому что для блюстителей сталинской власти молитва "Лэ шана хабаа би Йерушалаим" ("В будущем году в Иерусалиме") была "националистической" деятельностью.

Молодого студента, легочного больного, внимавшего раввину, также арестовали за "контрреволюционную" деятельность из-за религиозных убеждений.

В лагерной больнице я встречал и еврейских писателей, но лишь об одном здесь вспомню, поскольку он уже в мире ином, и эти строки никакого вреда ему не принесут. Это был советский еврейский поэт из Белоруссии Гершл Каменецкий, талантливый лирик и переводчик, который был арестован вместе с целой группой еврейских писателей республики. Ему "посчастливилось", что его осудило "Особое совещание" (ОСО) - заочный суд при МГБ в Москве, чьи решения действовали на всей территории Советского Союза, и он получил всего лишь десять лет. Это "еврейское счастье" добавилось к уже имевшемуся: долгие годы Каменецкий страдал открытым туберкулезом. Впрочем, начальник больницы, главврач, ничего не имел против того, чтобы поэт-туберкулезник, работавший когда-то парикмахером, устроился по своей старой специальности в лагере, в 12-м бараке, в котором содержались туберкулезные больные.

Мне тоже повезло. В глазном отделении меня продержали целых семь дней. Замечательный доктор Т. поставил мне диагноз: катаракта правого глаза вследствие травмы. Взяв заодно во внимание мою общую слабость и истощение, он перевел меня в отделение внутренних болезней, где ординатором был видный московский врач-еврей.

До конца своих дней не забуду сердечность и настоящую братскую заботу, которыми этот профессор-еврей меня окружил. В больнице он руководил отделением внутренних болезней и еще большим баракком с современным оборудованием, в котором находились больные, жители города (не заключенные). Помимо его ежедневных посещений, он обеспечил меня лучшими медикаментами и лекарствами, часто из его личной аптечки. Каждый вечер он приглашал меня к себе в кабинет и беседовал часами. Профессор оказался большим знатоком еврейской литературы, как на иврите, так и на идиш.

История его ареста весьма удивительна. Польские евреи предвоенной поры хорошо помнят это имя: Вольф Мессинг. Доктор Мессинг часто устраивал сеансы гипноза. Он также издал книгу о хиромантии и физиогностике. Его считали одним из лучших гипнотизеров того времени. Спасаясь от нацистов, Мессинг бежал в Советский Союз и там на сеансах гипноза творил чудеса, одновременно гипнотизируя целые группы. Профессор рассказал мне историю, как однажды в небольшом советском пограничном городе Мессинг захотел устроить сеанс психологических опытов, для чего ему потребовалось специальное разрешение. Не получив соответствующей бумаги, Мессинг отправился к начальнику погранзаставы. Когда он вошел к начальнику, тот удивился, каким образом Мессинг появился в его кабинете, ведь для этого требовалось пройти через кордон охранников, на что чудотворец ответил: "Я всю вашу охрану... загипнотизировал".

Позже рассказывали, что эти способности использовало МГБ, с которым Вольф Мессинг якобы сотрудничал.

Профессор познакомился с Мессингом совершенно случайно. Удивляясь его большим гипнотическим способностям, профессор все больше с ним сдружился и часто рассказывал Вольфу о том, что переживал и чувствовал. На судебном процессе профессору впервые предъявили магнитофонную пленку, на которой был записан его разговор с Мессингом. Конечно, никаких "контрреволюционных" речей на той пленке не было. Следствие уцепилось лишь за одну фразу: в какой-то момент разговора профессор имел неосторожность восхититься созданием государства Израиль. Этого было достаточно, чтобы его упекли за "национализм" на десять лет.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 14-20 ноября 2013. № 425.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-424)

Помощник парикмахера

В отделении внутренних болезней, понемногу приходя в себя, я находился целый месяц. Врачи отнесли меня к категории больных, страдающих авитаминозом вследствие длительного неполноценного питания. Эков с таким диагнозом кормили сравнительно неплохо. Эта больница относилась к управлению Тайшетлага, и ее регулярно посещали комиссии из Москвы. Возможно, поэтому питание в ней было лучше, чем в других лагерных больницах из-за того, что здесь меньше воровали, и пациенты получали полновесные, сытные порции пищи, контролируемые специальным медиком -кулинарум.

Я постоянно удивлялся тому, что в окружающем меня мире беззакония, жестокости и варварства существует, тем не менее, больничное учреждение, в котором с несчастными эками обращаются по-человечески. Правда, на одном из транспарантов, висевших на стене лагерьной больницы, большими печатными буквами было написано одно из обязательств здешних эскулапов: "Добьемся, чтобы каждый больной находился на излечении не больше месяца!"

Наступило время, когда главврач, доктор Нельга, стала прямо намекать, что меня желательно уже выписать. Дело в том, что к начальнику пошли кляузы от украинцев-националистов, что профессор держит у себя евреев дольше, чем положено...

Но все-таки профессор оставил меня у себя и даже определил на легкую работу, назначив дневальным при его ординаторском кабинете и ночным дежурным в помещениях барака, в котором располагалось отделение. Но все равно я выглядел бельмом в глазах антисемитов.

Другой врач-еврей, невропатолог из Вены, руководивший отделением психоневралгии, посоветовал профессору, чтобы тот рекомендовал меня в службу парикмахерской. Расчет

был на то, что там я смогу потолкаться несколько месяцев и не быть брошенным на тяжелую работу в лагере. Так как я считаюсь инвалидом, то имею право на более легкий труд.

Из всех врачей больницы невропатолог Н. выглядел самым интеллигентным и остроумным, и потому вести с ним беседы было сплошным удовольствием. Весьма сведущий в немецкой литературе, он когда-то был вхож в литературные кафе и салоны Вены, сам писал фельетоны в венскую газету "Фрайе найе пресэ". Также был личным другом известного австрийского поэта и сатирика, редактора журнала "Факел" Карла Крауса, родившегося в богатой еврейской семье. Доктор Н. отбыл уже две трети своего 15-летнего срока (его арестовали в 37-м за "шпионаж" в пользу гитлеровской Германии), хотя в СССР он приехал, когда фюрер лишь только замаячил во власти.

Среднего роста, полноватый, с улыбкой на лице, с неизменной трубкой во рту, он совершал обход, высматривая кого-нибудь из больных, с кем бы перекинуться острым словом. Полагаю, что для него это было необходимой разрядкой, разгрузкой от тяжелой и по-настоящему ответственной работы с психическими больными, которых пребывало здесь в достаточном количестве. Кроме выявления диагноза у душевнобольных, доктор Н. проводил консультации в отделении хирургии головного мозга. И администрация лагеря, и заключенные испытывали к нему особое почтение. Даже уголовники, которые не раз мяли бока врачу, назначившему им при выписке из больницы слишком высокую категорию трудоспособности, относились к доктору Н. с каким-то трепетом. Возможно, в этом ему помогали психологическое чутье и острый глаз, индивидуальный подход к каждому человеку. Пользовался большим авторитетом доктор Н. и у парикмахеров.

Цирюльники в лагере - особая каста, наделенная привилегиями, поскольку к ним приходит стричься все лагерное начальство: "нарядчик" (ответственный за распределение рабсилы), "каптерщики" (заведующие продовольственным и вещевым складами), шеф-повар и, наконец, самый главный начальник лагеря и все охранники с их командирами. Лагерный парикмахер имеет даже отдельный список услуг (разумеется, бесплатных) для клиентов. Кого-то он стрижет наскоро, кому-то намыливает лицо и бреет так себе - тяп-ляп; иного обслуживает так, словно на воле, - с отдельной простыней и салфетками; для других он не жалеет крема и пудры. Самым важным клиентам - пожалуйста, одеколон. брызги. Лишь единицы в лагере могут себе позволить подобный люкс.

Заведующим парикмахерской был одесский татарин, здорово смахивающий на еврея. К тому же на идиш он не просто говорил, но и ввертывал специфические выражения. Проходимец, бывалый тип, он, как говорится, "сдирал кожу с живых и мертвых". Во время бритья самого начальника лагеря он сумел выпросить у того пропуск на право находиться вне зоны. Будто бы для закупки одеколona и прочих предметов для парикмахерских нужд.

У него в помощниках были двое: зажиточный крестьянин из довоенной Эстонии, получивший десять лет не только за отказ вступить в колхоз, но и за агитацию среди крестьян, чтобы те следовали его примеру. Эстонец был очень медлительным, сдержанным мужиком, молча выполнявшим свою работу с восьми утра до девяти вечера. Вторым парикмахером был совсем молодой русский парень из уголовной среды. Его держали на пересыльном пункте, и в лагерь обратно не отправляли из-за незаживающей раны на ноге. Поговаривали, что эту рану он нанес себе сам, впрыснув в нее керосин.

Эта тройка парикмахеров обслуживала всех зэков пересыльного пункта Тайшетлага. Иногда их звали в барак, в котором находились больные из числа вольных жителей

города, выстригать волосы на соответствующих частях тела перед операцией. В случаях, когда требовалось стричь или брить женщину, у брадобреев часто возникали споры, кому из них идти. Поскольку идти желали все трое, то бросали жребий. Того, на кого пал счастливый жребий, остальные два цирюльника провожали с циничными напутствиями, чтобы он им принес на память женский "трофей"...

По рекомендации доктора Н. и профессора меня приставили в парикмахерскую в качестве дневального - вроде прислужника. В мои обязанности входило каждый раз подметать пол от волос после пострижки пациента, вытряхивать простыни, мыть стаканчики и тазики для бритья и следить за тем, чтобы всегда была горячая вода. Так как в тот год снег выпал уже в сентябре, стало холодно, то я должен был топить железную печурку. Дров для этого находилось достаточно, я собирал отходы пиломатериалов в лагерьной столярной мастерской, в которой работал еврейский парень из Польши. Также я отвечал за стирку белья этого заведения - простыней, полотенец и салфеток, которые относил в близлежащую прачечную и затем забирал. После работы я должен был вымыть пол, протереть зеркала, проследить, чтобы нигде не было пыли, затем дожидаться коволя, который обычно прибывал поздно вечером, чтобы на ночь изъять из парикмахерской бритвы и прочих режущий инструмент.

К тому же в мои обязанности входило приносить из кухни в парикмахерскую еду на троих персон. Пищу для них мне давали из отдельного котла, как тяжело больным, состоящим по указанию врача на особой диете. Такую диету выдают больным, находящимся в предсмертном состоянии; пищу эту они есть уже не могут, и она остается на кухне. Так как у повара с парикмахерами был полный контакт, то есть "блат", то пища доставалась последним. После того, как я приносил им еду, мне необходимо было затем вымыть посуду, просушить и поставить в отдельный шкафчик.

Больше всего рабочего времени у меня уходило в прачечной, находившейся в бараке для хозобслуги. Заведующий прачечной был не кто-нибудь, а бывший Герой Советского Союза, осужденный на пятнадцать лет. Этот срок он получил будучи летчиком, за то, что во время войны немцы сбили его самолет. И хотя летчик имел на счету не один сбитый "мессершмит" и дослужился до высшего отличия - титула героя, за сдачу себя живым в руки врага и подписанное позже под пытками заявление против советской власти, ему вlepили 15 лет лагерей.

В лагере его назначили заведующим прачечной и на этом поприще он отличался добротой. К людям интеллигентным он питал особые чувства. Узнав, что я писатель, он пытался облегчить мое положение, и в прачечной стирали в первую очередь те вещи, которые я приносил из парикмахерской. К тому же перед одесситом, моим непосредственным начальником, он всегда бросал в мой адрес пару добрых слов.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 21-27 ноября 2013. № 426.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-425)

Писатель Бер Слуцкий

Должен сказать, что свою работу в парикмахерской лагеря я выполнял добросовестно и в барак возвращался довольно поздно - после отбоя. Бывало, что во время работы в темноте мне трудно было разглядеть паутину или пыль, так как мой правый глаз воспалился от травмы, которую я получил во время службы в рабочем батальоне в Сибири в годы войны.

Главврач лагерной больницы, симпатичная черноглазая татарка, часто захаживала в парикмахерскую, чтобы подкрасить брови. Каждый раз она специально проводила нежным пальчиком по зеркалу или оконному стеклу, чтобы обнаружить пыль. Но поскольку врачи-евреи были моими добрыми заступниками, они всегда были на моей стороне и просили, чтобы «Эмиота оставили в парикмахерской хотя бы на период больших морозов». Как-то мой шеф-одессит недвусмысленно высказался:
- Пыль - это твой враг, из-за кучки пыли ты можешь отсюда вылететь!

В хитрых глазах начальника я прочитал его желание. Ему пришлось по нраву мой единственный костюм, который уголовники в поезде мне оставили в награду за то, что промолчал, когда ограбили, лишив вещей из чемодана. Этот светлый костюм из отличной заграничной ткани уже давно приглянулся моему шефу. Он и раньше как-то мне предлагал на лагерном жаргоне: "Махнем?". То есть свою дешевую эковскую робу из грубого черного материала, выдаваемую в лагере, он хотел обменять на светлый костюм, который мне очень дорог, потому что был единственным и последним напоминанием о свободной жизни. Во-вторых, мне не хотелось поддаваться противной алчности хитрого татарина из Одессы, который готов был проглотить всё, на что упал его жадный взгляд...

Все же эта сволочь мне отомстила. После месяца пребывания в парикмахерской меня неожиданно вызвали на "этап". Как я узнал, мой лагерный пункт не будет находиться слишком далеко - об этом врачи-евреи похлопотали перед начальством. Мой лагерь - для инвалидов, обозначенный цифрами 021. Расположен он в пяти километрах от лагерной больницы. Заключение туда ведут пешком.

* * *

На этом я ненадолго прерываю свои заметки о сталинском аппарате МГБ и его «безразмерной» армии убийц и садистов.

Перехожу к встречам с разными заключенными - евреями и неевреями, среди которых попадались весьма интересные личности. От них я часто узнавал важные подробности о последних месяцах жизни погубленных советских еврейских писателей, с которыми этим заключенным пришлось вместе сидеть в московских тюрьмах - на Лубянке или в Бутырке.

По понятным причинам я не могу раскрыть имена еврейских писателей и деятелей культуры, проходивших со мной по одному делу, поскольку эти люди живы.

Все же мне хочется вспомнить одного из них - еврейского писателя, который в послевоенные годы жил в Биробиджане, был там арестован и позже скончался в неволе, не дождавшись, как другие, дня своего освобождения. Он был моим "подельником" в прямом смысле этого слова, так как арестовали его и осудили по одному делу со мной.

До войны Бер Слуцкий был больше знаком читателям своими лексикографическими работами и переводами классиков русской литературы. Кстати, именно он является автором перевода "Анны Карениной" Л. Н. Толстого (роман вышел в киевском издательстве для нацменьшинств в конце 30-х годов) и целого ряда других произведений. Бер Слуцкий публиковал также свои рассказы, а в последние годы перед арестом работал над большим историческим романом об эпохе времен Бар-Кохбы. Некоторые главы этого романа были уже готовы, и автор читал их своим коллегам - биробиджанским еврейским писателям.

Биробиджанские писатели (слева направо): Бузи Миллер, Бер Слуцкий, за его спиной - Ицик Бронфман, Люба Вассерман, Гешл Рабинков, Иосиф Керлер, перед ним в гимнастерке - Нохем Фридман, Сальватор Боржес. Фото с обложки бюллетеня «Амбиджан» за январь-февраль 1949 года

Слуцкий, которому было за семьдесят, выглядел намного старше. В эвакуации скончалась его жена, оставив ему маленькую девочку от первого мужа. В Биробиджане Слуцкий был предан своей работе - еврейскому отделу областного краеведческого музея. В этот отдел Слуцкий вложил много знаний и труда. Старый, ослабленный болезнями, он никогда не отдыхал. Для музея он собирал книги, предметы и вещи, ставшие раритетами, всё то, что имеет отношение к истории и культуре еврейского народа. При этом он не чурался объектов религиозного быта и культа - специально для молодежи, не имеющей уже о них представления и желания знать о прошлом.

Именно поэтому седовласый старик был привлечен к судебной ответственности. "Вещественными доказательствами" для дела Слуцкого послужили материалы, собранные в отдельный том. (Наше же общее "дело биробиджанских писателей" состояло из семи томов плюс прочие материалы), которые нам показали к концу следствия. В папке Б. Слуцкого мы видели вырезки из газеты "Форвертс" начала двадцатых годов. В то время Бер Слуцкий был киевским корреспондентом этой американской газеты и подписывался псевдонимом "Киевский". Там были корреспонденции о переходе мелких еврейских торговцев и лавочников в рабочие профессии. В обвинении это было названо "клеветой", так как Слуцкий своими писаниями в глазах Запада "обливал грязью" имидж Советского Союза. Короче, этот старик не только был заклеен как "националист", но и как "клеветник".

Одного из уничтоженных еврейских поэтов, которого, вероятно, зверски пытали, заставили дать свидетельские показания против Слуцкого. Он заявлял, что Слуцкий посылал в ЕАК, в Москву, материалы о евреях, эвакуированных в Казахстан. В этих материалах он специально перечислял "военные объекты", на которых эвакуированные евреи работали, зная о том, что эти материалы будут внимательно читать за границей. Истерзанный пытками поэт заявил, что Слуцкий давно уже был завербован иностранной разведслужбой. Разумеется, не было ни одного еврейского писателя, о котором бы не интересовались у этого "свидетеля". Он отличался "феноменальной" памятью. Например, свидетельствовал, что и со мной познакомился благодаря известному (ныне покойному) писателю Лео Финкельштейну, который представил меня ему в Белостоке. Он также заявил, что все мои корреспонденции исполнены в "националистическом духе" и что я был близок к "отцу еврейского национализма" Соломону Михоэлсу. Наверное, Бог простил этого несчастного. Представляю, как его, беднягу, истязали и мучили.

Один человек, отбывавший срок вместе с генералом, мужем известной русской певицы Лидии Руслановой (супругов арестовали вместе, почти сразу, и позже освободили), поведал мне, что сидел вместе с упомянутым еврейским поэтом в московской тюрьме. Он рассказывал, что у этого поэта генерал был в услужении - вроде "шабэс-гоя". Якобы этот поэт в тюрьме стал очень набожным, молился, не позволял себе в субботу даже разорвать клочок бумаги. За него это делал советский генерал, муж Руслановой.

Слуцкий был осужден строже, чем другие биробиджанские писатели. Он получил 10 лет тюремного заключения, а не исправительно-трудовых лагерей, как мы. Это считалось более тяжким наказанием, хотя в тюрьме не заставляют по-рабски работать, как это делалось в лагере. Зэки в лагере большей частью находятся на воздухе и среди людей; Слуцкого же отправили в знаменитую "Александровку" - Александровский централ, старейшую тюрьму, в 60 км от Иркутска. Тюрьма расположена в горных хребтах, между скалами, и ее обитатели хотя и не работают, оказываются похороненными здесь заживо, отрезанными от остального мира.

Последний раз я видел Слуцкого в "столыпинском" вагоне, когда нас увозили из Хабаровской следственной тюрьмы после вынесения приговора к месту нашего дальнейшего пребывания. Слуцкий был в курсе, куда его везут. Но он настолько устал от следствия, что был ко всему равнодушен. Он лишь плакал и жалел юную девочку его жены, оставшуюся без присмотра. Уже тогда он был физически сломлен и еле передвигался.

Последний привет от Слуцкого нам передали в 1956 году от его падчерицы. Привет был печальным - он скончался в тюрьме за год до нашего освобождения, в 1955 году. Да

сохранится его имя среди имен сгинувших мучеников за еврейскую культуру под игом советских властителей!

(Продолжение следует)

Примечания переводчика

Шимон Бар-Кохба (с арамейского - "сын звезды") - предводитель иудеев в восстании против римлян при императоре Адриане в 131 - 135 гг. н.э.

Дов-Бер Слуцкий (1877, близ м. Городище Киевской губ. - 1955, тюрьма Александровский централ в 60 км от Иркутска). Работал в радиокомитете ЕАО. Арестован 29 августа 1949 г, приговорен ОСО при МГБ СССР 31 мая 1950 г. к десяти годам ИТЛ. Рукопись его исторического романа о Бар-Кохбе "Фар эрэ, фар фрайһайт" ("За честь, за свободу") случайно сохранилась и в августе-сентябре 1991 года была опубликована в журнале "Советиш Геймланд".

Лео Финкельштейн (Лейб Млотек) - ок. 1895, Радом, Польша - 1950, США; еврейский публицист, литературовед, пропагандист т. н. идиш-анархизма.

"Столыпинский" вагон - зарешеченный обычный товарный вагон (с 1908 года), разделенный на клетки для перевозки заключенных. Прозван по имени царского министра Столыпина, который был инициатором массового переселения крестьян из европейской части России в Сибирь. Когда переселенческая кампания пошла на спад, "столыпинские" вагоны стали использовать для перевозки заключенных. Дверь в туалетах в таких вагонах отсутствовала, и зэки справляли физиологические **потребности под пристальным наблюдением конвоира**.

Шабэс-гой - нееврей, нанятый иудеями для работы в субботу, когда самим евреям делать ее нельзя по религиозным законам.

Мы здесь. 28 ноября – 04 декабря 2013. № 427.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-426)

Мой первый лагерь. «Прожаривание клопов»

Эти труднопреодолимые пять километров, которые мы прошли, точнее, проползли от больницы до лагерного пункта, предназначенного для инвалидов, тянулись целых четыре часа. Путь пролегал через крутые сопки и глубокие овраги, покрытые толстым слоем снега. Всего лишь начало октября, но уже всю властвует пятнадцатиградусный мороз. На снегу сверкает солнце и слепит глаза. Все окрестные сопки покрыты густым лесом. От

тяжести обильного снега ветви деревьев тянутся до самой земли. А между деревьями - такая благодать, такое немое сонное затишье! Даже шарканье шагов полутора сотни гонимых рабов не в силах разбудить этот покой. На какое-то мгновение забываю свой эковский статус и то, что я окружен дюжиной вооруженных охранников и злыми овчарками.

Да, я нахожусь сейчас в неволе, но мой взор ясен! Ясней всех моих других чувств и, как свободная птица, он стремится к горизонту, любясь теми красотами, которые создал Всевышний. На мгновение забываешь жестокость конвойных, их животную свирепость к несчастным калекам, взбирающимся с помощью костылей вверх по сопкам и соскальзывающим обратно, вниз. Среди калек находятся и такие, которым всего несколько месяцев назад ампутировали в больнице ногу. В большинстве случаев ампутация проходила в результате обморожения конечностей на работе или стояния долгими часами во время переклички. Бывает, во время поголовного пересчета заключенных итог никак не сходится. Беспомощные инвалиды падают, как малые дети, которые только учатся ходить, но конвойные грубо тянут их дальше, осыпая при этом ударами - для наведения порядка.

Часто у кого-то единственная нога вязнет в глубоком снегу и самому ее трудно вытащить. Чтобы легче было идти, эки оставляют в пути свои жалкие пожитки, отовсюду раздаются стоны безногих и лай собак. И пока эта колонна несчастных, беспомощных инвалидов добирается, наконец, до лагеря, все уже смертельно измотаны.

На подходе к лагерю, метрах в пятидесяти от забора, нас уже поджидало начальство. Обыкновенная процедура переклички заключенных началась сразу. При этом каждый эк обязан назвать свой год рождения и статью по которой осужден. Перекличка тянулась несколько часов; когда она закончилась, начальник лагеря Гришко стал обходить "новобранцев" и осматривать каждого.

Мы, люди различных национальностей и цвета кожи, расселись на огромной поляне. Собрался полный интернационал: киргизы, татары, грузины, армяне, узбеки, русские, украинцы и евреи, среди которых очутился и я - бывший иешиботник. Начлаг Гришко и его помощники дотошно осматривали каждого: заглядывали в рот, щупали грудь, плечи, бока, и тут я вспомнил, что подобным образом на ярмарке в нашем городке Остров-Мазовецке крестьяне осматривали лошадей. Возмущаясь и матерясь, Гришко обратился к своим помощникам:

- Сплошной брак - никуда не годится! И зачем только управление присылает к нам сюда это г...но?

Лагерь, в который нас привели, значился под номером 021 и был вообще-то предназначен для инвалидов; солидных, перспективных планов на это исправительно-трудовое учреждение начальство не возлагало, хотя там действовали швейная и обувная мастерские. Работа в них была, в основном, сидячая, использовать там можно и людей престарелых, слабых и даже безногих, но наша прибывшая публика выглядела уж слишком убого. И одежду нам соответственно выдали уродливую - б\у: грязную, засаленную и рваную, на которую заплатки негде было ставить. Обувь вообще не составляла пару: иногда на одну ногу, чаще - разные размеры. Одноногие, (их было среди нас довольно немало) стояли, оперевшись на свои костыли или прямо растянувшись на снегу. Каждый раз кому-то из них становилось плохо, кто-то падал в обморок, и приходилось звать врача. Попадались сердечные больные, а то и бедолаги с тяжелой формой желтухи (частое явление в лагерях).

Словом, начлаг Гришко имел полное основание для подобных претензий к высшему начальству из управления Тайшетлага, приславшему на его "бедную" голову эту публику. Начались телефонные звонки, дело дошло до того, что Гришко хотел всех нас вернуть обратно. В управлении лагерями чиновники заупрямились, приказав, чтобы он все-таки нас принял, так как эту партию эзков некуда девать. И мы пока стояли в ночном холоде перед лагерными воротами в ожидании, когда же граждане начальники договорятся о нашей дальнейшей судьбе и когда перед нами распахнутся ворота лагеря. Место, в котором я должен был отбывать 10-летний лагерный срок, выглядело следующим образом: восемь огромных жилых бараков для заключенных, пара таких же строений, но административных (баня, столовая с кухней, штабные комнаты для размещения начальников, прибывших с проверкой работы лагеря контролирующие лагерь. Там же находится КВЧ (культурно-воспитательная часть), чтобы заниматься "перековкой" заключенных в советском духе. Там же, в КВЧ, есть и небольшая библиотека. В рабочей зоне растянулся длинный барак, в котором разместились швейная и сапожная мастерские, маленькая электростанция, столярка для собственных нужд потребления, вокруг которой разбросаны бревна и горбыль, которые эки распиливали на доски и латали дырки в стенах бараков, а отходы использовали на дрова.

В день нашего прибытия в лагере подходила к концу будничная, хорошо знакомая процедура - так называемая "шпарка, или прожаривание клопов": обработка деревянных нар горячей водой. Сколоченные из досок нары вытаскивают наружу из бараков на целый день, и "доходяги", оставленные начальством в бараках ввиду недомоганий или болезней или для борьбы с паразитами, заняты этим довольно тяжелым и не очень приятным делом. Эта процедура регулярно повторяется каждые несколько месяцев. Прямо на территории лагеря устанавливаются огромные котлы, в которых кипятят воду и затем ошпаривают («прожаривают») доски, убивая полчища клопов, омрачающих и без того убогое эзковское существование. После длинного трудного дня в холоде, на морозе, усталые и замерзшие, приходят эки в барак; неожиданно на них ночью налетает куча клопов и не дает уснуть. Как только эка одолеет первый сон, эти безжалостные крошечные гады дружно вылезают из своих щелей и начинают свое путешествие по телам спящих. Дощатые нары основательно ошпаривают кипятком, матрасы проветривают на морозе, а стены барачных помещений белят известью. Примерно на месяц эти процедуры спасают обитателей бараков от нашествия клопов.

"Прожаривание" стоит немало здоровья. Пока эта важная работа не завершится, как положено, эки валяются на снегу, мёрзнут, чертыхаются. Для нас, вновь прибывших, "шпарка" была прибавкой ко всем нашим несчастьям. Просто некуда было зайти погреться, дать немного отдохнуть измученному телу от столь долгого маршрута. К счастью, нас завели на короткое время в лагерную столовую, где было тепло и можно хотя бы немного расслабиться.

Уже здесь, в столовой, мы, евреи-заключенные, почувствовали тепло и доброе отношение со стороны своих единоверцев - портных и сапожников, которые находились в лагере уже продолжительное длительное время, с 1940 года. Это были евреи из Польши, Бессарабии и Западной Украины, которых отправили в лагерь по различным обвинениям.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 05-11 декабря 2013. № 428.

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-427)

Айзик Вайнер из Ровно и лагерные «придурки»

В основном, в этом лагере евреи работали в двух мастерских: швейной и сапожной, и к нам, вновь прибывшими, относились, как к братьям. Здесь к месту будет вспомнить молодого человека из Ровно - Айзика Вайнера, проживающего ныне в Израиле.

Добросердечный еврей, золотая душа, словом, красив во всех отношениях. Он сдружился со всеми лагерными "придурками", устроившимися на теплые места, - хлеборезом, каптерщиком, рабочим по кухне и проч. Связи Вайнера с "придурками" помогли евреям из числа вновь прибывших получать более весомые порции хлеба в обход установленной нормы в 400 с небольшим граммов.

Вайнер проживал в бараке для "привилегированной касты", в котором квартировали портные, считавшиеся в лагере "белой костью". Они обшивали все лагерную администрацию во главе с начальством, разумеется, не беря за свои труды ни копейки. Портным давали всякие поблажки; в бараке у них на стенах были развешаны картины, в уголке каждого из них было по-домашнему уютно. Портные даже имели привилегию носить прически, а не стричься наголо, как остальные. Некоторые из них умудрились сохранить свою прежнюю, цивильную одежду и выглядели весьма элегантно. Делали они это ради симпатичной чернобровой еврейки, вдовы капитана, тоже еврея, контролировавшего в лагере, согласно своим обязанностям, производственные мастерские. Вообще-то она была единственной женщиной, которую эски могли лицезреть. При ее появлении сотни пар мужских глаз вонзались в нее, как пики.

История Айзика Вайнера была необычной и удивительной. Когда фашисты оккупировали Ровно, он был юношей. Спасаясь от немцев, он скитался по территории СССР, и его скитания напоминают сказки из "Тысячи и одной ночи". По известным причинам я не могу их сейчас изложить. Достаточно сказать, что на нем висел смертный приговор, который советская власть (ему тогда не было еще и двадцати лет) заменила на десять лет лагерей. В одном из них он занимался гашением известковых камней, и один немецкий зэк-фашист оскорбил его как еврея. Вайнер настолько вышел из себя, что в гневе схватил этого фашиста и бросил его в котел, в котором гасилась известь. И хотя явных вещественных улик не было, поскольку от этого немца и следа не осталось, Вайнер, тем не менее, получил солидную прибавку к прежнему сроку наказания. Горячий, гордый еврейский парень, он не раз позже давал в лагере по морде каждому, кто слишком заикливался на антисемитских высказываниях.

Чуть позже мы с Айзиком стали составлять список евреев, находившихся в лагере. Каким-то образом Айзик Вайнер изыскал для них дополнительные хлебные пайки. Как только прибывал свежий этап, Айзик посылал меня "в разведку" с целью узнать, имеются ли евреи среди вновь прибывших. Если таковые обнаруживались, то Вайнер заботился о лишнем куске хлеба для них. Помимо хлебoreзки, он добывал доставал хлеб через своих людей - портных, получавших от начальства за свои труды буханку черного хлеба. Положенные пайки у них оставались "в заначке", и Айзик заботливо собирал "излишки" и распределял их между евреями-инвалидами.

Для человека, живущего в свободном мире, если речь, скажем, идет о США, упоминание о лишнем куске хлеба выглядит довольно комичным и неправдоподобным. Но в то время и в той стране, где я находился, а находился я в местах лишения свободы, то кроме хлеба, мало что другое могло насытить желудок. Мяса мы вообще не видели, рыба была тухлой или настолько пересоленной, что ее и в рот нельзя было взять. Кроме мизерной порции каши, хлеб был единственным продуктом, который насыщал желудок. Словом, Айзик Вайнер не раз спасал евреев от голода и смерти.

Понемногу я стал привыкать к новому месту и к новой жизни. Мне выделили уголок на верхних нарах, а Айзик меня "сосватал" к хорошему бригадиру. Пожилой человек за шестьдесят, но довольно живой и проворный (его звали Петр Крючков), он был до лагеря не кем-нибудь, а директором завода. В 1937-м его арестовали за "болтовню" (говорил то,

что не следует) и присудили десять лет. Но поскольку эта самая "болтовня" шла из его уст, когда он был "под градусом", наказание смягчили до пяти лет лагерей. В 41-м его освободили и вернули на родной завод, производивший в годы войны вооружение. Крючков был талантливым администратором и блестящим организатором, и сумел наладить работу на заводе на высоком уровне.

Но после лагерной отсидки его давняя страсть к спиртному еще больше укрепилась. Оказавшись на воле, он пустился во все тяжкие. Однажды его старый друг, полковник, перед убытием на фронт пригласил к себе домой на день рождения жены. Изрядно выпив, ударились в тему большой политики. Крючков выразился, что если бы, мол, Сталин не завязал дружбу с Гитлером, то и войны бы не случилось.

Реакция полковника на речь гостя была весьма острой: "Ты враг народа, Крючков! Не зря тебя посадили в 37-м..."

К несчастью, у Крюčkова при себе был личный пистолет. Недолго думая, он всадил пулю в голову полковника. За подобное преступление - убийство старшего офицера в военное время - Крючкову грозила смертная казнь, но на этот раз раз счастье ему улыбнулось: суд взял во внимание тот факт, что полковник его страшно материл, и после пятой рюмки Крючкову было нелегко владеть собой. Короче, он отделался десятью годами согласно статье 59, которая квалифицирует подобное преступление как просто бандитизм, без какой-либо политической подоплеки.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 12-18 декабря 2013. № 429.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-428)

70-летний профессор С.

Бригадир Крючков страшно волновался, был "на взводе", когда вместе с нами, инвалидами, выходил на работу. Он кричал, ругался, вспоминал при этом нашу мать. Хотя по характеру человеком он был неплохим и часто, отворачиваясь, делал вид, что не замечает, как некоторые члены его бригады "сачкуют".

Нашей бригаде, состоящей из инвалидов, дали работу внутри лагерной зоны. Ежедневно требовалось натаскать в баню несколько сотен ведер воды, обеспечить водой столовую, а жилые бараки - горячей водой. Еще мы должны были очистить территорию лагеря от снега, колодец - ото льда, обеспечить бараки дровами и помочь дневальным в бараках

мыть полы. В наши обязанности также входила чистка картофеля на кухне, доставка продуктов со склада в столовую, а также другие виды хозяйственных работ.

Крючков, бригадир, уважал подчиненных, которые ему не перечили и не отказывались от любой работы. Именно потому, что я был у него на хорошем счету, на верхних нарах он подселил меня к хорошему соседу. Им оказался седовласый профессор С. Хотя ему уже стукнуло семьдесят, он отличался большой физической силой. Ежедневно по утрам занимался гимнастикой - даже полуголым в сильный мороз. Его тугие, крепкие мускулы были совсем не похожи на мускулы довольно пожилого человека. Сразу же, с первой нашей беседы профессор С. заслужил полное мое доверие. Он был человеком высокой культуры, обладал при этом добрым характером. Финн по национальности, он родился в деревне возле Гельсингфорса. Состоятельный отец дал ему приличное образование - он окончил Петербургский университет с отличием и в канун войны перешел в аспирантуру. Еще юношей получил звание доктора философии, затем уехал в Сорбонну продолжать образование. После чего поселился в Литве, где стал профессором университета в Ковно, вел большую научную работу и издавал на литовском языке учебные пособия для студентов. Правительство Сметоны настолько считало профессора-финна своим, что доверило ему во время поездки в Париж отвезти дипломатическую спецпочту. Позже по этой причине МГБ обвинило профессора в "открытом шпионаже" и осудило по страшной, 58-й статье, пункт шестой.

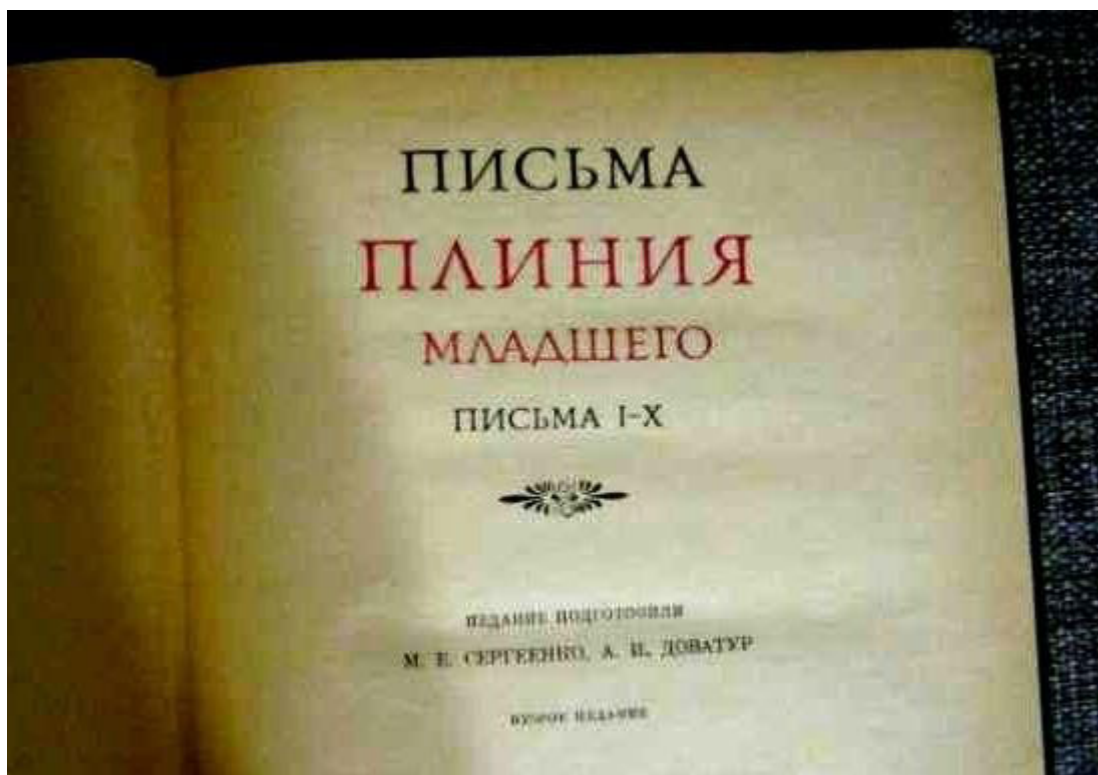
В чью пользу этот добрый, уважаемый профессор тогда шпионил? Ответ появился лишь после смерти Сталина, когда все обвинения с ученого сняли. Но это всё будет потом. А пока этот финский гуманист был отправлен на пятнадцать лет в лагерь.

Бригадир Крючков постоянно подшучивал над ним о его лагерном сроке:
- Товарищ профессор, попросите у прокурора еще несколько лет, так как при вашем отменном здоровье проживете лет до ста.

Профессор С., знавший великолепно шесть европейских языков, кровно связанный с философией и логикой, был моим напарником по тяжелой и грязной работе. Все эти годы нас вместе переводили из лагеря в лагерь, мы оба чувствовали на себе кнут негодяев и выродков, разных начальников и бригадиров. Старый профессор не чурался тяжелой работы и искренне обижался, когда я противился тому, чтобы он таскал огромные чурбаны и колоды дров. Конечно, физически он был крепок, но ноги у него часто распухали. Несколько дней он отлеживался на нарах, а затем снова принимался за работу, словно расплачиваясь за чужие грехи.

Работать с ним было сплошным удовольствием. Он наизусть помнил содержание большого количества научных трудов и охотно делился со мной своими знаниями.

Годы спустя, после кровавых восстаний и бунтов заключенных в лагерях Воркуты, Норильска, Колымы, а также Ферганы и частично в нашем Тайшетлаге бериевский террор начал потихоньку слабеть. ЦК партии созвал специальный пленум о положении миллионов заключенных, разослав в лагеря различные комиссии, чтобы на местах разобраться с печальным положением дел в местах заключения. Начальство попросило профессора С. провести в лагере для эков несколько публичных лекций по каким-то общественно-научным проблемам и ответить на некоторые вопросы. Не могу забыть его пламенные дискуссии с антисемитами по "еврейскому вопросу".

Когда в 1955 году заключенным разрешили получать из дома книги, личная библиотека профессора стала быстро пополняться литературой на разных языках. Радостный и сияющий, он однажды принес старое академическое издание на русском языке: "Письма Плиния Младшего". Древнеримский цезарь, поэт и адвокат, который был губернатором Сицилии, рассуждал в своих письмах к императору Адриану о поэзии, искусстве, политике и христианстве. В этих образцах эпистолярного жанра он писал о христианских сектах, которые не желают поклоняться римским богам. При этом, как делился Плиний с римским цезарем, люди вкушают на сблищах секты только свой, "чистый хлеб". В конце этой книги дается сноска, в которой выражается подозрение, что христиане замешивали в тесто кровь римских младенцев.

- Вот видите! - с триумфом победителя говорил старый профессор, - оказывается, "кровавый навет" имеет давнюю историю...

Седой профессор носился с этой старой, потрепанной книгой вокруг лагерных антисемитов, доказывая, что юдофобский тезис о том, что евреи используют кровь христианских младенцев для выпечки своей мацы, не имеет под собой никаких оснований, а тянется от древних римлян к первым христианам.

Я охотно рассказываю об этом удивительном человеке, потому что он мне особенно врезался в память как один из благороднейших праведников народов мира, которых так редко встретишь в лагере...

Примечания переводчика

Антанас Сметона (1874, Ковенская губ. - 1940, США) - литовский государственный деятель, президент независимой Литвы в 1919 - 1920 и 1926 – 1940 гг. Безусловно, был антикоммунистом, но частое в советской литературе обвинение его в фашизме не имеет под собой оснований.

Восстания и бунты заключенных в ряде лагерей системы ГУЛАГа прошли после смерти Сталина и ареста Берии. В то время протестное движение (особенно политзаключенных) выражалось в митингах и собраниях, невыходе на работу, жалобах и обращениях. Все выступления были жестоко подавлены, среди жертв - сотни убитых и раненых.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 19-25 декабря 2013. № 430.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-429)

Врач-нацист, мясник-еврей из Москвы, Голда Меир и другие

Вообще-то наша бригада на интеллигентов была весьма щедра. В ее составе находился министр просвещения из правительства Сметоны, позже ставший руководителем Госконтроля Литвы, - Константинас Шакиянис. Еще в 1924 году он перевел на литовский язык классическую поэму Адама Мицкевича "Пан Тадеуш". Шакиянис был арестован 14 июля 1940 года, через месяц после того, как Советы заняли Литву. Этот государственный деятель умер в лагере, когда ему было уже за семьдесят.

Был у нас и эстонский адвокат, который от высокого кровавого давления и целого букета других болезней был не совсем в себе. На родине, в Эстонии, его сестра вынуждена была тайно продавать свои драгоценности, чтобы на эти деньги отправлять посылки с продуктами брату в лагерь. Этими посылками, которые он регулярно получал два раза в месяц, эстонец откупался от каждой работы у "нарядчика", распределявшего задания. Адвокат был страшным антисемитом. В лагере он сдружился с нацистским врачом по фамилии Мозебах, на совести которого была не одна еврейская жизнь. Мы тогда еще мало что знали о его нацистском прошлом, как и о том, какую роль играли немецкие врачи в уничтожении евреев Европы. Правда, некоторые немцы в лагере стремились быть учтивыми в отношениях с эками-евреями. Но только не доктор Мозебах - тот не мог спокойно смотреть на еврея. Когда его перевели на работу в санитарную часть, он стал всячески издеваться над евреями-больными. Поэтому было нетрудно себе представить, как такой мерзкий тип поступал с евреями, будучи при власти. Например, в "хрустальную ночь"...

Мне известен факт, когда этот врач-нацист чуть не довел до смерти одного еврейского поэта. Вот с таким врачом в зверином обличье и завязал дружеские отношения эстонский адвокат, и вдвоем, в открытую, они вели разговоры, уничижающие достоинство евреев. В нашей бригаде евреев было негусто; кроме меня - еще два-три человека. Один из них, тяжело больной, отправленный в лагерь еще в 1937 году за найденный у него экземпляр "Азбуки коммунизма" - известного произведения Николая Бухарина («Азбука...» была выпущена многотысячными тиражами в советских госиздательствах). На теле этого больного человека, кажется, не было живого места. В первый год войны многих заключенных из его лагеря, который необходимо было эвакуировать на восток куда подальше в связи с наступлением немцев, расстреляли. Целую ночь этот еврей был на волоске от смерти, пока не попал в список оставшихся в живых. В ту решающую ночь ожидания он стал совершенно седым. В свои сорок лет он выглядел стариком, которому далеко за шестьдесят. Он был глубоко верующим человеком, и его сухие синие губы беспрерывно что-то шептали. Из лагерной пищи он употреблял лишь скудную пайку хлеба с кусочком сахара в тринадцать граммов.

В сравнении с ним другой еврей казался таким здоровяком-исполином, хотя у него на правой руке отсутствовали пальцы. Лишился он пятерни по неосторожности на лагерной пилораме, и не будь этого несчастного случая, при своей солидной комплекции, он никогда бы не попал в бригаду инвалидов. Но зато оставшейся левой рукой он творил чудеса. Работая грузчиком на мучном складе, этот еврей одной рукой нагружал огромные грузовики и затем разгружал и укладывал мешки на другом складе. В Москве он работал мясником и в лагерь попал из-за Голды Меир.

Он был одним из сотен евреев, арестованных за открытое проявление своих симпатий к первому посланнику государства Израиль в Советском Союзе Голде Меир. Это был еврей, не позволявший, как говорится, плевать себе в кашу. По законам лагерной жизни он мог заехать левой пятерней в морду любого обидчика или хулигана, добавляя со злостью: - Я тебе, каналья, глаза выцарапаю!

Когда оба нациста, Мозебах и адвокат-эстонец, начинали задирать и травить больного еврея, пострадавшего из-за бухаринской книги, называя его не иначе как симулянтом, то я и профессор С., как могли, заступались за него, а московский еврей-силач просил меня объяснить этим двум подлецам на немецком языке, что однажды ночью он их придушит одной рукой, если они не закроют свои вонючие фашистские рты. Я попытался довести до них его угрозу, правда, в более мягкой форме, заверив, что если они не прекратят свои антисемитские выходки, то "этот господин вынужден будет прикоснуться к вашему горлу".

Но москвич-силач, вероятно, разобрав мой "мягкий" перевод, сказал следующее: "Что ты с ними церемонишься: "К горлу - шморлу"? Растолкуй им просто: придушу этих гадов, как котят!"

Я пошел навстречу силачу и перевел на немецкий так, как надо, и замечу, что это здорово помогло - оба антисемита на некоторое время замолкли. Когда они позже снова взялись за свои антисемитские "штучки", мясник-москвич нашел действующее средство, объявив "забастовку". Он не стал разгружать мешки с мукой до тех пор, пока эти "два друга евреев" не приступят к работе наравне со всеми. Если эти сволочи откупаются своими посылками от тяжелой работы, то незачем других обзывать "симулянтами". Пожалуйста, требовал он, пусть придет врач и убедится, что эти два друга -антисемита с сытыми мордами в десять раз здоровее больного еврея-"бухаринца", которого от работы не

освобождают. Хотя Крючкову, нашему бригадиру, тоже часто приходилось вкушать содержимое продуктовых посылок эстонца, он ненавидел эту выхоленную публику и не хотел (и не мог) защищать бездельников на виду всей бригады. Но он сделал правильный выбор: послал обоих колоть лед вокруг колодца. Это средство подействовало на них сильнее, чем угрозы придушить их ночью, - с работы они возвратились, еле передвигая ноги, кряхтя и сопя, забыв свои излюбленные разговорчики о евреях.

В нашей бригаде также находился один из двух "братьев Стома" - известных в стране изобретателей-самородков, на счету которых было несколько важных открытий.

Как поведал этот Стома, одним из его изобретений был прибор для автоматического торможения локомотива во время опасности. Это изобретение было применено для поездов московского метрополитена.

Пожилой русский человек с нерусской фамилией Стома, с седой бородкой постоянно писал заявления и жалобы насчет гонорара - денег, положенных ему за изобретения.

- Что ты будешь делать с деньгами в лагере? - постоянно подковыривал его бригадир. - Все равно их у тебя отберут. Оставь их лучше своей сестре (сам изобретатель был старым холостяком).

Другой зэк из нашей бригады, инженер Кузнецов, так же, как Стома, отстаивал свои деньги, боролся против вынесенного ему приговора - пятнадцати лет лагерей за "диверсию", которую он как инженер, составив заведомо неправильный проект, якобы учинил. Этот проект был принят свыше, в него вбухали несколько миллионов рублей. В ходе осуществления проекта выяснилась грубейшая ошибка, и ему приписали диверсию.

- Даже если иногда допускаешь ошибку. - жаловался он мне, - выходит, что я уже враг? Я же для родной страны старался - хотел сделать доброе дело...

- Кузнецов в действительности был человеком выдающихся способностей, у него были "золотые руки": отлично рисовал, делал интересные скульптурные работы. Вместе со Стомой он пытался уговорить начлага, чтобы тот разрешил им открыть в лагере "проектное бюро". Свои планы они направили в управление лагерей, чтобы там, наверху, разрешили открыть небольшую фабрику по производству крахмала из картофельных очисток, а также установить соответствующую технику для производства ваты из всякого ненужного тряпья.

Таким образом в каждом лагерном пункте, в который я с ними попадал, они пытались открутиться от тяжелой работы. Месяцами в кабинетах они занимались своими "проектами", пока из управления приходила к начлагу бумага, что вся их затея - блеф или давно уже реализованное дело - без их "прожектов". Горе-изобретатели снова вынуждены были оставить теплый кабинет и вернуться к **повседневным лагерным трудам.**

Примечания переводчика

Константинас Шакиянис (Konstantinas Sakenis, 1881-1959), председатель президиума Сейма был в числе 220 тысяч литовцев - интеллигентов, фермеров, военнотружеников, инженеров, политиков, вывезенных в Сибирь по приказу Сталина в 1949 году. Автор ошибочно указывает год и место его смерти.

"Хрустальная ночь" - 9 и 10 ноября 1938 года нацисты разгромили множество

магазинов и контор, принадлежащих евреям в Германии и Австрии и убили более 90 человек. Дома, еврейские школы и больницы были разграблены. Погромщики сожгли около тысячи синагог. По итогам погрома в концлагеря отправились 30 тысяч германских евреев.

В "Азбуке коммунизма", которая в 20-х годах использовалась в качестве учебного пособия в партийных школах, ее автор, видный политический деятель Николай Бухарин (1888-1938), совместно с Евг. Преображенским осуществил анализ неудач "военного коммунизма"

(Продолжение следует)

Мы здесь. 26 декабря 2013 – 01 января 2014. № 431.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

*На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева*

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-430)

Становлюсь "своим"

В один "прекрасный" день всем заключенным было приказано получить номера и пришить к верхним и нижним частям лагерной одежды. Отныне и навсегда принадлежность эка к данному лагерю должна выражаться в его порядковом номере в виде пришитых заплат на фуфайке и ватных штанах. Некоторые эки, узнав об этом, запротестовали: "Стыд и позор! То же самое делал с евреями Гитлер, осуществляя свою расистскую программу, цепляя на их одежды желтые заплатки в виде шестиконечной звезды".

Всего лишь несколько лет назад в СССР был показан фильм "Человек № 217", рассказывающий о гитлеризме, об унижениях человека, не имеющего даже имени, лишь один номер.

Почувяв неладное, начлаг собрал весь состав заключенных и прилюдно пригрозил:

- В течение сегодняшнего дня номера должны быть пришиты к верхней одежде и сохраняться в целости и сохранности! За неисполнение приказа - карцер!

- Давайте пришьем эти тряпки с номерами, - рассудили эки, - Что с ними сидеть, что без них - один черт.

Мне вручили заплатки с номером 265ИА.

Спустя годы, рассматривая эти события из далекой перспективы, я размышляю: "Откуда

во мне взялось мужество пережить всё это? Может быть, я закалился в неравной борьбе со следователями, которые цеплялись за любую мелочь, чтобы "пришить" мне самые невероятные преступления? Отвращение, ненависть к властям предрержащим, которые хорошо знали фальшивость всех обвинений, но продолжали меня мучить физически и морально, укрепили мою волю и терпение, на что, казалось, я вообще не был способен.

Это была будничная, обыкновенная работа в лагере 051. Мы рыли траншею длиной в три километра. Зэки ее начинали еще рыть до нас, но по неизвестной причине работа была на время приостановлена. Эта траншея предназначалась для водопроводных труб большого диаметра, по которым из водокачки на маленькую железнодорожную станцию должна была поступать вода для заправки паровозов.

Обычно такие виды работ производятся во время больших морозов. Траншея довольно глубока и наполнена водой, моментально замерзающей при зимней температуре. При пятидесятиградусном морозе мы ломami долбили лед и выбрасываем из траншеи. При такой низкой температуре вся окрестность покрывается туманом, при котором конвою уже зэков не разглядеть. и тогда работа прекращается. Нерабочие часы активируют, и вынужденный простой мы должны отработать в выходной день, в воскресенье.

После "прогулок" на работу и обратно мы буквально от усталости валились с ног. Четыре километра от лагеря до места работы проходили отнюдь не по гладкой дороге. При этом конвой окружал близлежащие окрестные дома населенного пункта, через который пролегал путь, дабы зэки не завязывали контакты с местным населением. Охранники вели нас через поле по снегу глубиной до одного метра. Потом мы шли через лес, затем вскарабкивались на крутую железнодорожную насыпь. В пути еще попадалась быстрая речушка, через которую был перекинут мосток из трех или четырех досок - скользких, прыгающих, словно качалка, под ногами, пока мы по одному, друг за другом, перебирались на другой берег.

Работать было невероятно тяжело. Промерзшая земля, которую мы долбили ломami и кирками, была тверже камня. Да и сам рабочий инструмент весил немало - почти пятнадцать килограммов. Норма 10-часового рабочего дня составляла один кубометр мерзлого грунта. Ежедневной пайки из 750-ти граммов хлеба и комка задубевшей на морозе овсяной каши явно не хватало для поддержания сил. Тем более, что в лесу, на морозе аппетит разыгрывается зверский. Порция хлеба, рассчитанная на целый день,

проглатывается в один присест, и до возвращения в барак, до самого ужина, не остается даже крошки, чтобы утолить бешеный голод.

Целый день долблю твердый, как камень, лед, от которого почти не отлетают куски. Присматриваюсь к молодым, здоровым украинцам, у которых работа тоже поначалу шла неважно, но потом они пускали в ход кирку и к концу дня норму выполняли. Я пытался воспользоваться этим методом, но, видимо, орудовать киркой - работа не для меня. Одной смекалки здесь недостаточно - нужна еще сила. А раз не выполнил норму, получай "штрафной" паек" - всего лишь 400 граммов хлеба и миску баланды в день, но бригадир все равно заставит тебя потом выполнить норму! Добравшись до мягкого грунта, выбрасываю из траншеи четыре кубометра земли в день. Но почему мне так тяжело дается освоить мерзлый грунт?

Наш бригадир, рослый, крепкий украинец - сущий мошенник и зверь. Своим подпевалам он приписывает липовые проценты, которые они никогда не выполняют. Их задача не столько работать самим, как подгонять на работе остальных. Через несколько дней после невыполнения рабочей нормы бригадир поставил меня выбрасывать лед из траншеи. Шансов выполнить норму стало больше, но при этом каждые полчаса необходимо греться у огня, так как постоянно стоишь в мерзлой воде луже в резиновых сапогах, Кровь в конечностях моментально застывает, и твои бедные ноги прочно примерзают к сапогам.

На все мои просьбы пустить меня к костру погреться бригадир отвечал грубым отказом. Ноги мои стали деревянными, а от тела исходил пар. Я скинул с себя фуфайку, оставшись в одной рубашке. По всем законам медицины, при моем слабом здоровье, я должен был схватить воспаление легких или, на худой конец, простуду с большим жаром. Когда я еле приплелся в барак, то сразу направился в санчасть на осмотр. Я ожидал, что термометр покажет ожидаемую температуру: 37 и 6 десятых, и хотя бы часок-другой смогу передохнуть. А еще лучше пару дней вообще не подходить к этой проклятой канаве с замершей водой. Но к чему только человек не привыкает! Даже больные туберкулезом в лагере мгновенно "выздоровливают", так как их заставляют работать. Нашим бы врагам такое "выздоровление"! Раны вроде уже зарубцевались, кровь горлом не идет, так что вперед - на каторжный труд!

Жаловаться на что-либо в лагере не следует. Если на что-то пожалуешься, то жди, пока не намнут бока, чтобы усвоил навсегда: твой хозяин - бригадир! Ты ему полностью принадлежишь; бригадир - вершитель твоей судьбы, и он упивается этой привилегией. В "деле", которое сопровождает эка из тюрьмы в лагерь, оценивается его поведение. Поведение эка, кстати, характеризует бригадир. Достаточно последнему бросить на подчиненного недобрый взгляд, и ээк получит такую характеристику, что даже после окончания срока не сможет вкусить радость амнистии.

Сколько бы я ни упрасивал бригадира хоть на пару минут разрешить мне подойти к костру, получал отказ. Неожиданно пришла странная, дикая мысль: подойти к бригадиру и ударить лопатой по голове. Представляете: я и бригадир, Давид и Голиаф! Как я только посмел об этом подумать! Тоже мне - герой! Скорее это была случайность, чем осознанный протест. Комок скопившейся ненависти за последнее время годы лопнул. Возможно, у меня не хватило мужества на попытку самоубийства. Но в то мгновение, когда я его ударил по голове валявшейся на земле жердиной, понял, что жизнь моя кончена.

На меня налетели вертухаи, нацепили наручники и отвезли в карцер, в котором я пробыл десять дней.

Но моего бригадира не взял ни черт, ни дьявол. Рана, нанесенная ему мной, за эти десять дней зажила, хотя он ходил с повязкой на голове. Меня снова отправили в его бригаду. Я попрощался со своими знакомыми, словно мне предстояло взойти на эшафот. Я был уверен, что с работы меня принесут в барак покойником. На всякий случай, я даже передал адреса знакомых людей, находившихся на воле, чтобы они узнали о моей смерти.

Появившись снова на рабочем месте, я стоял и ждал приговора в отношении себя. Вынести, а тем более исполнить приговор мог не только бригадир, но и его помощники - "шестерки". К удивлению, бригадир подошел ко мне и, улыбаясь, протянул руку:
- Ты почему мне ничего о себе не сказал?

Это означало, что если ты без страха дашь комунибудь по голове, то становишься "своим".

- Так почему ты молчал? Скажи, скольких ты уже "ухайдакал"?

- Пять душ, - ответил я, не моргнув глазом.

Вот так я вошел в роль "своего", которому может сойти с рук содеянное. Бригадир стал со мной считаться, каждый раз заботливо отсылая к костру погреться. Что там художник, что там стихотворец, что там бытописатель человеческих отношений вроде меня! Когда такие типы, как бригадир, чувствуют чужую силу, они становятся "шелковыми". Многие в бригаде приняли меня за уголовника; я, конечно же, надувал щеки и строил при этой игре надлежащую мину.

Друзья-евреи в бригаде меня не выдавали. Наоборот, всячески "раздували" мой авторитет, старательно рассказывая членам бригады и бригадиру небылицы из моей прошлой "героической криминальной жизни". Этим они оказывали мне большую услугу, понимая, что тень моих "подвигов" падает и на них.

(Продолжение следует)

Примечание переводчика

"Человек № 217" - советский художественный фильм, снятый в 1944 году режиссером Михаилом Роммом. Героиня картины - русская девушка, угнанная в Германию, носившая номер 217.

Мы здесь. 02-08 января 2014. № 432.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-431)

Поэт Мойше Бродерзон

Уже долгие месяцы пребываю в лагере, считаюсь старожилом, и потому стал понимать, какие опасности подстерегают заключенного и как от них уберечься. Тщательно разобрался в том, какую работу смогу выполнить и как к ней приноровиться. Научился мешать раствор из цемента, извести и глины, копать ямы, штукатурить стены, и не просто таскать кирпичи, а подниматься с ними на верхотуру. В лагере завязал знакомства с заключенными - евреями и неевреями. Днем мы все тяжело работали, а вечерами, встречаясь, вспоминали былые дни на воле - жизнь, которая для нас больше не существует.

Монотонно, однообразно тянулась наша лагерная жизнь до той поры, пока однажды не прибыл эшелон с новыми заключенными. Все эки дружно, несмотря на усталость после каторжных трудов, повалили гурьбой к баракам с новичками, надеясь увидеть друзей или знакомых.

Среди заключенных-новичков я увидел поэта Мойше Бродерзона. Он прибыл вместе с бессарабским еврейским поэтом С. Сам Бродерзон по-прежнему носил коричневую шляпу. Шляпа вообще была в лагере редкостью, и в дальнейшем любительская группа на своих вечерах и концертах пользовалась его головным убором. На нем также было ватное зимнее пальто с широким воротником. На его согбенной спине висел рюкзак. Бледное, морщинистое лицо, впалые щеки. От прежнего эlegantного поэта осталась лишь пара огромных прекрасных глаз, затянутых пеленой страха, которые смотрели на меня с удивлением.

На архивном фото (справа налево): еврейские поэты Мойше Бродерзон (возможно, в той самой шляпе), Зяма Телесин, Лейб Квитко и актер Биньомин Зускин на первомайской демонстрации в Москве, 1948 год

Бродерзон прибыл из Братска (лагпункт 045), в котором после упорного старания на прежней работе получил хорошую (разумеется, в лагерных условиях) должность "водовоза" - развозчика воды в общую "умывальню". Так как с водой там приходилось туговато (ее надо было таскать из реки), его задача состояла в том, чтобы воды в бочках хватило на целые сутки. Лагерные уголовники, зная о том, что он получает посылки от жены, Шейндл-Мирьям, всячески его шантажировали, отбирали продукты и унижали при этом. При встрече он обнял меня и громко разрыдался. Бродерзон не смог выговорить ни слова. Он смотрел на меня, молчал и снова рыдал. Прошло прилично времени, прежде чем Бродерзон успокоился и пришел в себя. В общем, происходило то, что обычно бывает, когда многое есть что сказать друг другу и не знаешь, с чего начать.

Бродерзона арестовали гораздо позже меня, в 50-м, когда многие московские еврейские писатели уже оказались за решеткой. Каждый день он со страхом ожидал, что за ним придут. Шустрый, энергичный Мойше Бродерзон, которого я хорошо знал в Польше, стоял сейчас передо мной поникший и сгорбленный, и из его огромных глаз глядела сама печаль. Держась за сердце, он причитал:

- Дожили! Вот до чего мы с тобой дожили!

В эти несколько слов он вложил всю свою боль, всё, что хотел сказать...

Вскоре я поговорил с Айзиком Вайнером, еврейским парнем из Ровно, который опекал и подкармливал всех вновь прибывших в лагерь евреев. Первым делом Айзик должен принять меры, чтобы "блатные" со своими "шестерками", прибывшие одним этапом с Бродерзоном и "положившие на него глаз", отцепились от него. Вскоре эти выродки поняли, с кем они имеют дело. Айзик им быстро и четко намекнул, что они плохо кончат, если не прекратят свои безобразия, которые чинили еврейскому поэту еще в лагере 045. Постепенно Мойше Бродерзон достиг прежнего душевного равновесия. На ближайшей медкомиссии его признали инвалидом, который может трудиться физически, но им заинтересовался наш добрый доктор С., который распорядился, чтобы бригадир не посылал Бродерзона на тяжелые работы. Бродерзон тогда получил должность ночного дневального и почти все лагерные годы, в основном, по ночам обязан был следить за пожарной безопасностью в бараке и еще за тем, чтобы не было краж. По утрам, услышав от охранника с вышки сигнал "подъем", он был обязан будить в бараке эков, а по вечерам давать команду "отбой". Но прежде обитатели барака вовремя должны становиться на вечернюю поверку. Короче, отвечал за соблюдение эками распорядка дня.

Еще в его обязанности входило следить за тем, чтобы никто в бараке не курил. Понятно, что во время своего дежурства он не имел права спать. Но со своим врожденным мягким, добрым характером и постоянными шутивными разговорами он не был слишком строг к себе и другим, за что не раз попадал в карцер.

Бывало, что лагерный охранник, внезапно ворвавшись в барак и застав дневального дремавшим над книгой, лил ему за ворот холодную воду. Больше всего поэт страдал от того, что каждое утро выносил из барака парашу с ночными нечистотами.

Поэт Мойше Бродерзон выглядел птицей, случайно залетевшей в лагерную зону. Эковский номер на спине и штанах вовсе не вязался с его обликом. Правда, через месяц пребывания в лагере он стал воспринимать окружающий его мир с долей юмора.

Даже когда шла война в Корее (1950-1953), московская "Правда" по-прежнему продолжала публиковать поздравления Сталину в связи с его 70-летним юбилеем. В

газете были две колонки под общим названием: "Поток поздравлений", словно более важных событий в мире не происходило. Эти поздравления тянулись больше года, но однажды, в самый разгар корейской войны, газета вышла с передовицей о том, что ... следует укреплять и развивать астрономическую науку.

- Знаешь, - сказал мне тогда Бродерзон, - с чем это можно сравнить? - Тут он показал рукой на утренний плац, на котором стояли зэки по пять человек в ряд. - В лагере есть такая дурацкая игра: сзади стоящий зэк ударяет впереди стоящего по плечу и отворачивается, глядя в небо, будто он ни при чем... Они там, в Москве, тоже бьют и затем придуриваются, глядя в небо...

Долго находиться вместе с Бродерзоном в лагере мне было не суждено.

Распространявшиеся вот уже несколько месяцев слухи о том, что лагерь переведут в другое место, на двести километров дальше, подтвердились. Нашей бригаде велели переносить все оборудование (станки и прочую технику) и содержимое складов на платформы к грузовым вагонам. При этом работали мы круглые сутки. Затем самих заключенных, переправляя на новое место, разбили на две большие партии - примерно по пятьсот человек в каждой.

Стоял жаркий июньский день, когда нас отправили по этапу. Мы с Бродерзоном попали в первую партию. Наше путешествие длилось трое суток в закупоренных вонючих вагонах, в страшной жаре. Кто был покрепче, занял нижние места, там не так жарко. Меня с Бродерзоном затолкали на самый верх. В эти трое суток пути (обычно такое расстояние поезд преодолевает за три-четыре часа) мы ничего не брали в рот. С Бродерзоном часто случались обмороки, и лишь за несколько часов до прибытия к новому месту удалось выпросить у конвоя, чтобы его перевели в санитарный вагон. Там же его не хотели содержать, ссылаясь на отсутствие повышенной температуры. Ведь слабость и обмороки в советском лагере болезнью не считаются...

Примечания переводчика

***Мойше Бродерзон** (1890, Москва - 1956, Варшава) - еврейский поэт, театральный режиссер, график. Основатель литгруппы "Юнг-идиш", ведущий деятель еврейского авангарда в предвоенной Польше. В сентябре 1939 г. вместе с женой бежал от нацистов на территорию СССР, работал в московском ГОСЕТе, получил советское гражданство. В апреле 1950 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и сослан в Сибирь, где находился до сентября 1955 г. В июне 1956-го возвратился в Польшу.*

***Бессарабский еврейский поэт С.** - Мотл Сакциер (1907, Леово, Бессарабская губ. - 1987, Тель-Авив). В 1949 году был осужден на 10 лет ИТЛ и переправлен в Тайшетлаг, где находились и другие еврейские писатели. Написанный им в заключении роман "Идише шнайдэрс" ("Еврейские портные") был изъят и уничтожен. После освобождения вернулся в Кишинев, где продолжал литературную деятельность.*

Мы здесь. 09-15 января 2014. № 433.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-432)

Тайшетлаг. Продолжение

Начальник лагпункта 051 капитан Ермилов прекрасно справлялся с возложенными на него обязанностями. Нас, около тысячи двухсот эков, привезли в страшно запущенное место, где до нас жили спецпереселенцы. После освобождения из лагеря японских военнопленных, соорудивших этот лагпункт, обитавшие в нем спецпереселенцы (лица, выселенные из мест проживания в отдаленные районы страны), загадили лагерь до невозможности. В бараках высились кучи мусора, повсюду валялись пустые бутылки из-под водки и вина.

Вольные жители ближайшего небольшого поселка волокли из бараков доски, таскали кирпичи, стекла и прочие материалы, которые в тех глухих местах были острым дефицитом. Можно сказать, что мы прибыли почти на голое место - точнее, на развалины. Возле бараков лежали кирпичи из развороченных печей, в копоти и саже. В рабочей зоне на земле валялись бревна и горбыль. Не было ни колодцев, ни пекарни. Склад для хранения рабочего инструмента был разрушен. В полуразобранной столовой отсутствовали оборудование и мебель. Приказ Ермилова был таков: в течение двух месяцев лагерь должен стать самым благоустроенным в Тайшетлаге (Тайшетлаг - системе лагерей, расположенных на площади нескольких сотен квадратных километров в Восточной Сибири - от Тайшета до реки Лена – прим. переводчика).

В ближайшее время в лагере планировали запустить так называемую ЦПМ (центральную пошивочную мастерскую) и мебельную фабрику. Предприимчивый начлаг заключил договор с руководством железной дороги об укладке водопроводных труб в траншею длиной в три километра.

Мы должны были вырубать окрестный лес, пилить древесину на доски, выполнять различные работы по контрактам, которые управление Тайшетлага заключило со многими предприятиями. Все эти виды работ, да еще материалы, приносили управлению Тайшетлага солидный доход. Что там труд эка - он ведь дармовой! К тому же надо обустроить собственный лагерь.

Через два месяца все бараки и прочие сооружения были основательно отремонтированы и отреставрированы, хотя и спали мы на голом полу в бараках, питались на настиле из досок в недостроенной столовой. Вся территория была тщательно убрана. Прибыли мы сюда в конце июня, а уже в августе лагерь собой кое-что представлял.

Заклученных, которые физически не работают, Ермилов не признавал, называя их "ненужным балластом". Эки обязаны трудиться, считал он. "Доходяги" вроде меня валили деревья, таскали на себе бревна, горбыль, доски, были "на подхвате", то есть выполняли различные подсобные работы. Более слабые таскали на носилках битый кирпич, всякий мусор, месили раствор из глины и извести.

Мойше Бродерзон в юности.

Фото из архива «МЗ»

Одноногие инвалиды были организованы в бригады для производства гвоздей из толстой упругой проволоки. Один еврейский писатель "специализировался" на распиловке бревен, что считалось в лагере престижным ремеслом. В те месяцы Мойше Бродерзон тоже включился во "всенародную стройку" - гасил в бочках известь, заправски ее мешал и подавал наверх малярам, стоявшим на подмостях. Повторюсь: больных для начлага Ермилова не существовало. Санчасть не работала вообще. Наш доктор, зэк-украинец, очень порядочный человек, который старался делать больше своих ограниченных возможностей, освобождал больных, истощенных товарищей по несчастью на день-два от каторжного труда. Но в эти авральные месяцы, когда обустроивался лагерь, врач сам вынужден был выполнять тяжкую физическую работу.

Капитан Ермилов не раз во всеуслышание заявлял:

- Отдыхать будете потом. Сейчас все должны трудиться и выполнять "аккордное задание". То есть каждая бригада обязана выполнить весь взятый объем работы от начала до конца. Пока лагерь не будет обустроен, не признаю никаких болезней. Забудьте про свои ревматизмы, боли в желудке, сердечную слабость и прочие симулянтские "штучки". Всё это все повод для отлынивания от работы...

Мы, зэки разных национальностей, каждый со своими достоинствами и недостатками, не говоря уже о внешних отличительных чертах, долго привыкали к жестокому самодурству Ермилова. Но приказ начлага выполняли: вместе трудились в каторжных условиях зоны - в снег и дождь, под злобные окрики конвойных. Колонной по четыре или пять человек в ряд мы шли на работу, поддерживая друг друга, чтобы не упасть, не остановиться или, не дай Бог, создать ситуацию, когда в тебя выстрелит конвойный.

В суровые морозы, сгрудившись вокруг костра и тесно прижавшись друг к дружке, мы довольствовались двумя-тремя затяжками махорки из свернутого в трубочку обрывка газеты; дружно жаловались друг другу на хамское обращение конвойных и на придирки

бригадира.

Ко всеобщей радости наступали летние дни, но и они несли определенное зло: нас атаковали полчища комаров. Не помогали даже "накомарники" - марлевые сетки на лицах. Эти маски-накомарники, скрывающие лица, не могли скрыть чувства добрых человеческих отношений. Нередко, когда марлевый намордник у кого-то рвался, другой зэк намазывал себе лицо дегтем и отдавал свою марлевую маску товарищу по несчастью. Запаха дегтя, размазанного по лицу, комары не выносили и почти мгновенно исчезали.

Жизнь в лагере понемногу стала входить в нормальное русло. Зэки притерлись друг к другу, понимая лучше, кому можно доверять, как родному, а кого следует бояться, как огня. Вопреки запретам начальства, заходили вечерами в чужие бараки, где мы, евреи, знакомились друг с другом. В лагере было много евреев из Москвы, попавших в лагерь «из-за Голды» - в 1948 году с энтузиазмом участвовали во встрече с первым посланником государства Израиль в Советском Союзе Голдой Меир. В бараках находились фигуранты, проходившие по "биробиджанскому делу": еврейские писатели, обвиненные в "национализме"; ассимилированные, старые партийные деятели, сидевшие еще в царских тюрьмах, а накануне войны обвиненные в троцкизме, досиживающие свои срока за старые грехи.

Кроме Мойше Бродерзона и других еврейских писателей, в лагере были и некоторые русские журналисты-евреи. Но душой всей нашей когда-то пишущей братии был Мойше Бродерзон. При своей подавленности он не переставал искрить шутками и выдумками. Можно написать целую книгу о юморе Бродерзона. В те тяжелые, смутные дни его шутки поднимали в нас дух; его сарказм и ирония были выражением нашей общей печали и горечи, которые мы глотали вместе с клейким хлебом.

В те кошмарные лагерные годы, когда, казалось, жизнь превратилась в ад и замечательный еврейский поэт Мойше Бродерзон плакал, как ребенок, я по памяти записал ему стихотворение Хаима-Нахмана Бялика. Он это стихотворение спрятал и берёг, как талисман. Не знаю, каким образом Мойше Бродерзон первым узнавал новости из Эрец Исраэль и доводил их до меня. Еврейская страна стала надеждой и утешением Бродерзона. Мысль об Израиле его никогда не оставляла, всегда была с ним...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 23-29 января 2014. № 434.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-433)

Пиня, «Кол нидрей» и скрипка Страдивари

Что может быть на свете лучше музыки? С детства я был очарован ее волшебными звуками. Они доносились из раскрытого окна самого богатого дома в моем городке. Там сидела голубоглазая принцесса и играла на фортепиано, очаровывая мелодией всю округу.

Вместе с сумерками уходила в небытие царица-суббота и, слушая печальные хасидские мелодии, моя крошечная душа десятилетнего мальчика-хасида тосковала неведомо по ком.

Позже, когда я повзрослел и учился в варшавской иешиве, моему дяде Мойше-Довиду, у которого я проживал, привезли из филармонии старое пианино. Вот тогда-то я и познакомился с Бетховеном и Моцартом, Чайковским и Бахом, Верди и Мошковским. Я играл, и мне было так хорошо жить с этими сладкими, никогда ранее не слышанными звуками...

Я готов был отдать многое за прекрасную музыку. Она звучит - и вся жизнь, весь мир, вся вселенная становится сказкой. Музыка не исчезает, она звучит во мне до тех пор, пока мои веки не закрываются в благословенном ночном покое – так же, как никогда не засыпает мама, пока не уснет ее дитя...

Но почему так особенно грустно поют эти скрипки здесь, в проклятом лагере? Почему скрипки выводят такие странные марши, когда нас ведут на работу? Мелодии слетают с нот, сочиненных композиторами, которых отметил печатью таланта сам Всевышний. Эти мелодии почему-то перекликаются с моими детскими страхами.

Случилось это в Цехоцинеке, польском курорте для страдающих ревматизмом, куда бабушка взяла меня с собой, когда мне было всего шесть лет. Там какой-то сумасшедший вытащил свиток Торы из синагоги и осквернил его.

Я присутствовал на погребении оскверненного свитка Торы, участвовал в похоронной процессии, слушал траурные надгробные речи больших раввинов и плакал вместе с тысячей евреев, пришедших почтить оскверненный свиток. И звучала мелодия - плач по поруганной святыне...

Начальник лагеря номер 051 капитан Ермилов к музыке был не просто равнодушен, - он был к ней глух. как стена, но всё же содержал неплохой оркестр. Таково было указание сверху: музыка придает твердость, бодрость, воодушевляет заключенных на труд, что, естественно, повышает его производительность. До отсидки капельмейстер Кузьменко играл на городских и деревенских свадьбах на Украине. Здесь же, в лагере, он исполняет "Турецкий марш" Моцарта и под его бодрое воинственное звучание ээки отправляются на работу.

Вокруг раздаются окрики конвойных, вооруженных автоматами и сопровождаемых десятком злых овчарок. Охранники строят нас в ряд по пять человек и объявляют: - Шаг вперед. шаг влево - побег, конвой применяет оружие без предупреждения!

Что общего между Пиней и начальником лагеря? И на что он начлагу Ермилову вообще сдался? О, это отдельная история.

Провожать на работу эков с музыкой до самых ворот лагеря Пиня, оказывается, не желает. Играть - пожалуйста, но чтобы шагать вместе с оркестром за эками - ни в коем случае. Такой, видите ли, у него принцип. Не хочет позорить скрипку... Что же с Пиней произошло? Начлаг Ермилов никак не возьмет в толк. Когда-то Пиня был второй скрипкой и концертмейстером в московской опере. В лагерь он отправился, взяв с собой скрипку Страдивари, цена которой... 18 тысяч рублей. Бухгалтера лагерной конторы, узнав о ее неслыханной цене, едва уговорили нашего начальника, что с такой скрипкой Пиня принесет пользу. Посылать же его в тайгу, чтобы пилить деревья, нет смысла; лучше пусть на своей скрипке солирует на концертах, которые лагерное начальство устраивает раз в месяц. Правда, у Пини один существенный недостаток - он еврей. Ну и что? Разве в лагере мало евреев?

Восемь лет трудовых лагерей (наказание, которое Пиня отбывал) считалось эками "детским". Хотя статья, по которой он сел, была уж очень паскудной - "еврейский националист". Тогда по такой статье было арестовано немало евреев.

Как-то его брат, проживавший за границей и соскучившийся по родному человеку, написал ему, что имеет сильное желание приехать в Советский Союз. Пиня ему ответил очень кратко: "Зиц, ви мэн кен дих!", что примерно означало: "Сиди, дурак, на месте и не рыпайся!" Он ему еще в письме добавил какую-то мелочь, но не столь существенную.

Это было время, когда государство Израиль отправило в Москву своего первого дипломатического представителя, и Пиня не мог скрыть восторг по этому поводу. Об этом знает в лагере наш "нарядчик" Нестеренко и по этой причине "имеющий зуб" на "матерого еврейского националиста" Пиню. Но капельмейстеру Кузьменко на это наплевать; он завидует нашему Пине из-за того, что тот обладает скрипкой самого Страдивари.

Желания Нестеренко и Кузьменко совпали и, сговорившись, порешили: нечего Пине лишь пиликать на скрипке, пусть, как и остальные эки, свою вину перед Советской Родиной искупает физическим трудом... Нет, на лесоповал его не отправили, остался в пределах зоны, обеспечивая бараки топливом: на виду у всех распиливал бревна и колол чурки на дрова; как-никак это более чистое занятие!

Наш добрый врач-украинец С. был против затеи с трудоустройством скрипача, поскольку кровяное давление у Пини зашкаливало намного выше нормы, и при малейшем физическом напряжении ему грозила катастрофа. Но начлаг Ермилов, как известно, признавал лишь одно доказательство болезни - повышенную температуру. Освободить от работы могут лишь при температуре 37,6 градусов. Но у Пини почему-то жара не наблюдалось, хотя пять часов в день он пилил и колол дрова.

Вечерами, придя с работы, он чувствовал себя смертельно усталым. Передохнув часок, брался за скрипку и выдавал волшебные звуки. Мы оба - я и Бродерзон - сходили с ума, едва заслышав скрипку Пини.

"Пиня - не просто гений, - заметил Бродерзон, - а мастер с тонкой исполнительской техникой. Вот слушаю его "Каприччио" Паганини и забываю, что нахожусь в лагере; когда он исполняет "Баркаролу" Чайковского или ноктюрн Глинки "Расставание", то вынимает из тебя душу".

Пиня играет, а мы сгрудились возле него, переглядываемся и не узнаем друг друга: мы ли это, одетые в ватники с номерами на спинах и наголо остриженными головами? И в

центре - Пиня со скрипкой. Фантасмагория какая-то... Принц поменялся с нищим...

На сердце становится так легко, тепло. и начинаешь верить. что все люди - братья. И нечестивцы тоже братья? Но есть стих в Священном Писании: "... Да исчезнут нечестивцы".

О Пине ходили легенды по всем лагерным пунктам Тайшетлага.

- Вы слышали, как Пиня играет? - спрашивал один зэк другого.

Пиня был низкорослый, с красными веками, спокойный и добрый.

Однажды я ему сказал, что готов целую ночь работать вместо него только ради того, чтобы вы сыграли "Испанский танец №7" Мошковского.

- За меня никто не должен работать, не нуждаюсь в этом, - гордо ответил Пиня.

Был он прямолинеен, как доска, и упрям к тому же. Говорил только по-русски. потому что ни слова по-еврейски не знал. Всю свою недолгую жизнь работал среди русских людей. Он был семейным другом великих певцов Лемешева и Козловского. Но еврейское сердце, которое ему досталось, трудно разгадать. Однажды он решил, что в программу одного из ближайших лагерных концертов включит "Кол нидрей" немецкого композитора Макса Бруха. Его отговаривали, но Пиня был упрямым евреем. Уперся же, что не будет играть в оркестре при отправке зэков на работу во время утреннего развода заключенных. Разумеется, что и Кузьменко был против затеи с включением в программу еврейского номера.

- Що це таке - "Кол нидрей"? – завопил Кузьменко.

Но Пиня рьяно защищал свою идею:

- Если мы играем немецкую музыку, то почему иногда не можем исполнить и еврейскую мелодию?

«Кол нидрей» в исполнении выдающегося скрипача Ицхака Перельмана и кантора Ицхака-Меира Хелфгота

http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=vOzmq887oKE

Еврейский номер программы Пини так долго муштровался, что слух о нем дошел до самого верха - в управление Тайшетлага, где сидел, говорят, офицер-еврей. То ли этот факт повлиял на решение начальства, то ли что-то другое, но наверху, в лагерной конторе, как ни странно, утвердили репертуар, и Пиня играл "Кол нидрей".

Все вечера подряд, до поздней ночи, Пиня готовился к концерту - репетировал номер. Почему-то в глубине души он был уверен, что этот концерт станет его "лебединой" песней. И мелодия "Кол нидрей" в исполнении Пини зазвучала, но не в пору листопада, а заснеженной сибирской зимой, в 600 километрах от Иркутска - в далеком таежном каторжном лагере...

Было нас там несколько десятков евреев. Совершенно разные по происхождению и воспитанию, по взглядам и характерам. Среди нас были мудрые евреи из Самарканда, любавичские хасиды, которые в сложных условиях придерживались канонов Торы и хасидского учения, не притрагиваясь к некошерной пище, сваренной в лагерной кухне, питаясь лишь скудным хлебом и селедкой.

До сих пор не пойму, откуда у моих соплеменников бралась сила для непосильного

физического труда? И на работе, и после нее, уже в бараке, они подбадривали своих собратьев изречениями из Талмуда, притчами и нравоучительными рассказами из Агады, чудесными байками цадиков - мудрых, благочестивых праведников. Если кто-то хотел с ними поделиться, например, едой, то они вежливо отказывались.

Были среди нас и еврей-большевики - старые партийные деятели, работавшие еще при Ленине. Их, отсидевших по десять лет в тюрьме, снова арестовали и отправили в исправительно-трудовые лагеря за "троцкизм". Попадались знакомые инженеры, проектировавшие и сооружавшие великолепные мосты; были и простые люди из народа, упрямые и твердые, как железо, которые не сумели спрятать своих радостных чувств, узнав о великом чуде, свершившемся в истории нашего народа, - возрождении государства Израиль - Эрец-Исраэль, за что и поплатились огромными сроками. Пребывали в нашем лагере и еврейские писатели, испытавшие все "прелести" следствия. Они очутились здесь лишь за то, что несли евреям сокровища, написанные на языке, который впитали с молоком матери - мамэ-лошн...

Как обычно, евреи между собой иногда ругались, ссорились, но тут же сходились и снова ссорились. Но сегодня на концерте Пини собрались все вместе и, слушая музыку, роняли слезы из воспаленных глаз.

Кол нидрей... Божественное присутствие этой мелодии о многом говорило и утешало: "Не отчаивайтесь, дорогие евреи; главные испытания вы уже прошли, знайте и помните: Ам Исроэл хай!" - "Народ Израиля жив!" Хотя сам Пиня не знал на мамэ-лошн ни слова, за него по-еврейски говорила скрипка. Ее слушали несколько поколений евреев. А сейчас она утешала нас, зэков, ободряла и внушала веру в жизнь. Все, что нас разделяло, распалось и исчезло. Мы - дети одного народа, прошедшего тяжелые испытания, живущего в муках, но сопротивляющегося, потому что он надеется и верит в завтрашний день.

Это был последний концерт Пини. Поднимать тяжелые предметы Пине было противопоказано из-за повышенного высокого артериального давления. Лагерный врач, пытаясь облегчить его положение, ничего не мог добиться по этому поводу у начальства. Это было самое тяжелое время сталинского террора, и каждый подонок имел возможность издеваться над нами. Как, например, этот мерзкий тип, распределявший работу, "нарядчик" Нестеренко, который Пиню от тяжелой работы не освобождал.

Однажды по возвращении с работы Пине стало плохо и он потерял сознание. Мы отнесли его в санчасть, и через два дня Пини не стало. Врач установил причину смерти: кровоизлияние в мозг. По обыкновению умершего зэка, словно мешок гнилой картошки, бросали на телегу и увозили на кладбище. На этот раз мы, евреи лагеря, решили поступить по-другому и проводили покойного в последний путь до самых ворот лагеря.

За нарушение лагерного режима мы: поэт Мойше Бродерзон, еврейский поэт из Бессарабии (он поныне жив и поэтому не могу назвать его имя) и автор этих строк получили по трое суток карцера. Капельмейстер Кузьменко сразу же хотел конфисковать скрипку Страдивари, принадлежавшую Пине, но мы как-то вовремя умудрились написать и отправить письмо в Москву, жене покойного, сообщив ей о смерти мужа и оставшейся скрипке. Лагерное начальство даже не удосужилось сообщить близким о кончине Пини. Только после смерти Сталина вдова Пини сумела забрать принадлежавшую покойному мужу волшебную скрипку Страдивари.

Примечания автора:

«Кол нидрей» (арам.) - "Все обеты". Первые слова молитвы, читаемой в Йом-Кипур. Макс Брух (1838, Кельн - 1920, Берлин) - немецкий композитор. Родился в католической семье, автор многих музыкальных произведений. В нацистской Германии Брух попал в "черный список". поскольку гитлеровцы ошибочно полагали, что Макс Брух, написавший "Кол нидрей", был евреем.

Еврейский поэт из Бессарабии - Мотл Сакциер (1907-1987), вместе с которым автор «прохлаждался» в Тайшетлаге

(Продолжение следует)

Мы здесь. 30 января – 05 февраля 2014. № 435.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-434)

Медкомиссия

- Ко-мис-сия! - гулом разнеслось по всем баракам.

Раз в три-четыре месяца в каждый пункт Тайшетлага наведывается "комисовка" - так ээки здесь называли медкомиссию, устанавливающую причины и степень инвалидности, годность к работе.

Подобное освидетельствование я уже проходил в лагерях раз десять. В мгновение ока из инвалида превращался в здоровяка; из инвалида второй группы перекалфицировали в инвалида третьей, а потом и четвертой группы. В большинстве случаев это зависело не от расположения звезд, а от настроения врача. Чаще - от какой-нибудь молодой девицы, только недавно вставшей с институтской скамьи. Комиссия состояла из вольных врачей, приглашенных со стороны.

В обязательном порядке в комиссии присутствовал и врач из числа заключенных, от мнения которого иной раз зависела судьба зэка. Впрочем, жаловаться в этот раз на нашего доктора-украинца С. (из зэков), включенного в состав комиссии, не было нужды, поскольку он, специалист в своем деле и человеколюб, отстаивал перед врачами в погонах каждого лагерника, главным образом, перед хирургом центральной больницы Тайшетлага капитаном Нельгой - еще той стервой.

Черт знает, откуда в этой здоровой, упитанной самке взялось столько злобы и ненависти? Лагерная братва поговаривала, что эта широкоскулая особа извела первого мужа, инженера, из-за его половой слабости, доведя до смерти, и сейчас ей достался второй -

начальник лагерной охраны, который тоже в этом деле был не на должной высоте. В каждом случае она искала повод сбавить заключенному категорию инвалидности, переквалифицировать его во вторую группу, что неминуемо означало отправку на трудоемкие работы за пределами лагерной зоны - прежде всего, в тайгу.

В основном, осмотры заключенных подобными комиссиями проходили в лагерной бане. Из каждого барака в алфавитном порядке вызывали инвалидов, которые раздевались в предбаннике и ожидали своей очереди. Эки со стажем знали, что лучше попасть на прием к любому другому врачу, чем к Нельге, но "нарядчик" суеился и здесь: командовал очередью и выдавал номерки прямо к этой стерве.

Комиссия во главе с Нельгой и на сей раз собрала "солидный урожай". Совершенно нетрудоспособные калеки вмиг превратились в инвалидов второй категории, способных работать. Лагерные начальники разных рангов эксплуатировали, как могли, инвалидов всех категорий. Нередко использовали калек и полукалек, в основном, шестидесятилетних, к тяжелым работам, наравне с инвалидами первой и второй категорий. Запомнился случай, когда на одной из комиссий, заседавшей в лагере номер 051, известные латвийские социал-демократы К. Элиас и К. Лоренц, семидесятилетние старики, были признаны работоспособными инвалидами. Их отправили на распиловку бревен, уборку снежных сугробов и прочую нелегкую работу. Знаю, потому что несколько лет они находились со мной в одном лагере; на свободу их выпустили лишь в 1955 году.

На заседании той же комиссии поэт Мойше Бродерзон был признан трудоспособным, несмотря на артериальное давление, склероз и дюжину других болезней. До прихода следующей комиссии его принудили выполнять тяжелые виды работ.

Нельга и меня признала способным "вкалывать" физически, несмотря на то, что тюрьма и следствие сильно подкосили мое здоровье. Наша бригада разделилась пополам: нетрудоспособные остались в зоне, а остальных, признанных годными к физическому труду, присоединили к ремонтной бригаде во главе с Крючковым.

Наша задача заключалась в ремонте бараков, в которых проживали несколько десятков семей из небольшого поселка, примыкающего к лагерю. Все эти местные жители работали в администрации лагеря бухгалтерами, экспедиторами, диспетчерами, контролерами, телефонистками и телеграфистками, заведующими складами готовой продукции, а также продовольственным и вещевым складами и овощехранилищем. К администрации, в первую очередь, отношу лагерное начальство и, разумеется, охрану. Все эти люди получали неплохое жалованье и, кроме того, распоряжались дармовой рабочей силой. Мы, эки, обслуживали их, ремонтировали жилища и убирали дворы, которые выглядели гораздо запущенней и грязней территории нашего лагеря, пилили и кололи дрова и даже приносили воду.

Разумеется, на каждом шагу эки видели, как эта многочисленная каста привилегированных людей, ни к чему не пригодных, без особых знаний, часто без способностей к какому-нибудь ремеслу, гниет и паразитирует за счет народа, получая к тому же вместо несчастных калек премии за выполнение месячных планов.

Многие женщины из паразитирующей касты ленились выполнять даже самую простейшую домашнюю работу, пьянствовали вместе с мужьями и занимались любовными интрижками, точнее - распутством. Мужья часто меняли жен. К примеру, заведующий продовольственным складом платил двум брошенным женам алименты на детей, но поскольку его дела на вверенном ему участке шли нормально, никто из

начальства его не трогал. Зэков, которые за пачку махорки готовы были выполнять у него на складе самую черную работу, было предостаточно.

Насколько деградировали бездельники и дармоеды в погонах, состоящие на службе во внутренних войсках, говорит количество преступлений чисто уголовного характера, которые они сами совершали. Так, сержант-сверхсрочник из лагерной охраны изнасиловал свою падчерицу - малолетнюю девочку и получил за это десять лет тюрьмы.

В соседнем лагере, в котором содержались одни женщины, тамошний начлаг "влюбился" в зэчку- "нарядчицу" (распределявшую работу) и с ней сожительствовал. Этого не могла перенести его прежняя любовница, охранница из этого же лагеря, и в отместку доложила вышнему руководству. Любвеобильный начлаг не нашел другого выхода из положения, как выпустить в бывшую любовницу пять пуль из личного пистолета, когда она шла с работы домой. За убийство ему дали двадцать лет. Подобных авантюрных историй во время моего пребывания в лагере случалось немало.

Должен сказать, что мне встречались и хорошие люди, настоящие представители русского народа. Однажды я был свидетелем неожиданного проявления симпатии к "врагам народа".

Нас перевозили из одного лагеря в другой, и на какой-то станции охранники открыли запечатанные вагоны, чтобы напоить водой томившихся внутри них зэков. Небольшое армейское подразделение, кажется, взвод, ожидавший на перроне прибытия своего поезда, нас буквально забросал буханками хлеба, сахаром и махоркой. Наша "родная" эмгэбэшная охрана пыталась этим действиям воспрепятствовать. Завязалась драка. Военный комендант станции занял сторону эмгэбэшной охраны, никого из вертухаев не арестовал, хотя драку затеяли именно они. Наоборот, комендант задержал отправку нашего эшелона до "особого распоряжения", пытаясь привлечь к ответственности в качестве зачинщиков драки солдат, проявивших к зэкам чувства милосердия.

Когда я выразил восхищение простыми русскими солдатами, пожилой зэк с большим стажем отсидки сказал:

- Чему вы удивляетесь? Каждый из них наверняка имеет родственника, друга или просто знакомого, который отсиживает свои годы в лагере...

Я убедился, что сталинская паранойя и деспотизм все-таки не всем до конца затуманили мозги. Народ знает о своей несправедливости и сочувствует безвинным заключенным. Страх и боязнь оказаться по ту сторону колючей проволоки вынуждают их молчать и бунтовать втихаря - в душе.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 06-12 февраля 2014. № 436.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-435)

Авраам-Хаим и сефардские евреи

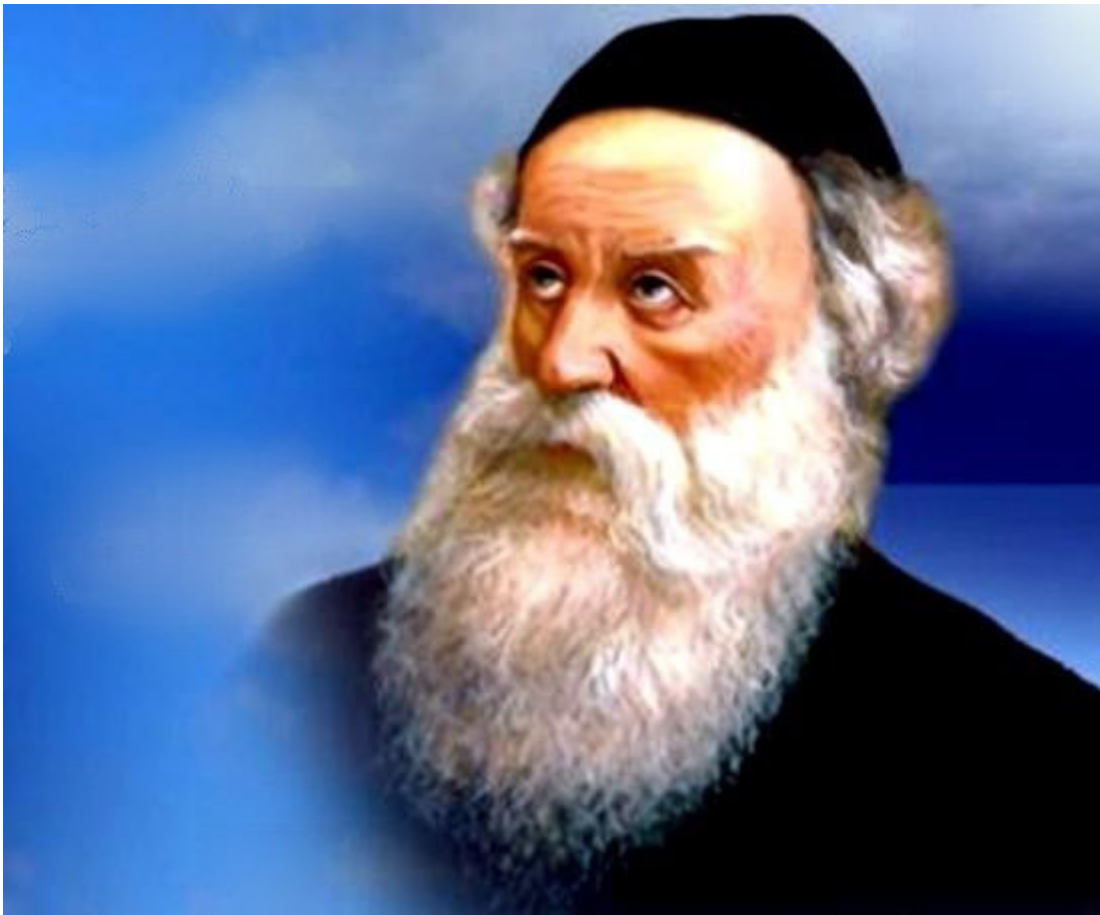
В еврейскую "колонию" нашего лагеря добавился новый элемент - сефарды. Конечно, это были бухарские евреи. Арестовали их гораздо позже, чем нас, - в начале 50-х, когда приговоры, словно из дырявого мешка сыпались на головы безвинных людей. Да и наказания у бухарских были более жесткие, чем наши. Преступления, за которые до 1950 года давали десять лет, в пору, когда судили сефардов, "оценивали" уже в 15 и 25 лет.

Группу бухарских евреев из Самарканда возглавлял ташкентский раввин Авраам-Хаим, чей светлый образ мне особенно врезался в память. И сегодня его честные глаза смотрят на меня с немим укором. Точно так же, как и светлый взгляд Меира-Ихила Галеви, молчаливого раввина из моего городка Острив-Мазовецка, из давней юности. Этот цадик, обучавший меня, выглядел так, будто все сорок лет рабства, во время исчезновения Божественного присутствия в Святой Земле, воздерживался от трэфной еды.

Вообще-то Авраам-Хаим из Ташкента не был ни равом, ни гаоном. Но его удивительное и нежное тонкое лицо, величавый вид, глубокие черные глаза даже на окружающих неевреев действовали завораживающе. "Раввина Абрама" - так мы все его называли - заключенные побаивались и одновременно уважали.

Как я уже сказал, этот еврей не был раввином; он был простым работягой, живущим от своего красивого ремесла, но какой это был праведник!

В окружающем гадком, тупом мире один его взгляд делал всех нас нежнее, человечней. Еще он мне напоминал живого ребе Мойше-Лейба из Сасова. На своем сефардском иврите (многие бухарские евреи знали иврит, а также узбекский и таджикский) Авраам-Хаим поведал о своем "прегрешении", за которое был арестован. Некоторое время назад в Самарканд прибыл любавичский хасид и распространял учение рава Шнеура-Залмана из Ляд в среде бухарских евреев.

Рабби Шнеур-Залман из Ляд (Алтер Ребе)

Авраам-Хаим стал одним из самых горячих приверженцев доктрины ХАБАДа (любавичского хасидизма), изучая с местными евреями философское творение Алтер Ребе (Шнеура-Залмана из Ляд) - книгу "Тания", состоящую из нескольких трактатов, и занимались созерцанием ее мудрости. Кроме того, Авраам-Хаим построил при синагоге микву - небольшой бассейн для ритуального омовения.

"Доброхоты" также донесли в органы, что он слушает по радио "Голос Израиля" из Иерусалима. Этого было достаточно, чтобы дать ему 15 лет лагерей. Когда Авраам-Хаим запротестовал, ему прибавили еще десять. Таким образом, к нам он прибыл с солидным приговором - двадцать пять лет. За такие же схожие "преступления" сидели и остальные бухарские. В лагере по обыкновению они держались обособленно. Кроме хлеба, сахара, селедки и бурды из мороженной рыбы, они ничего не брали в рот, хотя рацион состоял еще из тощих капустных щей, двухсот граммов пшеничной каши и трех граммов растительного жира.

В первую субботу каждого месяца «бухарцы» собирали миньян и молились. Так как им до десяти человек не хватало одного, то они приглашали ашкеназа, который ввиду болезни в этот день оставался в бараке. Поскольку всем восточным евреям перевалило за шестьдесят, то даже начлаг Ермилов, не отличавшийся особой добротой, оставлял их в этот день заниматься внутри зоны хозяйственными работами: убирать бараки, чистить на кухне картофель, подносить воду и заготавливать дрова для столовой.

Находящимся внутри зоны можно было, откупившись, отпроситься у «нарядчика» с работы на час-другой. Дело в том, что бухарские евреи получали из родных мест восточные сладости, перед которыми "нарядчик" Нестеренко, наглец и взяточник, не мог устоять: это был урюк - сушеные абрикосы, из которых его "шестерки"- прислужники

специально варили для него компот.

Авраам-Хаим заходил к нам, ашкеназам, в бараки, когда мы, измотанные, приходили с работы. Каждому он уделял время, с каждым беседовал. Иногда земляки его ревновали: мол, что за дела ты затеял с этими "неверными"? Но Авраам-Хаим нас, единоверцев-ашкеназов, таковыми не считал. Не раз он нам пересказывал мидраш (притчу-толкование) про рабби Акиву, отдавшего жизнь за веру.

Однажды на иврите я спросил у него, почему он так печется о нас? Помню, как он тогда разозлился и закричал: "Возьми свои слова обратно и покайся за сказанное!"

Этот благочестивый восточный еврей знал всю книгу "Теилим" ("Псалмы") наизусть. Не раз по чьей-нибудь просьбе он переписывал главу из книги, восхищаясь при этом:
- Полюбуйся, сколько в псалмах солнца и света!

Вспоминаю такой случай. Кто-то из заключенных получил посылку, в которой находился шмат свиного сала. Как и положено в лагере, получивший поделился содержимым посылки с другими зэками. Кому-то из евреев также попался кусок сала, которое было в лагере большой редкостью. Люди работали на морозе, и тощему организму зэка кусочек сала не помешал бы. Через несколько лет после того, как начлаг Ермилов благоустроил зону, наладил лагерную жизнь и производство, довольный достигнутыми результатами и похвалой вышестоящего начальства, он разрешил некоторым зэкам готовить из полученных из дому продуктов отдельно себе на кухне.

Бухарские евреи в одночасье воспрянули духом. Впрочем, не только они теперь могли готовить себе отдельно из продуктов, посылаемых им родными. Отдельной кухней стали пользоваться и зэки-мусульмане: узбеки, таджики, казахи, азербайджанцы и другие, не употребляющие свинины, иной раз они даже жарили баранье мясо, которое им присылали из дому. Как-то один из ашкеназов что-то жарил на свином жире, переданном кем-то из зэков. Мусульмане тут же пожаловались Аврааму-Хаиму:
- Смотри, что делают твои евреи!

Благочестивый Авраам-Хаим, безукоризненно соблюдающий традиции еврей, постившийся в лагере каждый понедельник и четверг, даже во время работы произносивший псалмы, улыбнулся провинившемуся еврею-ашкеназу, махнув рукой в сторону своих земляков:

- Не обращай на них внимания! Ты же вкалываешь по-каторжному в тайге. Да и из дому тебе никто ничего не шлет. Так что для тебя - это спасение жизни.

От такой неожиданной речи Авраама-Хаима ашкеназ настолько растерялся, что даже не успел насладиться картошкой на трэфном масле. Он лишь удивился тому, что сказал благочестивый Авраам-Хаим, которого все в лагере называли раввином.

На волю наши братья, бухарские евреи, вышли первыми. Возможно, здесь сыграла свою роль апелляция, поданная от их имени Мойше Бродерзоном, которую он написал на великолепном русском языке, или то обстоятельство, что обвинение против них выглядело уж слишком комичным и бросалось в глаза своей нелепостью. Как только после ареста Берии стали рассматривать апелляции, каждому из них отменили 20- или 25-летние приговоры.

Заключенные с 5-летним сроком вышли по амнистии. Таким образом был освобожден и

Авраам-Хаим.

Когда он покидал лагерь, до ворот его провожали несколько десятков евреев, а также неевреев, видевших в нем "святого раввина Абрама". Они просили его на воле заняться их судьбой, чтобы они могли быстрее покинуть проклятый лагерь...

Примечания переводчика:

Рабби Мойше-Лейб Эрблих (1745-1845) из Сасова, Восточная Галиция - основатель хасидской династии;

Рабби Шнеур-Залман из Ляд (Алтер Ребе, 1745-1813) - каббалист, основатель движения ХАБАД;

Рабби Акива бен Иосеф (примерно 50-132) - один из величайших ученых в истории еврейского народа. Осужден римлянами за обучение людей Торе и приговорен к смертной казни

(Продолжение следует)

Мы здесь. 13-19 февраля 2014. № 437.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-436)

Еврейка из Риги

"Сегодня у меня особенный праздник: мой единственный сын, моя кровиночка, стал "бар-мицва" - сыном заповеди", то есть достиг религиозного совершеннолетия. Его нет со мной рядом, но я храню его фотографию, которую зацеловала и оросила слезами. Узнав о моей радости, еврейки-заключенные, сестры по несчастью, пришли меня поздравить. Мы устроили что-то вроде маленькой домашней вечеринки. Несколько дней мы сберегали всё лучшее из еды, оставляя для бар-мицвы моего сына, который от меня сейчас так далеко... Кто знает, увижу ли я его еще когда-нибудь..."

Это одно из писем, которое молодая еврейская женщина из Латвии писала нам, экам-евреям, из лагеря номер 040, расположенного почти рядом - в трех километрах. Различными путями и способами эти послания передавались из ее лагеря в наш. Поскольку она в настоящее время здорова, то, по понятным причинам, назову ее вымышленным именем – например, Розой. По соседству с нашей зоной в женском лагере особого режима находилась и центральная больница (тоже женская). Это медучреждение действовало в Озерлаге, который входил в обширную систему Тайшетлага. Наш лагерь,

номер 051, имел производственные контакты с Озерлагом. Наиболее молодые и крепкие были туда посланы на различные работы, например, выкопать колодец, соорудить новую дизель-электростанцию. В жилах этих эзков кипела молодая кровь, и лагерное ограждение для них не было препятствием, чтобы завязать знакомства с женщинами, обслуживающими больницу. Кстати, эти парни и передали нам привет от нескольких еврейских женщин, которые там работали. Одна из них -Роза из Латвии - работала фармацевтом. За пачку махорки Роза попросила парней узнать об одном еврее, тоже из Латвии, - писателе Р., нашем солагернике.

Вскоре между Розой и писателем Р. завязалась дружеская переписка. В этой эпистолярной связи участвовали все еврейские писатели нашего лагеря. В длинные, подробные письма к Розе писатель Р. вкладывал весь свой талант, но и Роза в этом жанре показала не меньшие способности. Удивительная, незнакомая еврейская женщина из Латвии писала на великолепном идише, рисуя ясную и подробную картину разгрома еврейской культуры и ее творцов. Какой жар любви к нашему народу и веры в лучшее исходил из ее писем! Казалось, что это пишет не просто приверженка еврейского слова, почитательница еврейского писателя Р., но и мать. Нам она действительно казалась настоящей еврейской мамой, утешающей своих детей. Роза стала для нас своего рода объектом постоянного интереса.

- Ну, что Роза сегодня написала? - интересовались писатели у Р. Мы говорили о ней как о еврейской праведнице, поборнице чистоты нравов, но об этом чуть ниже. Роза напоминала мне другую женщину, тоже праведницу, которую я встретил в своих скитаниях по Советскому Союзу.

...Было это в январе 1942 года в Новосибирске, когда я после тяжелой глазной травмы, полученной в рабочем батальоне, попал в военный госпиталь. Глазное отделение, в котором я находился, соседствовало с ларингологией, проще говоря, с отделением "уха, горла, носа"). В глазном отделении я был пациентом "со стажем" - после сложной, но удачно сделанной операции, которую провел профессор-офтальмолог Арон Абрамович Колен.

Прогуливаясь однажды по коридору госпиталя, я увидел стройную женщину с нежными чертами лица. Она стояла, повернувшись к окну, и глотала слезы. Я затеял с ней разговор; она же, сразу узнав во мне соплеменника, пыталась выговориться.

Сама она родом из Вены. Родители были очень религиозными людьми и в таком же духе воспитали свою дочь. Когда нацисты захватили Вену, она вместе с мужем-инженером эвакуировалась в Советский Союз. В первый же год войны ее с мужем и маленькой дочкой отправили как подозрительных элементов в сибирский ссыльный лагпункт. Их

претензии, что, будучи евреями, они ничего общего не имеют с нацистами, не возымели никакого действия. В лагере их девочка тяжело заболела воспалением горла. Ей как матери разрешили находиться с ребенком, но под присмотром конвойного, стоявшего у двери больничной палаты. В пятницу вечером девочка умерла. Я стоял рядом и видел, как здесь, в проклятом лагере, мать убивается по своему умершему единственному ребенку, хотя в субботу плакать нельзя. Но мне тогда казалось, что сама праматерь Рахиль скорбит по своим детям. Сколько лет уже прошло, а у меня перед глазами по-прежнему стоит эта убитая горем женщина. Роза из Риги, заключенная из соседнего лагеря, напомнила мне почему-то эту несчастную женщину.

Мы регулярно отвечали на письма Розы. При выходе за пределы лагеря на работу и по возвращении охранники тщательно обыскивали всех заключенных, с особым усердием проверяли телеги с рабочим инструментом для бригад, но мы каким-то образом умудрялись прятать письма, засовывая их в лошадиные хомуты.

В последних письмах Роза жаловалась, что ее домогается больничный техник-рентгенолог - бесконвойный зэк-украинец. "Он в меня влюблен, - писала Роза нам, - но я отвергла его любовь и как женщина пресекла его намерения...". К тому же, сообщала далее Роза, на нее "положил глаз" офицер из лагерной администрации. Поскольку она не обращала внимания на его ухаживания, офицер стал к ней придирается и донес начальству якобы о ее профнепригодности, хотя Роза была одним из лучших фармацевтов во всей системе Тайшетлага.

Письма Розы были печальны, но полны женской гордости и самоуважения. Она нас известила, что ее снимают с должности и собираются отправить в соседний лагерь на тяжелые сельхозработы. Тем не менее она счастлива, так как избавляется от двух "кавалеров", докучавших ей своей любовью.

Когда Розу перевели в другой лагерь, то у нее не сразу появилась возможность перебросить нам письмо. Она освободилась чуть раньше нас - в начале 1955-го, когда вышел закон о том, что лица, арестованные по политическим и уголовным статьям и отбывшие две трети срока, могут выйти на свободу, если они не совершали новых преступлений... Но оказаться на свободе еще не означало вернуться домой. Большая часть выпущенных на волю так в Сибири и осталась в качестве "переселенцев", а точнее - ссыльных. В зоне они, конечно, не находились, но территория их передвижения была ограничена, и за ее пределы выезжать куда-либо было запрещено.

Примечание переводчика

Еврейский писатель Р. - Марк Разумный (1896, Жагоры, Ковенская губ. - 1988, Рига) - новеллист, поэт, драматург. Отбывал наказание в Тайшетлаге (1950 - 1956), там же, где и автор этих воспоминаний.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 20-26 февраля 2014. № 438.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-437)

Китайцы и другие

Положение двух десятков евреев в нашем лагере было довольно сложным. Зачастую в свой адрес приходилось слышать различные колкости, насмешки, а то и просто терпеть издевательства. Как-то бригадиром одной из лагерных бригад назначили еврея. Благодаря его способностям и стараниям, люди и хорошо работали, и даже кое-что зарабатывали. Из-за этого на него со всех сторон посыпались всякие наговоры и сплетни, и в конце концов этого еврея с бригадиров убрали. Остальные эки завидовали нашему, как им казалось, единению, хотя мы, евреи, бывало, между собой спорили, препирались и даже ругались,. А как иначе могло быть в сообществе с различными взглядами на жизнь: от ордоксальных раввинов до идейных партийцев-большевиков старой закваски. Некоторые из нас, имея солидный опыт прожитых лет, делали определенные выводы; другие, застывшие в догмах коммунисты, считали, что все, что спускается партией, самое верное и правильное. Тем не менее, в глазах окружающих евреи выглядели дружной командой, соответствуя нашей поговорке: "Гекнипт ди бакн ун гештэлт ди фарбн" ("Щипали себя за щеки и наносили потом на них румяна").

Когда на еврея нападала хворь, каждый из нас отрывал от себя что-нибудь из еды и нес больному в лагерный стационар. Как-то у одного из нас, работающего на швейном производстве, произошла ссора с бригадиром. Другие евреи, работающие в швейной мастерской, единодушно встали на защиту обиженного соплеменника. Как я уже писал, портные и закройщики были на особом счету, и начальство, пойдя навстречу группе евреев, перевело обиженного еврея, у которого были "золотые руки", в другую бригаду.

Все остальные представители девятнадцати национальностей, обитающих в лагере, почему-то завидовали нам черной завистью, даже хорошо организованная группа украинцев - "западенцев". Истины ради должен заметить, что у них можно было кое-чему научиться: например, конспирации, способу держать многое в секрете, даже бастовать и вообще устраивать начальству всякие "подлянки". Между собой у них часто завязывались драки, после которых они ревностно кивали в нашу сторону как на пример единодушия. В отношении немцев вроде все было ясно: склонить их на активную деятельность против установленного порядка весьма непросто. На их лицах всегда висела вежливая улыбка, предупредительность и учтивость. Даже после смерти Сталина их с трудом можно было подвигнуть на какие-либо выступления против лагерного начальства. "Йеки", как называли евреи немцев, привыкли к дисциплине; бунт - не для них, они привыкли выполнять любые приказы - будь то фюрера, будь то лагерного начальства...

Вторым приметным народом, державшимся в лагере друг друга и вызывавшим к себе не только внимание, но и сочувствие, были китайцы. Это были, главным образом, весьма состоятельные люди, «виновные» лишь в том, что они проявляли симпатию к Чан Кайши и к высокопоставленным офицерам его армии. Впрочем, среди сочувствующих было немало людей из простого народа.

В лагерях, где мне приходилось отбывать срок, я встречал китайцев, занимавшихся своим специфическим делом: стиркой белья в прачечной и работой в бане. Незнанием русского языка они просто вызывали жалость и зачастую не понимали ругательств, включая мат, сыпавшийся со стороны начальников и охранников на их бедные китайские головы.

Работа в прачечной, как и в бане, была довольно тяжелой. Обеспечивать себя водой они должны были сами: каждый день ее требовалось таскать из колодца. Особенно тяжело приходилось в зимние месяцы, когда и колодец, и тропа к бане скованы льдом, но китайцы не роптали: молча, добросовестно выполняли свои обязанности. И администрация лагеря, и эки были довольны их работой.

Единственной отрадой в лагерной жизни была баня, которая находилась в надежных руках китайцев. В морозные дни жарко натопленная ими баня становилась тем редким местом, где эки могли согреть свои кости. В летнюю пору, когда лицо и все тело опухали от безжалостной мошкары, мы каждый вечер после работы приходили к ним в баню, чтобы отмыться от прилипшей смолы, пота и прочей грязи. Китайцы, хозяйничающие в этом заведении, проявляли по отношению к нам великое терпение. От них никто и никогда не слышал дурного слова.

Так сложилось, что хозяйственная служба лагеря некоторое время не могла подобрать поваров в столовую. Причина была одна: поваров терроризировали другие эки - уголовные авторитеты, унося из кухни продукты, приготовленные для варки.

Тогда из прачечной на кухню перебросили двух китайцев, определив их поварами. Кулинары они были отменные, первоклассные, как говорится, - было бы только из чего готовить. Они настолько мастерски колдовали над едой, приготавливая ее, казалось, из ничего, что вкушать их блюда было удовольствием. Чересчур соленую сельдь они сначала вымачивали, добавляя невесть откуда взявшиеся уксус и горький перец, и получалась вкусная маринованная селедка. Из небольших порций пшенной каши они делали горячие сухарики, заливая их подливой, приготовленной из муки и оставшегося подгорелого масла. Они никогда не отказывали, если, допустим, кто-то просил их поджарить на кухне клейкий хлеб. А тем, кто с кухни умыкал съестное, китайцы дружно поставили заслон: вечерами дежурили на кухне, охраняя от нашествия воров продукты, полученные со склада.

Китайцы в лагере обладали еще одной монополией: кипяток для заварки чая был в их руках. Саму сухую заварку для чая, который был большим дефицитом в неволе и пользовался огромным спросом, они не давали, но зато из поджаренных желудей заваривали "цикорий" с особым, специфическим вкусом, напоминающим кофе. В суровые морозы мы шли к китайцам на кухню в их "кипятилку" - греться кипятком.

Однажды я спросил у одного из поваров, за что он сидит. Китаец начинал себя бить кулаками в грудь и кричать: "Моя - чпион! Моя- чпион!". В общем, было все понятно.

Впрочем, за "шпионаж" были осуждены все китайцы, и меньше десяти лет никто из них не получил. Особенно обращал на себя внимание Ли-Фу, занимавший высокий пост в чанкайшистской армии. Как и многих других, его отправили из Пекина в советский лагерь, в далекую Сибирь. Общались мы с ним при помощи русских эмигрантов из Харбина, Мукдена и других городов.

Ли-Фу был очень умным человеком и хорошо ориентировался в происходящем. Своим

поведением он напоминал "бравого солдата Швейка" и однажды даже переиграл начальника лагеря Ермилова, отправившего его на работу за пределы зоны. Семидесятилетний Ли-Фу, несмотря на плохое зрение, был проворным малым, и, как все его соплеменники, пропадал в прачечной. Там он веселил публику, изображая сценку, в которой пародировал следователя, пытающегося на допросе сделать из него "шпиона". Наблюдая за этим "концертом", эки буквально катились по земле от смеха. Кто-то об этом "представлении" донес Ермилову, и начлаг, рассвирепев, велел отправить полуслепому Ли-Фу работать в тайгу. Китайцы дружно возмутились этим решением, угрожая остановить работу на кухне, в бане и прачечной. Узнав об этом, начлаг Ермилов втихаря уступил китайцам.

Примечание переводчика:

Чан Кайши (1887-1975) - военный и политический деятель Китая, возглавивший Народную партию (Гоминдан) в 1925 году, президент Китайской республики и генералиссимус. Когда в 1949 году власть в стране полностью взяли коммунисты, гоминдановскому правительству пришлось бежать на о. Тайвань. Самуил Маршак на злобу дня написал тогда четверостишие, опубликованное в московском журнале "Крокодил" под соответствующей карикатурой:

*Спасти желая Гоминдан,
банкиры-торгаши
бросали деньги в старый чан -
бездонный Чан Кайши.*

Мы здесь. 27 февраля – 05 марта 2014. № 439.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-438)

«Дело врачей»

Черт его знает, откуда только этот вездесущий "нарядчик" Нестеренко, трепач и прохиндей, распределявший работу среди эков, вынюхал историю об "убийцах в белых халатах"? Кажется, он и газеты в руках никогда не держал, разве лишь для того, чтобы заворачивать в нее подношения от эков, которые делились с ним посылками из дому, дабы откупиться от тяжелых работ. На что ему вдруг сдались эти новости из Москвы? К слову, газеты вообще приходят в лагерь с большим опозданием. Периодическая печать - это уже по линии начальника культурно-воспитательной части (КВЧ) Чарного, и и "нарядчик" Нестеренко не вмешивается в его "царство".

Начальник КВЧ Чарный организует в лагере концерты, выпускает лозунги и плакаты о "стахановцах" - передовиках производства, подводит итоги "социалистического соревнования" бригад, закупает книги для лагерной библиотеки и, главное, ведет учет посылок, получаемых заключенными. О, как тщательно и скрупулезно ведет Чарный этот учет! Как только с почты на телеге привозят посылки, в помещении КВЧ в присутствии охранников сразу начинается ажиотаж - идет вскрытие и "шмон" (проверка) этих посылок: поиск всякой крамолы в виде писем, записок со скрытым, зашифрованным смыслом. Крамолой для начальства мог служить обыкновенный спичечный коробок с этикеткой, на которой изображены часы на Спасской башне Кремля, стрелка которой застыла на определенном времени, допустим, без пятнадцати двенадцать. Хотя эта картинка растиражирована на миллионах коробок, и бесчисленное количество граждан их покупали, здесь, в лагере, безвинная спичечная этикетка может вызвать подозрение. Видите ли, картинку можно истолковать, как "тайный знак", как "подсказку" к совершению побега, и спичечные коробки с подобными изображениями, как и другие "опасные" вещи, конфискуются. Зэки, которым в свое время досаждали следователи, знают, что тебя запросто могут обвинить в попытке поджога Кремля или в покушении на убийство руководителей партии и государства, а заодно в том, что ты являешься агентом нескольких иностранных разведок. Как говорится, попробуй потом докажи, что ты не верблюд...

Но это лишь одна из причин "шмона". Другая же заключается в том, что в посылках часто попадают деликатесы, как, например, какао, сливочное масло, разные копчености. Из солнечного Узбекистана присылают кисло-сладкий урюк, сухофрукты. Догадайтесь, в чьи руки все это добро попадает...

В связи с подлыми наветами на врачей-евреев лагерные антисемиты подняли головы: от евреев можно всего ожидать! На все лады они мусолили эту тему, испытывая огромное удовольствие. Бандеровец Петро, горячась, неожиданно подходил к теме с другой стороны: "Я знал, что только евреи могут покончить с коммунизмом! Они его породили, они его и уничтожат! Вот увидите! Просто у других сил на это не хватит..." Но более всего изрыгали свою злобу подонки, которые случайно затесались в категорию политзэков. В них бушевала ненависть из-за того, что их осудили по "контрреволюционной" 58-й статье. Будто и в этом евреи виноваты...

- Слыхали? - шипели они, - Эти еврейчики обнаглели вконец! А ведь они должны париться вместе с фашистами в одной зоне! Наконец-то правда выплыла наружу и всем стало ясно, что они, изменники и предатели, пошли против советской власти!

По любому поводу эта небольшая кучка "политических" хотела выставить напоказ свою преданность советской власти, искала момент, чтобы подчеркнуть, что состоит в доверительных отношениях с начальством, донося ему обо всем. Поэтому таких "доверенных лиц" назначали бригадирами и нарядчиками, заведующими складами; им разрешали носить прически и щеголять в собственных сапогах вместо стандартных резиновых "чуней", произведенных в обувной мастерской лагеря. Сделанные из использованных автомобильных шин, "чуни" напоминали глубокие калоши, зашнурованные бечевкой. Для уголовников "дело врачей" стало буквально подарком судьбы, ниспосланным свыше. "Евреи, еврейчики, - не переставая, трепали они своими вонючими языками, сея раздор, - не зря их здесь в лагере полным-полно. А ведь раньше в зоне их почти не было. Видать, сам Каганович их покрывал... Но сейчас им пришел конец - ихнюю шпионскую сеть разоблачили и всех-всех посадили!"

Справедливости ради следует заметить, что не все "урки" были одинаковы, встречались и такие, которые вели междуусобную войну. Так называемым "правильным" ворами ("честняками") воровской закон не позволял на зоне сотрудничать с начальством. Они не становились бригадами и над "политическими" не издевались/ "Урки" же, напротив, это преступники, которые делали вид, будто встали на путь исправления, но сами они не работали, а командовали, и, не дай бог какому-нибудь настоящему политзэку попасть в их подчинение.

В нашем лагере "честняков" было негусто, "урок" же хватало с избытком. Например, наш нарядчик Нестеренко тоже был "уркой", хоть и выдавал себя за "политического". На самом деле он был осужден за сотрудничество с гитлеровцами в годы войны. Другие "урки" числились у него в друзьях, и он их на общие работы не посылал, а распределил на «теплые» места в лагере.

Неожиданный навет из центра на врачей-евреев стал для Нестеренко сигналом, что и с другими евреями можно делать все, что хочешь. Тихий лагерный антисемитизм, который доселе особо не высывался, наконец-то вырвался на свободу. Нестеренко даже позаботился о том, чтобы купить целую пачку иркутской областной газеты, в которой подробно публиковались материалы об "убийцах в белых халатах", и распространить ее в бараках.

В голове у Нестеренко родился дьявольский план: он решил создать отдельную бригаду из одних евреев. Следует заметить, что евреев в лагере никогда не выделяли отдельно. Разумеется, особую любовь к евреям не питали, и часто в свой адрес они слышали гадости. Тем не менее, заключенные остальных девятнадцати национальностей, пребывающие в лагере, также сообща страдали и несли на себе ярмо неволи. Иногда становилось настолько противно, как будто проглотил касторку, если вдруг соседом по нарам оказывается эсэсовец, который, возможно, уничтожил твоих родных и близких. Но здесь, в лагерной зоне, мирно сосуществуют огонь и вода, лед и пламень; кровные враги - турок и армянин спят на нарах друг возле друга, француз - рядом с немцем, а украинский националист курит махорку вместе с русским белогвардейцем-монархистом. Все здесь как бы равны, на всех распространяется единая рабочая норма.

Выделяться из общей массы было опасно. А тут получилось наоборот: словно в какой-то черный понедельник кто-то поменял лозунги на стенах бараков, какая-то нечистая сила дала нашим недругам команду: разрешается всё!

Нестеренко даже составил список "еврейской бригады" и передал на утверждение начальнику лагеря Ермилову. В этот список были включены все евреи нашего лагеря. Подонок Нестеренко хотел заставить всех евреев лагеря, включая стариков, полностью выкладываться на работе. Они у него будут таскать бревна, рыть ямы; он сделает с евреями то же самое, что делали гитлеровцы. Он поставит евреев вне закона. Впрочем, у начлага Ермилова излишние симпатии к евреям отсутствуют, как и к остальным людям вообще, в том числе и к доброму доктору-украинцу С.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 06-12 марта 2014. № 440.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-439)

«Еврейские бригады» и конец антисемита

В отличие от Ермилова, доктор С. каждого человека любил и уважал. Этот старый, добрый врач, невзирая на угрозы начальника лагеря, освобождал эков от каторжного труда, насколько было в его силах.

Доктор С. объяснял Ермилову просто и доходчиво: "Вы можете сделать со мной всё, что угодно, даже отправить вместе со всеми на общие работы, но я до конца буду выполнять свой врачебный долг - лечить больных и давать им необходимый отдых от работы".

Слушая такие речи лагерного врача, Ермилов давал ему понять, чтобы тот перестал кичиться своим преимущественным положением:

- Вот скоро к нам прибудет пополнение - врачи из Москвы, и профессоров станет в избытке! Читай газеты и ты узнаешь, сколько уже врачей-евреев арестовали. Их пришлют в наш лагерь, и все они попадут в мои руки...

Для нас, эков-евреев, находящихся в спецлагере, как бы наступило Девятое Ава - день траура и поста в память о разрушении Первого и Второго храмов в Иерусалиме. В те мрачные годы очутиться в спецлагере означало одно: свободы не увидишь никогда. Отмотав "положенный" срок, получаешь второй. Но "еврейская бригада" даже в жестоких условиях спецлагеря - это уже было что-то запредельное, непонятное, дикое. Становилось ясно, что "нарядчик" Нестеренко постарается, чтобы евреям было тяжелей, чем другим, чтобы питались "штрафным", т.е. значительно уменьшенным пайком. Это принесет желаемый антисемиту результат: на кладбище у кромки леса, возле железнодорожного полотна, появятся свеженасыпанные могильные холмики с наспех воткнутыми в них дощечками: Я-718, Г-387, А-914... Под ними найдут свой вечный покой еврей-заклученные.

...Всевышний мудр и справедлив. Словно Аману из Книги Эстер, мстит Он врагам Израиля, и мы, евреи, даже в неволе справляем веселый праздник Пурим. Правда, без шалахмонэс - традиционных подарков со сладостями и напитками, которые евреи посылают друг другу. Кормежка в лагере - лишь пустые капустные щи с задубевшей кашей, но, тем не менее, праздник живет в наших сердцах! Не иначе, как доблесть и честь предков взыграли в нас. История о том, как мы в молчании отмечали праздник Пурим, обошла наш лагерь и все окрестные лагпункты. Разворачивались другие события, и нашим недругам стало не до евреев, понемногу они стали забывать о нашем существовании...

О моральном облике начальства, которое обязано было перековывать нас в преданных государству граждан, знали мы немало, наглядевшись на их "красивые" дела и поступки. Не проходило и недели, чтобы мы не узнавали о свежих скандалах и скандальчиках,

происходивших по другую сторону лагерной ограды - в поселке, где жили военнотружачие и вольнонаемные граждане, охранявшие и "кормившие" нас. Истории о женах, бьющих своих мужей, то есть наших начальников, за то, что не платят алименты за своих отпрысков, относились к разряду будничных.

Начальник режима нашего лагеря, лейтенант по званию, закрутил любовный роман с черноокой эзкой-украинкой из соседнего женского лагеря. Одна из охранниц пригрозила лейтенанту, своему бывшему любовнику, донести об этом вышестоящему начальству. Лейтенант, он же начальник режима, недолго думая, застрелил охранницу из своего табельного пистолета.

Эта история во всем Тайшетлаге наделала много шума: из Москвы даже прикатила комиссия, и лейтенант схлопотал двадцать лет. А затея с предполагаемой "еврейской бригадой" вскоре как-то подзабылась, потому что в "Правде" появилось сообщение о том, что "дело врачей" было лишь наветом, выдумкой Абакумова и Рюмина.

Так что капитану Ермилову не суждено было заполучить в свой лагерь московских профессоров-евреев. И "нарядчику" Нестеренко, также ненавидевшему евреев, не удалось претворить в жизнь свой подлый план. Более того, за желание создать "еврейскую бригаду" капитан Ермилов по служебной линии схватил "строгий выговор". С Нестеренко поступили еще жестче: его сняли с должности и им занялась специальная комиссия. И сразу же вскрылись его махинации: мздоимство и ограбления эзков. Даже было установлено, что Нестеренко дружил с тем самым лейтенантом, застрелившим охранницу, свою бывшую любовницу. Также его обвинили в том, что он принуждал к сожительству должностных лиц соседнего женского лагеря - служащих МВД. Таким образом, Нестеренко грубо просчитался в своей "кипучей" деятельности и "стратегических" планах с организацией "еврейских бригад". Но разве это было только его ошибкой?..

Примечания переводчика:

Абакумов В. С. (1908 - 1954) - генерал-полковник, министр госбезопасности СССР. По мнению ряда историков, некоторые обвинения, выдвинутые против него, были явно надуманными. Расстрелян как участник "банды Берии" 19 декабря 1954 года.

Рюмин М. Д. - замминистра госбезопасности. Именно Рюмин является фальсификатором "дела врачей". В 1954 году приговорен к высшей мере. Не реабилитирован.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 13-19 марта 2014. № 441.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

Триста женщин из Монголии

Неожиданно, как ураган, на «родной» лагерь обрушилась другая напасть. У нас лагерь был мужской, а для женщин есть отдельные лагерные пункты. Правда, и в мужском встречаются особы противоположного пола - как правило, их всегда единицы, являются они сотрудницами лагерной администрации и для общения с зэками недоступны. Если зэка поймут хотя бы во время разговора с женщиной, ему не позавидуешь - сразу карцер.

А тут - сразу три сотни молодых монгольских женщин. Здоровых, сексуально аппетитных. Лица - кровь с молоком, жаркие тела - в самом соку... Если бы капитана Ермилова спросили, согласен ли он принять и разместить в своем лагере транспорт с сотнями монголок, он бы ответил категорическим "нет". Большинство из этих женщин были осуждены за бандитизм, воровство, разбой и убийства.

Из своего опыта Ермилов хорошо знал, что уголовники не питают особой любви к производительному труду и живут за счет "политических", которые, в основном, и тянут в лагере каторжную лямку всего трудового процесса.

Но у Ермилова, повторюсь, никто ничего не спрашивал. Впритык к нашему лагерю находился пустующий лагпункт на пятьсот зэковских душ. Почему этот лагерь пустовал, почему не был заселен "политическими", когда все подобные таежные обиталища были переполнены таковыми, для меня до сих пор остается неясным. Этот лагпункт был запущен и частично разорен. Ермилов приказал наскоро изготовить в лагерной столярке сотни нар. Наш лагерь как бы соединился с реставрированным лагпунктом; у нас были общее руководство, бухгалтерия и обеспечение. Когда эшелон с тремя сотнями женщин прибыл из Монголии, то большую часть "личного состава" нашего лагеря мобилизовали на разгрузку вагонов.

Эти женщины из Монголии в советскую Сибирь добирались целый месяц. В одном из вагонов стоял огромный котел, обмурованный большим количеством кирпичей, в котором арестантки готовили себе пищу. Всю эту конструкцию требовалось разобрать, кирпичи уложить в штабеля и затем увезти в лагерь. Несколько тысяч досок, из которых в вагонах были сбиты нары, понятное дело, представляли особый интерес для Ермилова, и мы их перевозили в лагерь в первую очередь.

Трудились вместе с монголками, большинство из которых, как я уже заметил, были юные, крепкие девушки. Нас, пожилых, измученных и больных людей, они, разумеется, далеко обгоняли в выполнении погрузо-разгрузочных работ. Начлаг Ермилов стоял в сторонке и, наблюдая за трудовым процессом, отпускал в наш адрес циничные шутки:

- Стыдитесь, а еще мужиками называетесь! Бабы вон как вас обогнали!

И нас, евреев, тоже не забыл:

- Это вам не лапсердаки носить!

Ермилов, который нашими руками построил огромное хозяйство, придумал новый план, чтобы задействовать монголоков. Во вновь оборудованном лагпункте он замыслил открыть свиноводческую ферму и обработать для посевов пять гектаров земли. Он также спланировал цех по обработке слюды, которой в здешних местах в избытке, - прозрачные куски слюды будут распиливать на тонкие пластины и применять в качестве окон.

А еще часть из этих женщин станет по пропускам возить на телегах необходимые грузы за пределы лагеря. Все-таки они не "политические" - им можно доверять, и ему не надо будет из-за каждой мелочи лезть за разрешением к вышестоящему начальству. Но с первых же дней он в этих монголках жестоко разочаровался.

Началось с двух "вертухаев" - наших лагерных охранников, которые пробрались в женский лагпункт и "позабыли" вовремя оттуда выйти. Короче, они хотели оттуда выйти, но не получилось. Были эти два вертухая, между прочим, порядочными сволочами, которые по любому поводу измывались над политзэками. Что там в женском лагере с ними произошло, доподлинно неизвестно, Больше в нашем лагере их не видели. Но "нарядчик" Нестеренко некоторым рассказал "по секрету", что их отвезли в больницу. Пишущие здоровьем монголки просто-напросто их изнасиловали всем гуртом, доведя до полусмерти. Этот трагикомичный факт Ермилова бы не очень волновал, если бы монголки питали склонность к труду. Но никто из этих женщин и пальцем не пошевелил, они и себя-то толком не обслуживали. Тогда он со своим окружением заявился к ним и принялся им все это выговаривать. Выслушав начальника, монголки поскидали с себя все одежды и, оставшись в чем мать родила, дружно, в один голос, завопили:

- Приведешь к нам мужиков - тогда будем работать!

Эту сцену капитан Ермилов стойко выдержал, но все же его обуял доселе неведомый страх, как будто оказался он на эшафоте. Собравшись с силами, обратился к своим помощникам:

- И откуда здесь, в лагере для политических, взялись такие стервы-уголовницы?

Словно не он сам окружал себя "блатными" и назначал уголовников - воров и бандитов - на должности бригадиров...

В лагере поговаривали, что после этого случая у начлага Ермилова вроде "поехала крыша". Придя в свой кабинет, он долго стучал кулаками по столу и орал, все больше себя раззадоривая:

- Я напишу в Москву, лично товарищу Сталину! Я из дерьма на пустом месте выстроил лагерь с десятками производств, даже цех по ремонту автомашин, которого нет больше во всем Тайшетлаге! Сэкономил государству тысячи рублей, занял несчастных, безногих калек, которые делают гвозди из проволоки - и в награду на меня наслали саранчу из Монголии - этих поганых девок!

Каждый день то тут, то там происходили новые неприятности. В одном из бараков развалились нары, в другом повыбивали стекла. Неожиданно забросали камнями охранников на лагерной вышке.

Как бы то ни было, но нам, зэкам, становилось чуть легче, потому что начлаг уделял нам меньше внимания. В основном, он занимался разборками с монгольскими женщинами, и мы его видели редко. Но едва Ермилов появлялся у ворот лагеря, как моментально в бараках раздавалась тревога: "Ястреб" появился! "Ястреб" летит!" Такое прозвище приклеили ему заключенные.

В отсутствие начлага "нарядчик" Нестеренко и бригадиры выглядели не столь наглыми, и поэтому наш старый добрый доктор С., воспользовавшись временной ситуацией, старался на день-другой освободить от работы больных и слабых зэков. Другой зэк, шутник и трепач Федько, забавлявший лагерную публику своими байками и хохмами, поведал о неудачных отношениях капитана Ермилова с собственной женой.

Капитан Ермилов и в нашем лагере, и в родном доме бывал редким гостем. Причина была в том, что он целыми сутками штурмовал начальство Тайшетлага, чтобы его освободили от балласта - этих бездельничающих фурий, подрывающих его авторитет. Но его супруга на этот счет имела совершенно иную точку зрения и однажды, подкараулив мужа у ворот лагеря в то самое время, когда зэков выводят на работу, стала при всем народе орать:

- Целыми днями и ночами пропадаешь с этими бабами! Забыл родной дом, жену и детей! Немедленно отправляйся домой!

При этом Федько красочно расписывал, как наш строгий начальник, словно послушный теленок, плелся за своей благоверной домой, а жена, пылая праведным гневом, оглашала округу гвалтом:

- Да я, ...твою мать, сейчас морду твою поганую расцарапаю! Я тебе покажу, как к этим непотребным девкам лазить! Я сожгу бараки со всеми этими блядьми! Ишь ты, публичный дом устроил!

Услышав такое, зэки хохотали до упаду - хоть в этом судьба чем-то отомстила начальнику лагеря. "Так ему и надо!" - передавали они друг другу.

Это был тот редкий случай, когда зэки собственными глазами увидели позор начальника лагеря.

Через некоторое время судьба все-таки подфартила Ермилову: этих триста монгольских женщин у него отобрали и перевели куда подальше - к самой Лене. Но после этой победы удача стала ему изменять, и "царство", которым он правил, зашаталось.

(Продолжение следует)

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-441)

Когда умер Сталин

Сначала это передавали друг другу по секрету, как говорится, из уст в уста: тяжело болен Сталин. К новости, пришедшей с обратной стороны лагерной ограды, отнеслись с недоверием. Происходило это потому, что ээки часто "покупались" на подобные "штучки" и глотали наживку. В ход дезинформацию пускало само начальство, пробуя ее действие на заключенных. После чего "изучали" разговоры и комментарии, сделанные ээками по этому поводу, и вносили соответствующие коррективы в их "дела". Это были специально подготовленные провокации, чтобы по истечении срока известить сидельца о том, что во время отсидки он по-прежнему занимался антисоветской пропагандой, и затем добавить новую "десятку".

Но сейчас на сытых лицах начальства можно было узреть, что произошло что-то весьма нехорошее. Особенно после того, как начлаг Ермилов еще более ужесточил режим, проводя в бараках ночные облавы, а днем выискивал ээков, оставшихся в лагере и не вышедших на работу. Опытный глаз заключенного не мог не заметить смятение и панику, которые охватили администрацию лагеря. Да, наш начлаг своим мужицким чутьем сразу учуял, что его беспредельная власть начинает давать сбой..

Смерть Сталина от нас, ээков, не могли утаить. Фабричные и заводские сирены, гудки паровозов и пароходов во время его похорон звучали и разносили эту новость по всей стране. Ермилов приказал всех ээков вывести из бараков и стоять в молчании пять минут на морозном мартовском ветру.

Кандидатов на амнистию, которую объявили сразу после смерти Сталина, в нашем лагере было не так много. Точней, их можно было пересчитать на пальцах одной руки, поскольку она касалась лишь тех, у кого срок не превышал пяти лет. Закон об амнистии выглядел таким образом, что было не совсем ясно, на кого он распространяется: то ли на

уголовников, то ли на политических.

Журнал "Новое время", издающийся в Москве на многих языках, всегда старавшийся выглядеть "святее папы римского", не стыдившийся иной раз вспомнить, что государство Израиль является центром мирового шпионажа, так прокомментировал вышедший закон: амнистия распространяется лишь на уголовников, так как "к врагам народа (читай: к политзаключенным) жалости нет". Пару месяцев спустя несколько политзаключенных, осужденных на пять лет, все-таки были освобождены. На жительство в центральные города страны их, конечно, не пустили, но со временем они в индивидуальном порядке добились того, чтобы воссоединиться со своими семьями, проживающими в больших городах.

Итак, для нас, политэков, в сплошном лагерном мраке появился лучик света. Даже заядлые пессимисты, утверждавшие, что нам суждено сгинуть в этом проклятом лагере, начали сдаваться. Появилась надежда, что раньше или позже амнистия коснется и нас. Мы стали верить, что время работает на нас.

После смерти Сталина наш начлаг уже и не пытался "закручивать гайки". На следующий день после того, как Берию расстреляли, некоторые зэки увидели, как начальник лагеря вошел в кабинет КВЧ (культурно-воспитательной части) и втихаря вынес оттуда портрет маршала Берии, снятого накануне расстрела со всех постов. Выйдя из КВЧ, капитан Ермилов побрел в замешательстве неведомо куда, чем огородил проходивших мимо заключенных: "Гражданин начальник, куда вы Берию потащили?".

Целыми днями Ермилов ходил в глубоком молчании, подавленный, ожидая циркуляров сверху, что делать. Из самой Москвы с "манифестом" не торопились, но кое-какие слухи о приближающихся переменах до нас дошли. Об этом поведали портные из швейного производства, специализирующиеся на индивидуальных заказах для тайшетлаговского начальства, с которым имеют "блат". Так вот, якобы инвалиды вроде нас и зэки с серьезными заболеваниями, от которых государству польза, как от козла молока, будут отправлены домой. Мол, в высших сферах готовые законы лишь ждут своего утверждения.

Процедура амнистии, которая широко стала практиковаться в местах лишения свободы в отношении уголовников, долгое время не касалась политических. Недужные, престарелые (а у нас сидели и те, кому за восемьдесят), которые вообще не могли работать, держали в лагере, предоставляя им право умереть в неволе. Еще поговаривали о том, что выпустят лагерников, отбывших две трети срока. И откуда только сидельцы черпали эти сведения? Знать бы, что правда, а что нет...

Спустя несколько месяцев стало известно, что на специальном партийном пленуме принято постановление о заключенных. Это произошло после бунтов на Колыме, в Норильске, Воркуте. Караганде и других местах, во время которых погибли сотни людей. Эти события заставили "московскую верхушку" задуматься и немного распустить узлы.

Начальник лагеря, постоянно твердивший зэкам о том, что нужно работать и работать, и ни в коем случае нельзя поддаваться слабости, сам начал сдавать. Появляясь утром в лагере, он стал неожиданно отвечать на приветствия заключенных, чего раньше не случалось. А ведь до этого он даже не смотрел в их сторону.

Смягчился и режим. Уже не надо было каждому хаму из охраны чуть ли не кланяться, когда тот проходил мимо. Однажды, когда мы пришли с работы, у самых ворот с наших

фуфаяк и ватных фуфаяк и ватных штанов стали сдирать лагерные номера. Всего лишь вчера начальник режима дал пару суток карцера двум зэкам, у которых номера на одежде были недостаточно видны, а сегодня он, как сумасшедший, бегал возле лагерных ворот, срывая лоскуты с номерами с одежды заключенных.

Находились среди зэков и такие, которые не хотели расставаться с номерами. «Это ваш стыд и позор, - кричали они в истерике вертухаям. - Вы смешали людей с грязью. Так пусть номера остаются и служат свидетельством наших унижений!».

Даже спрятать у себя "на память" этот лоскут с номером " не разрешалось, ибо начальник режима угрожал карцером. Этим же вечером нас перестали, как обычно, запирают на ночь в бараках, из чего явствовало, что лагерь переведен на общий режим. Хотя большинство из нас знало, что на личных "делах" заключенных стояли особые тайные пометки, означавшие: на свободу не выпускать! Со временем появилась возможность за свои жалкие, нищенские гроши, которые мы зарабатывали кровью и потом, кое-что приобрести для себя в лагерной лавке. До этого было все иначе: заработанные деньги записывали на счет каждого зэка, и начальник полностью ими распоряжался, самолично решая, кому снимать со счета какую-либо сумму, а кому нет.

Зэки стали получать из дому письма, полные надежд на будущее. Смерть усатого тирана все-таки внесла надежду в нашу беспросветную, рабскую жизнь. Всерьез стали поговаривать и о том, что большую часть заключенных нашего лагеря переведут в другое место. Например, в лагерь номер 046 - поближе к Братску.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 27 марта – 02 апреля 2014. № 443.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-442)

С Мойше Бродерзоном на «этапе»

После смерти Сталина начлаг Ермилов утратил не только былую мощь и наглость, но как руководитель начал заметно сдавать и в остальных позициях. Прошло время, когда наш лагерь мог конкурировать с другими подобными «предприятиями» Тайшетлага. Каждый раз, когда к нам прибывала комиссия для отбора заключенных с целью их освобождения, Ермилов подсовывал самых слабых, больных и убогих - тех, кто не мог трудиться. По его выражению, «балласт». Но были и зэки с высокой квалификацией.

Разумеется, Ермилов чувствовал, что бразды правления ускользают из его рук. Кроме центральной швейной мастерской, он был вынужден сократить и остальное производство. Даже количество работающих в обувном цехе пришлось урезать вдвое, поскольку не только рабочих стало меньше, но и производство "чуней", резиновой обуви, изготавливаемой из негодных автошин, нечто вроде галош, было велено уменьшить. Эти самые "чуни" наконец-то были признаны негодными к носке. Высшее начальство посчитало, что лагерники должны носить валенки. Так что большую часть произведенных "чуней" приезжая комиссия забраковала, а потому - подлежащими сожжению на пустыре.

А еще ходили слухи, что на ближайшей станции стоят два десятка вагонов для перевозки зэков к новому месту. Вот уже несколько дней в нашем лагере находился приезжий "купец" - начальник одного из лагпунктов, который должен был нас принять к себе. Низкорослый, упитанный майор, с хитроватым прищуром глаз, который с сильным украинским акцентом все время пытался нас убедить, что в его лагере, как он сказал, «вы будете жить припеваючи. Только трудитесь, как следует, и я никого не обижу».

Пройдясь не совсем лестно по адресу нашего начлага, он добавил, что и при "старом режиме" (то есть при Берии), в отличие от капитана Ермилова, он хорошо относился к заключенным. Некоторые зэки, особенно евреи, стали через знакомых интересоваться, попали ли в список отобранных их соплеменники. Оказалось, что почти всех евреев Ермилов отдал майору, оставив себе лишь несколько портных, которые, по выражению самого начлага, "вытягивали план".

Огромная столовая превратилась в казарму, в которую загнали зэков со своими скромными пожитками. Мы знали, что путь до нового лагеря составлял 26 километров, но тогда зачем каждому из нас вручили продпакет из расчета на двое суток? Эти 26 километров можно преодолеть поездом меньше чем за час! Может быть, правы те, кто утверждал, что нас повезут к самой Лене-реке?

За все мои арестантские годы это путешествие стало самым мерзким. Отрезок железной дороги длиной в двадцать шесть километров мы преодолевали за... двое суток. Несмотря на то, что после смерти тирана подул "свежий ветер", сопровождавшие эшелон конвойные относились к нам с прежней жестокостью. Морозы стояли дикие, и той порции дров, что нам выдавали на отопление вагона, явно не хватало. Стенки вагона покрывались льдом. Вагон, рассчитанный на тридцать заключенных, был упакован на все пятьдесят. Каждый пытался взобраться на верхние нары, поскольку там все-таки было немного теплее.

Одно из зэковских правил гласило: чем меньше вещей ты взял с собой на "этап", тем свободней и комфортней будешь себя чувствовать в дороге. Можно сказать, что я был одним из таких «счастливицков», поскольку кроме белья, у меня с собой ничего не было. Прислать мне с воли что-либо из одежды было некому, а те тряпки, что я когда-то взял с собой, давно украли. Благодаря тому, что я был гол, как сокол, мне сравнительно легко удавалось заползать на верхние нары, где холод не так властвовал.

Таким был Мойше Бродерзон на воле

В более тяжком положении находился Мойше Бродерзон. Его жена Шейнэ регулярно посылала ему продукты и носильные вещи, поэтому бедняге с собой пришлось таскать целый баул. Расположившиеся наверху зэки не захотели пускать его к себе на нары, и Бродерзону пришлось несколько часов стоять на ледяном полу, не имея возможности присесть куда-либо. Это была страшная картина.

Длинная, согбенная фигура еврейского поэта выглядела окаменевшей, словно статуя. Я предложил ему мое место, но он почему-то отказался. С большим трудом мне удалось выбить для него место на верхних нарах, для чего мне пришлось разругаться с одним упертым зэком. Свои вещи в бауле Бродерзон оставил внизу. На него было страшно смотреть: длинные ноги свисали с нар, и он изо всех сил цеплялся за стойки нар, чтобы не упасть. Он ничего не мог есть, лишь беседовал со мной в полубоморочном состоянии.

- Скажи, Эмиот, - спрашивал он, - скажи, друг, что мы будем писать после того, как выберемся отсюда на волю? Все общепринятые литературные каноны в литературе о гуманизме вообще оказались фальшивыми. Какие образцы человеколюбия мы сможем показать в своих стихах? Все будет слащаво-приторным, надуманным, а то и просто ложью. Вот я, например, люблю Чайковского. Но когда я на воле услышу его "Танец маленьких лебедей", то вспомню эту музыку в исполнении нашего лагерного оркестра. Измученных зэков - еврейского парня, играющего на скрипке, и двух аккордеонистов-виртуозов...

Следовавший по "этапу" эшелон с заключенными пока больше стоял, чем двигался. Черт его знает, почему наш состав замер, а не ехал. Возможно, он пропускал пассажирские и товарные поезда. В конце концов мы все-таки добрались до нового лагеря. Случилось это в воскресенье, и начальство в выходной день не торопилось нас принимать. От селедки, которой мы питались в дороге, становилось тошно, очень хотелось пить, но воду нам не давали. Среди нас были и такие, кто страдал желудком, и они каждый раз убегали в сторонку и, не таясь, справляли тут же большую и малую нужду. Неимоверный смрад разносился по всему вагону. Ночью нас несколько раз пересчитывали, стуча по телу чем

попало. Тут же следовало отзываться, чтобы не сыпались удары. Бродерзону стало плохо, и я стучал в дверь санитару. но никто не отзывался.

Лишь к вечеру нас выпустили из вагонов. Замерзших, страдающих от жажды, нас загнали в пустые бараки. Оказалось, двумя днями раньше из них вывезли в дальние лагпункты отобранных здоровяков-зэков на тяжелые работы. Бараки стояли нетопленные, и пришлось только сейчас вновь назначенному из нас дневальному растапливать печку.

Мойше Бродерзон находился в полуобморочном состоянии. С трудом я ему помог взобраться на верхние нары и сразу позвал врача, который мгновенно поставил диагноз: воспаление легких, и направил его в стационар, где Мойше пролежал две недели.

Я же по привычке присматривался к лагерному быту. Лагерь по сравнению с прежним был меньше размером и выглядел в какой-то мере запущенным. Вероятно, Ефименко, в отличие от Ермилова, не уделял должного внимания внешнему виду лагеря. Главное для него было - выполнение плана. Работа наша заключалась в том, чтобы пилить сваленные деревья и строить небольшую дорогу.

С первого вечера начлаг Ефименко стал обходить бараки, "задушевно" беседуя с зэками, выпячивая свою доброжелательность. Демонстрируя "демократичность", он иной раз с ними в домино "забивал козла" и, проигравши, даже залезал под стол.

На службу он ходил охотней Ермилова. Его особенностью было заглядывать в бараки и разглагольствовать о необходимости хорошо трудиться, ибо «только через упорный труд лежит дорога к освобождению». Особенно тех, кто отбыл две трети срока.

При этом Ефименко разъяснял, что главное слово при освобождении зэка остается все-таки за ним, начальником лагеря.

Скажу, что эти беседы действовали. Многие зэки из числа больных и недужных, еле держащихся на ногах, а то и ползающих на своих четырех конечностях, стремились попасть на работу во что бы то ни стало...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 03-09 апреля 2014. № 444.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-443)

Еврей Вронский из советской разведслужбы

Через несколько дней после прибытия на новое место начал Ефименко, чтобы предрасположить основную массу заключенных к активному труду, а слабых чем-то задобрить, отправил несколько эзков в больницу для прохождения медкомиссии. В больнице их должны были признать нетрудоспособными и к дальнейшему пребыванию в местах заключения непригодными. С остальными эзками у начальства особых проблем не было; они неплохо работали, чтобы получить обещанную начальником привилегию - выйти на свободу.

После ранее упомянутых мною лагерных бунтов в разных районах страны и смерти Берии был официально принят ряд законов, в соответствии с которыми были разрешены свидания эзков с родственниками. Ефименко по этому случаю соорудил у ворот лагеря специальный барак, где заключенный мог пребывать со своей женой несколько дней.

Ефименко зачитал нам даже распоряжение о том, что определенное количество заключенных, отличившихся в труде, при обязательном ходатайстве начальника лагеря перед вышестоящим руководством, могут проживать вне зоны. "Все зависит от поведения заключенного, его успешной работы", - подчеркнул он.

Новый лагерь буквально кишел разными уголовниками. Начальники других лагерных пунктов, приезжавшие в "хозяйство" Ефименко для того, чтобы забрать к себе отобранных им ранее эзков, и смотреть не хотели на этих подонков - воров, бандитов, грабителей. Лишь немногие из них работали. Остальные же урки, имея "блат" с поварами, жили с лагерной кухни довольно припеваючи, питаясь уворованными оттуда продуктами, на что из страха перед ними повара закрывали глаза. Особенно эти подонки были падки на мясо, жиры и сахар, из которых нам и так доставались крохи.

На должности начальника культурно-воспитательной части (КВЧ) находился заключенный-еврей Вронский. До 1952 года этот самый Вронский был подполковником службы контразведки Генерального штаба советской армии, носил на груди с десяток орденов и медалей, чем весьма гордился. По служебным делам побывал в некоторых странах и вскоре должен был стать полковником. Когда в 52-м евреев стали увольнять из спецслужб, он разоткровенничался со своим знакомым о том, что, мол, изгнание евреев из спецслужб - явный антисемитизм. Знакомый, естественно, настучал, и Вронскому повесили антисоветскую агитацию, он загремел на десять лет в исправительно-трудовые лагеря.

Оттуда Вронский не переставал писать жалобы в Москву, в которых сетовал на несправедливость наказания и вообще на свою судьбу. Так как многие годы он был связан со многими службистами из аппарата контразведки и МГБ, то и для гулаговского начальства был вроде родным человеком, состоял в дружеских отношениях с "особистом" - оперуполномоченным госбезопасности Хохловым. На деле это означало: да, Вронский таки эзк, но в какой-то момент его могут реабилитировать и он станет начальником над Хохловым. Так что, на всякий случай, Хохлов решил «обезопасить» себя на всякий случай и быть с ним "запанибрата": приглашать к себе домой на дружеские "возлияния", разрешать находиться вне зоны.

Вскоре Вронский показал свое истинное лицо чекиста. Подружившись с лагерными уголовниками, стал приглашать их к себе в КВЧ, которой руководил. Он не только разрешал им там бездельничать, но и проводил с ними "воспитательную" работу, натавливая "урок" на "политических". В его силах было протолкнуть уголовников на

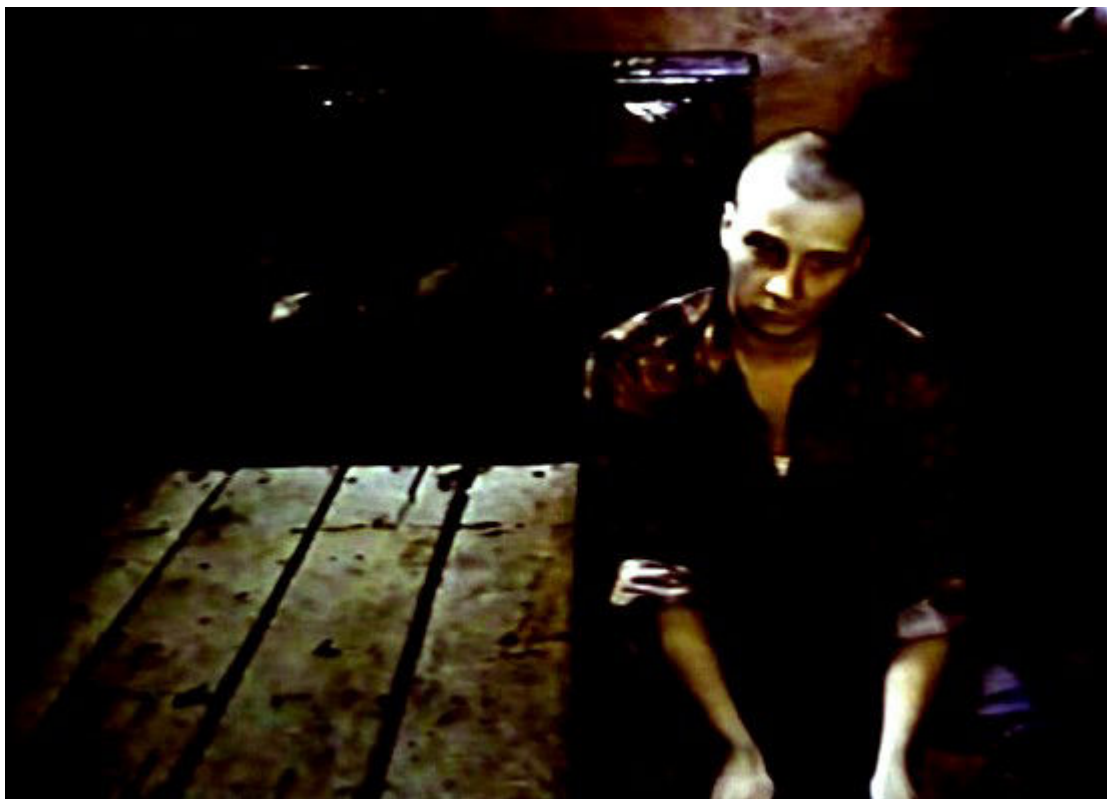
теплые должности: на склады, в лагерный магазин или столовую - в общем, туда, где не надо напрягаться физически.

Вронский почти сразу перенял их блатной язык, стал употреблять самые грязные и отвратительные выражения, чтобы прослыть среди них "своим". Будучи сыном еврейских родителей, он приукрашивал свое происхождение. Якобы мать его - русская дворянка. При этом еще он любил рассказывать грязные антисемитские анекдоты.

Евреи-лагерники быстро его раскусили и стали остерегаться. Украинцы, которым он тоже немало досаждал, также на него положили глаз, и в конце концов в отношении него вынесли сравнительно легкое решение: в течение одного часа он, Вронский, должен покинуть территорию лагеря. Получив записку с ультиматумом, этот мерзкий тип сразу понял, чем это для него пахнет и направился к охране лагеря. Что именно он сказал охранникам, точно не известно. Наверное, просил защиты. Исчез Вронский внезапно, и в нашем лагере больше не появлялся. Рассказывали, что родное начальство позаботилось о нем и перебросило в другой лагерь.

Этот подонок до сего дня крепко врезался мне в память: подлая душонка, доносчик, который уже после смерти Сталина и Берии все еще приходился органам ко двору.

При этом надо заметить, что не все уголовники в лагере поддавались "обаянию" Вронского, и его науськивание на нас, политических, не всегда срабатывало. Особенно это проявилось в характере бывшего бандита, 24-летнего Лёни Костова. Этот уголовник четыре года назад был приговорен к расстрелу за убийство пятерых человек при ограблении. Когда он находился в камере смертников, казнь ему заменили на 25 лет лагерей. Статья 59-я давала Лёне возможность пребывать в лагере не как политический заключенный, а уголовник. Следуя по этапу, он имел неосторожность нехорошо высказаться в отношении родного государства, и из уголовного элемента в одночасье превратился в политзэка и его направили в тайшетский Озерлаг.

Необычайно выносливый и крепкий, словно атлет, Костов постоянно на тяжелых работах перевыполнял нормы. Придя с работы в барак, Костов сразу садился за шахматы и, играя с сильными соперниками, редко терпел поражение. В отличие от других уголовников, от него никто и никогда не слышал дурного слова. Он всегда тянулся к зэкам из числа интеллигентов и проводил с ними долгие часы в интересных беседах.

Леня Костов соседствовал со мной на нарах, и это соседство, прежде, чем я узнал его характер, было для меня не совсем приятным. Я сознавал: возле меня, совсем рядом, лежит матерый бандит и убийца! Позже, когда мы подружились, я ему рассказывал всякие истории (реальные и выдуманные), которым он, слушая и внимая, искренне изумлялся. Когда в лагере открыли курсы в рамках школьной программы, Костов был одним из первых, кто на них записался. Этот юный, интеллигентный бандит поведал мне интереснейшую историю своей жизни.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 10-16 апреля 2014. № 445.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-444)

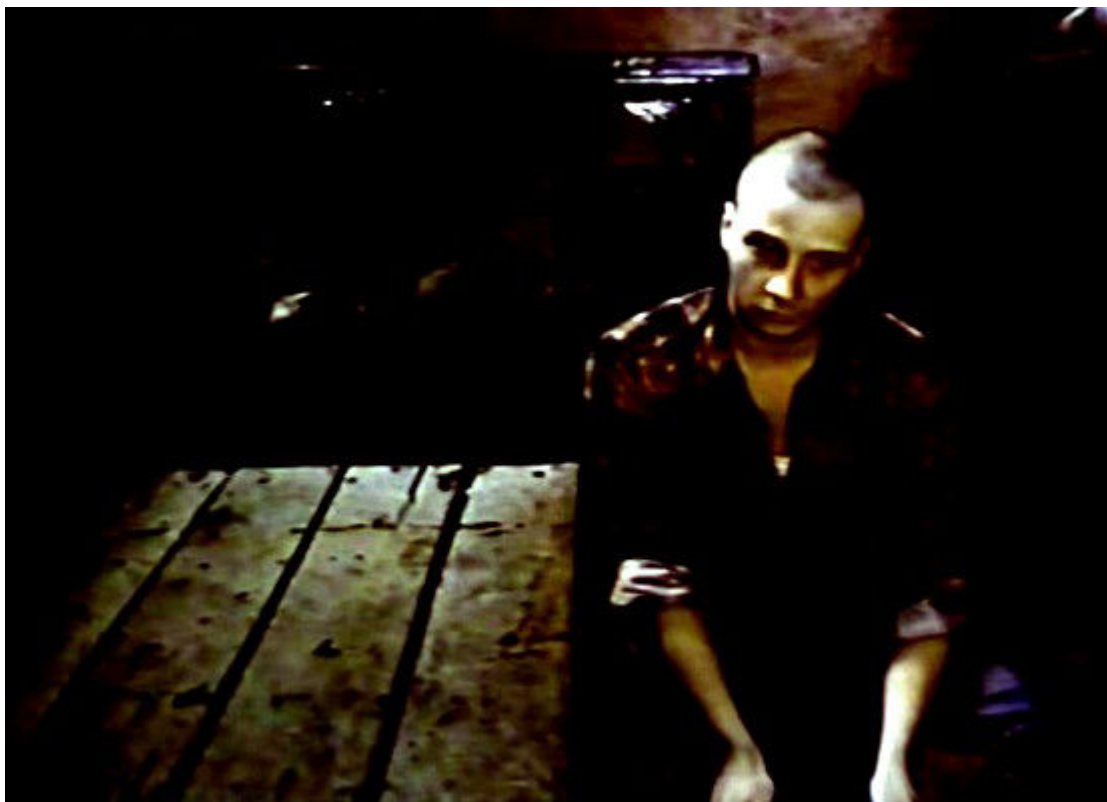
Бандит Леня Костов

Леня Костов мне рассказал, что сызмальства осиротел. Восемь детей, оставшихся после смерти отца, мать содержать не могла, и они, живя в страшной нужде, голодали. Пару месяцев Леня находился в детдоме, но вскоре из сиротского приюта сбежал из-за придирок и издевательств со стороны воспитателей. Скитаясь по разным городам, он сдружился с такими же, как он, малолетними беспризорниками. Начинал Леня с мелких карманных краж, а дальше пошли разбойные нападения.

Отсидев некоторое время в колонии для малолетних преступников, вышел на свободу и снова взялся за уже освоенное ремесло, вскоре став вожаком шайки. В ходе спланированного им нападения на банк Костов насмерть уложил пятерых человек, среди которых были и милиционеры.

Больше всего меня в нем удивляло, что? несмотря на уголовный образ жизни, он обладал спокойным характером и тонкими чертами лица интеллигента. От прошлой жизни осталась лишь расточительность, привычка жить на "широкую ногу". Леня зарабатывал

больше всех нас - почти 600 рублей в месяц, но эти деньги уплывали у него за несколько дней. Он никогда не садился за стол трапезничать в одиночку. Покупал в лагерном магазинчике всё, что там было вкусного, выставлял на стол и приглашал чуть ли не половину барака. В лагерной самодеятельности он участвовал в качестве плясуна-солиста, исполняя "на бис" украинские, молдавские, русские, польские танцы.

О том, что молодая разведенка - "вольняшка", начальница спецотдела, которая вела лагерное делопроизводство, была очень даже равнодушна к Лёне Костову, ни для кого не являлось секретом. Она частенько появлялась на его выступлениях, постоянно искала повод с ним встретиться и, главное, пыталась добиться через руководство, с которым была в хороших отношениях, сокращения его лагерного срока. В клуб на концерты с участием Костова приходили все жены больших и маленьких лагерных начальников. Многих, в том числе и меня, поражал факт, что для выполнения ремонтных работ в своих жилищах они всегда через мужей приглашали Лёню. Он, конечно, был мастер на все руки, но причина, сами понимаете, была несколько иная: в отсутствие мужей, отдающих всё свое время службе, некоторые женушки наставляли своим благоверным рога...

Однажды после визита в начальственные "апартаменты" Костов возвратился в лагерь вдрызг пьяный, внезапно в нем закипела неведомо откуда взявшаяся звериная злость и, завернув на кухню, он выскочил оттуда с разделочным ножом, всунутым в голенище, и дико заревел:

- Сегодня обязательно зарежу Вронского! Где эта сволочь? Где этот стукач? Он всех закладывает начальству!

Разумеется, подонок Вронский был мне противен, но просто больно было за Лёню. Будучи трезвым, он выглядел нормальным человеком. Конечно, он мог на трезвую голову ударить какого-нибудь зэка, но лишь в том случае, если этот зэк-антисемит каким-либо образом пытался уязвить, оскорбить евреев. Улучив момент, я незаметно вытащил нож из его голенища и отнес на кухню, а затем принялся "заговаривать ему зубы" - рассказывать всякие истории, которые ему так нравились.

Так как Леня умудрялся выполнять две, а то и три рабочие нормы, у него появился шанс отбыть лишь семилетний срок. Мы, политзэки, переживали за него, чтобы он, набравшись спиртного, не выкинул какой-нибудь номер и не застрял бы в лагере навсегда. Мы, политические, относились к нему со снисхождением, как к человеку, случайно вставшему на скользкий путь. Костов это понимал и в душе благодарил политзэков за теплое к нему отношение.

Иногда, схватив за грудки распоясавшегося бригадира-уголовника, когда тот издевался над политическими, Костов обещал стереть его в порошок. Впрочем, Лёне достаточно было бросить лишь взгляд в сторону этого негодяя...

Тот же стукач Вронский его боялся, как огня. Прикладывая немало усилий, чтобы избавиться от Лени, он лебезил перед ним и всячески заискивал. Занимая должность начальника КВЧ (культурно-воспитательной части), Вронский даже выхлопотал у начальника разрешение на приезд матери Костова в лагерь. К этому знаменательному событию моменту Леня усердно подготовился.

Происходило всё это в начале 1955 года. В лагерном магазинчике можно было приобрести кое-какую снедь, что и делали хорошо зарабатывающие зэки. К свиданию с матерью в лагере Лене выделили небольшую каморку, которая обычно для этих целей пустовала в одном из бараков - в ней хранилась всякая хозяйственная утварь. Это помещение Леня привел в порядок: побелил стены, поставил столик со скатертью. На столик выставил вазу с бумажными цветами и сервировал стол всякой вкуснятиной. Старая мать привезла из своего колхоза подарок для сына - два больших белых калача. Увидев стол, заваленный снедью, приготовленный для нее сыном, она от радости разрыдалась.

На встрече сына с матерью наш хитрый начлаг Ефименко решил нажить капитал. На собрание, на которое он созвал массу зэков, он пригласил мать Лени. Перед всем народом Ефименко стал говорить о положительном воздействии лагеря на перевоспитание заключенных. И, в частности, привел в пример Леонида Костова, ставшего из преступника передовиком производства.

Кстати, весь этот спектакль не помешал начлагу после отъезда матери отправить ее сына по этапу куда подальше - в другой лагерь, и приложил свою руку к этому делу всё тот же Вронский. Зная о том, что жены начальства равнодушны к Костову, он втянул его в скандальную историю, которая избавила его, наконец, от ненавистного зэка. Вронский отправил Леню в жилище начлага Ефименко, чтобы произвести там какой-то ремонт. Как обычно, хозяин дома в это время находился на службе. На улице, возле дома стоял конвойный, приглядывающий снаружи за дверью и окнами, дабы тот не убежал. Что там творилось внутри квартиры, охранник, разумеется, не мог знать, но, заглядывая иногда в окошко, нутром учуял что-то пикантное.

И надо же было такому случиться, что в это время начлагу Ефименко вздумалось придти домой, дабы убедиться, как идет ремонт. Но вместо активного ремонта он увидел на супружеском ложе родную жену. О том, что произошло между зэком и его женой, Ефименко, конечно, помалкивал, но конвойный, будучи свидетелем скандала, разнес случившееся мгновенно по лагерю.

Леню Костова через пару дней отправили по этапу в дальний лагерный пункт на берегу Лены-реки. О своем поступке Костов несколько не сожалел и на прощанье сказал:
- Я должен был отомстить начлагу за его болтовню на собрании в присутствии моей мамы

о положительном воздействии лагеря на мое воспитание! Я - "честный" вор и на его провокации не поддаюсь. Пусть лучше свою жену теперь воспитывает!

(Продолжение следует)

Мы здесь. 17-23 апреля 2014. № 446.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-445)

Октябрьский праздник в лагере

За день до 7 ноября, самого значительного праздника в Советском Союзе, в лагере наступает всеобщее сумасшествие. Сначала начинается так называемый великий "шмон" - генеральная ревизия всего содержимого в бараках. Не дай бог, если у кого-то из эков обнаружат нож, кусок арматуры или другой запрещенный предмет - не сдобровать!

В восемь утра при диком морозе нас выгоняют из бараков на территорию лагеря. Больные, старики и даже те, кто еле передвигается, - все без исключения должны находиться на перекличке. Охрана выстраивает заключенных по пять человек в ряд, и вертухаи во главе с начальником охраны обыскивают каждого эка.

У начальника охраны имеется своя система обыска: лагерник должен остаться в исподнем, несмотря на сумасшедший мороз и завирюху. Зэк, замерев, должен стоять на месте до посинения. разведя руки в стороны, выпятив грудь и позволяя вертухам облапать себя всего с головы до ног. Положение далеко не из приятных, особенно, когда этот обыск длится нескончаемыми часами, а долгожданный обед откладывается до позднего вечера...

Перед этим лагерников загоняют в рабочую зону, из бараков заставляют выносить наружу все, вплоть до последнего полена дров. Во время этого всеобщего шмона конфискуется уборочный инвентарь: метлы, лопаты, совки и металлические скребки для снега. Начлаг со свитой обходит "строй" и собирает трофеи: иголки, ножики, лезвия, обрывки бумаг с записями. Если записи сделаны на непонятном языке, например, на еврейском, армянском или грузинском, то они моментально изымаются и тут же предаются огню.

Стоящих на морозе эков несколько раз пересчитывают. Счет не совпадает, поскольку познания в арифметике у охранников весьма ограничены. Картина при этом жуткая: некоторые калеки упираются в мерзлую землю оставшимися конечностями. Наконец, счет

совпадает, и нас отпускают в бараки. Поздно вечером в столовой мы наскоро глотаем промерзшее кислое варево.

За малейшее непослушание или, что еще хуже, сопротивление можно угодить на два дня - 7 и 8 ноября - в БУР (барак усиленного режима). Разница между БУРом и карцером в том, что в БУР разрешается брать с собой постельные принадлежности, да и пайку не уменьшают. Обычно БУР предназначен для изоляции подозреваемых в подготовке бунта или схожих деяний. В праздничные дни туда помещают молодых, воинствующих зэков, выказавших официальному лицу - дневальному - непослушание в виде нарушения распорядка дня или какие-либо признаки оскорбления. Впрочем, под общую "гребенку" в БУРе могут очутиться и те, кому уже семь десятков лет, а то и больше.

В прошлом году в БУРе просидел двое суток 70-летний социалист из Латвии Клавс Лоренц. В этих же местах, на Лене, он отбывал каторгу при царе. Сейчас Лоренц тянет 10-летний срок, который ему вlepила советская власть в 48-м, уже после войны. Среди заключенных он выделялся своей порядочностью и интеллигентностью и, видимо, этим не нравился дневальному по бараку Неверову - подонку, доносившему начальству о поведении лагерников. Как-то Лоренц, получив из дому посылку, отказался поделиться ее содержимым с Неверовым. Чтобы отомстить старику, дневальный доложил начальству, что латыш-социалист якобы собрался выступить против лагерных порядков, следовательно, бунтовать. Лоренца на два праздничных дня уpekли в БУР, где он находился с двумя жлобами, которые издевались там над ним всячески, как могли.

В первый праздничный вечер для остальной массы зэков ожидается любительский спектакль, в котором лагерный художник Гофман будет играть роль матери в пьесе А. Островского "Без вины виноватые". Но прежде, чем начнется представление, из барачков на плац выгонят всех сидельцев, чтобы слушали нудную речь начлага. Тот расскажет о величии праздника 7 ноября и подчеркнет, что нахождение преступников в местах лишения свободы нисколько не умаляет его значение, а скорее наоборот. Начальник долго будет твердить об Октябрьской революции, освободившей человечество от рабства. Затем зачитает список передовиков производства, манипулируя иллюзией их скорейшего освобождения.

Но все же наш начальник был не таким дураком, как его коллега из соседнего ИТЛ, который накануне октябрьского праздника повесил на вверенной ему территории огромный транспарант: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!".

И это совсем не шутка. Среди начальников подобных учреждений попадались и психически неустойчивые типы. Говорят, что все-таки какой-то чиновник из приезжего высшего начальства узрел в этой строчке из популярной песни кощунство, и лозунг убрали. Но два дня праздника этот транспарант провисел, и все заключенные на него взирали.

Не раз мне приходила в голову мысль о схожести деспотичных режимов разных стран и народов. Нацисты, терзая миллионы наших братьев и сестер, на стенах и воротах лагерей смерти вывешивали похожие лозунги вроде: "Arbeit macht frei" - "Труд делает свободным"!

После того, как праздничные дни быстро растаяли, заключенных снова погнали на рабский труд. Не каждый из них выдерживал: некоторые заболели, а то и сразу падали замертво. Я был в числе больных, парящих между жизнью и смертью.

После того, как несколько месяцев я пролежал с тяжелым воспалением суставов, наш лагерный врач С. потребовал у "нарядчика", чтобы меня перевели работать на территорию зоны. Доктор мотивировал свое требование тем, что с моими конечностями ходить в тайгу и валить лес совершенно невозможно. Во-первых, "шагать" на работу и обратно - по три километра; во-вторых, надо суметь изловчиться и вовремя отпрыгнуть от падающего дерева. В моем положении опасность мне угрожала каждую минуту.

Через некоторое время меня перевели в бригаду хозобслуги. Но накануне мне пришлось присутствовать при диком случае, когда охранник Рыжков, сопровождавший нас на работу, сущий бандит и сексуальный маньяк. которого позже осудили за изнасилование несовершеннолетней падчерицы, застрелил невинного зэка якобы за попытку к побегу.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 01-07 мая 2014. № 447.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-446)

За «попытку к бегству».

Обитателям нашего лагеря было известно о существовании некоего секретного предписания, гарантирующего должностному лицу за поимку заключенного премию в 500 рублей и месячный отпуск. О том, что карательные органы (НКВД-МГБ-МВД) имели и имеют своих людей везде и всюду, не знал, наверное, лишь слепой и глухой. Поэтому, если кому-то удавалось совершить побег, всё равно он далеко не убежит: либо дикий зверь в тайге загрызет, либо сам беглец умрет от голода. Обращаться к деревенским жителям за съестным весьма опасно - сдадут, ведь за поимку беглеца причитается приличная награда: месячный запас муки и сахара.

Никто из зэков о побеге в одиночку и не помышлял, разве что такие мысли стали появляться у них лишь после смерти Сталина (и то не в одиночку бежать, а вдвоем-втроем). При сопровождении зэков на работу за охранником Рыжковым тянулась собачья свора - шесть здоровенных псов. Скажите, зачем для охраны недужных и вообще несчастных калек шесть злых овчарок? Разве шести охранников с автоматами недостаточно? Рыжков буквально ловил кайф, когда овчарка набрасывалась на какого-нибудь зэка и в клочья рвала его одежду. О, этому делу его псы неплохо обучены! Своими клыками они хватали зэков за верхнюю одежду, не трогая человеческого мяса.

Ни у кого, как у Рыжкова, не было такого набора грязных ругательств. При этом вертухае с собаками зэки не шли на работу - почти летали, держась друг за друга локтями. Рыжков никогда не водил нас мимо луж и грязи, он обязательно пускал зэков по той дороге, где грязи выше колен. Греться у костра он разрешал лишь изредка. К тому же вмешивался в рабочий процесс, подсказывая бригадиру, когда тот или иной зэк делал минутную передышку, чтобы набраться сил. И вот мне, как и остальным собратям по несчастью, пришлось стать свидетелем страшного зверства, которое сотворил охранник Рыжков.

Наша бригада работала на лесоповале, и редко выдавался день без происшествий. Деревья валили даже при сильном ветре, и было неизвестно, в какую сторону упадет дерево. Каждый день происходил несчастный случай: кого-то зацепило сучьями, и несчастный свалился на землю; кому-то придавило руку или ногу; кому-то просто становилось плохо. Рабочий участок был огорожен "запреткой" - вбитыми в землю кольями с табличками на каждом: "Запретная зона". Разумеется, зэки могли передвигаться лишь на этом обозначенном участке. Шаг за пределы обозначенного участка означал попытку к бегству, и конвойный имел право стрелять в "нарушителя границы".

Некоторые охранники разрешали нам немного расширять рабочую площадку перед тем, как дерево упадет. Рыжков же всегда стремился к тому, чтобы сделать рабочую площадку еще уже. Вернуться с работы живым и невредимым, не покалеченным, было просто чудом.

На этот раз Рыжков проделал подлую штуку с 60-летним порядочным и неразговорчивым зэком, которого уважала вся наша бригада. Его посадили за религиозные убеждения (состоял в секте баптистов) и получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей. За два года пребывания с ним в одном лагпункте я от него не слышал худого слова. Казалось, что не государство, а он сам себя наказал: работал, как лошадь, и, будучи не совсем здоровым человеком, никогда не стремился взять у врача освобождение хотя бы на один день. В работе всегда помогал другим, делился куском хлеба. За человечность и дружелюбие его и уважали в бригаде.

Внезапно раздалась автоматная очередь. Оглядевшись, я увидел, что зэк-баптист (его фамилия была Ефимов), окровавленный, лежит на земле. При этом не только мне, но и остальным зэкам было видно, что Ефимов лежит на территории рабочего участка. Прежде, чем мы пришли в себя, раздался голос конвойного: "Всем лечь на землю лицом вниз!"

Когда мы по команде поднялись с земли, то заметили, что колья с табличками, очерчивающие периметр рабочей зоны, были передвинуты. Получалось, что тело Ефимова лежало за пределами рабочей зоны. Зэки подняли крик, требуя прокурора. Рыжков отправил одного из конвойных за начлагом и врачом. Тем временем убийца Рыжков посадил нас всех на землю и стал грозить, что всю бригаду запрет в карцер из-за учиненного нами бунта. "Слышите, - кричал он изо всех сил, - я убил Ефимова при попытке к бегству!"

Когда появился начлаг, зэки хором стали объяснять, что охранник Рыжков собственными руками передвинул колья с запретными табличками уже после выстрела в заключенного, чтобы, скорей всего, замести следы и получить вознаграждение.

Начальник лагеря был вынужден вызвать из района прокурора. На место происшествия прибыла целая комиссия, уделившая нашим заявлениям мало внимания. Получалось, что из этой истории вертухай вышел героем: самоотверженно исполнил свой долг, предотвратив побег заключенного. Потому и был награжден премией в размере 500 рублей и месячным отпуском. К тому же его еще повысили в воинском звании до старшего сержанта.

Нашелся среди нас один упрямый зэк, которому удалось окольными путями отправить письма о случившемся в управление Тайшетлага и даже в Москву. Результат был нулевой. Однажды начлаг ввалился к нам в барак, кипя "праведным" гневом:
- Кто из вас, сволочи, осмелился писать жалобы начальству? Я найду этого жалобщика и отправлю туда, откуда ему уже никогда не выбраться!

Оказывается, Москва прислала письма обратно с надписью: "Расследовать!" И началась вакханалия: целыми днями нашу бригаду таскали в лагерную КВЧ (культурно-воспитательную часть); каждому зэку было велено писать объяснительные, сравнивая затем почерки написанного и жалоб. Сами понимаете, что тот, кто написал жалобы, старался писать иначе, видоизменив почерк, - не так, как обычно, и анонимщика найти не смогли. В отместку начлаг разбросал нашу бригаду по другим рабочим подразделениям.

Убийство невинного человека под предлогом побега было нередким явлением в те времена. Подобный произвол имел место не только в нашем лагере, но и в других пунктах Тайшетлага. Преступники в погонах МГБ, подобно Рыжкову, убивая заключенных "при попытке к бегству", гнались за премиями и другими наградами. Поэтому неудивительно, что в советских лагерях жертвами подобных случаев пали сотни безвинных заключенных.

Этого подонка мы проучили чуть позже, когда Сталин с Берией уже ушли в мир иной; режим пребывания в лагерях тогда смягчился, и с зэками, хоть и немного, но стали считаться. В тех условиях мы все-таки протестовали, и начальству некуда было деваться, как передать конвоира Рыжкова в руки правосудия. Убийца в погонах все-таки получил свою "десятку"... До конца жизни буду испытывать сердечную благодарность доктору С. Как, впрочем, и другие сотни лагерников, которым он буквально спас жизнь в том аду. Если бы не он, заступавшийся за каждого зэка перед кровожадными бригадами и "нарядчиками", врачами в погонах, если бы не доктор С., то гораздо больше могильных холмов было бы на заснеженных лагерных кладбищах между Тайшетом и Леной.

Я бы назвал его полное имя, но боюсь, чтобы этот доктор с золотым сердцем, оставшийся в стране каторжных лагерей, не поплатился за свою доброту. Поэтому оставляю лишь его инициал.

Наш бывший начлаг Ермилов, как-то гневаясь на доктора С. за то, что тот освобождает от работы слишком много больных зэков, отправил врача на лесоповал. Но мы, зэки, если честно, не давали нашему ангелу-спасителю и пальцем пошевелить. Каждый из нас снимал со своей рабочей выработки какие-то проценты и вносил в ежедневную таблицу выполнения норм в пользу доктора С. Хитрый Ермилов спохватился: откуда, мол, у доктора взялись аж 300 процентов выполнения рабочей нормы?

Естественно, для пожилого человека такая выработка невероятна, но бригадир по нашему настоянию был вынужден пойти нам навстречу. После этого начлаг восстановил доктора С. в прежней должности и больше его не трогал. После моей тяжелой болезни наш добрый доктор добился-таки у начальства, чтобы меня оставили работать внутри зоны - в лагерьной теплице.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 08-14 мая 2014. № 448.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-447)

Русское сердце, еврейский стон

В теплице, где я трудился, выращивали различные цветы, высаживали ростки огурцов, помидоров, капусты и прочих овощей, готовили семенной фонд. Зимой в мои обязанности входили топка печей, поддержание в помещении теплицы температуры до 18-ти градусов; ежедневно я должен был из колодца принести в теплицу двадцать ведер воды и поливать молодые, только что взошедшие, ростки. А еще требовалось распилить и наколоть дров, вырезать несколько сотен "торфяных плиток" и затем высушить их. За лето я должен был заготовить двадцать тысяч таких плиток. Я мастерил так называемые "торфяные плитки", смешивая в огромном чане жирные коровьи "лепешки", опилки и золу. С помощью консервной банки с приделанной к ней деревянной ручкой я вытаскивал эту плотную смесь из чана и затем высушивал получившиеся круглые плитки, которыми зимой растапливал печки.

Из всех видов работ, которые мне приходилось выполнять в лагере, труд в теплице была наиболее легким. Хотя зимой приходилось чистить окна от снега, а рамы с высаженными в них растениями покрывать на ночь матрасами и разными тряпками, бодрствуя допоздна, пока не сменит сторож. Летом приходилось наполнять водой огромные бочки, для чего требовалось натаскать сто двадцать ведер для полива парника. Несмотря на все это, жаловаться было грешно, поскольку могло быть и хуже.

Кроме всего прочего мне приходилось воевать с охранниками и ... любителями витаминов, повадившимися по вечерам в теплицу - "попробовать" свежие помидоры и огурчики. Ежедневно в подсобное хозяйство наведывался начлаг, осматривавший каждый покрасневший помидор.

Частым гостем в теплице был бык - любимец начлага. Эту скотину использовали в лагере в качестве гужевого транспорта и содержали в конюшне по соседству с теплицей. Бык свободно гулял по территории лагеря и часто бросал жадный взор в сторону теплицы. Ему очень нравились бурые помидоры и зеленые огурцы, которые он разглядел сквозь окна теплицы. Я с ужасом думал, что эта тварь, уставившись огромными бычьими глазами на овощные деликатесы, в любую минуту может ввалиться всей своей тушей в теплицу... Кровь застыла в моих жилах, когда я начинал представлять себе такую картину. Не хватало только, чтобы эта скотина очутилась в теплице и наделала здесь делов. Впрочем, какой спрос с этой скотины? А вот в отношении себя я уже предвижу еще один приговор, вынесенный за совершение акта диверсии.

Сколько раз, ни жив, ни мертв, я подбегал к быку, хватал его за рога и с криками и проклятиями выпроваживал из теплицы. Это было довольно нелегким делом. Когда я жаловался самому начлагу на проделки животного, свободно разгуливающего по территории лагеря, он мне зло отвечал:

«Благодари быка за его дерьмо, без которого ты бы не смог делать "торфяные плитки". И вообще, если тебе здесь не нравится, подыщем другое место».

Из теплицы уходить мне совершенно не хотелось. Во-первых, зимой здесь тепло и тихо, и в составе бригады не надо мерзнуть на лесоповале, подвергая опасности свою жизнь. К тому же, парочку помидор для себя и друзей я всегда имел возможность прихватить, что очень важно, так как в лагерях бушевала цинга, и овощные витамины были весьма кстати.

Воровство для меня всегда было чем-то запретным, никогда и ничего я в своей жизни не брал чужого. Но случай, когда я тащил овощи из теплицы, был особый. Называйте это воровством или как-то иначе, но я это делал для евреев нашего лагеря и моих добрых друзей. Умыкая иногда овощи для товарищей по несчастью, я делал это осторожно, чтобы ни в коем случае не подвести заведующего теплицей. "Контрабанду" эту я проносил из хозяйственной зоны в жилую под шапкой-ушанкой, в рукавах фуфайки, в штанах. Чтобы охранник ничего не заподозрил, я уверенно проходил через КПП (контрольно-проходной пункт), и сердце мое много раз сжималось под его недружелюбным взглядом. Со временем я и контролеров КПП стал периодически обеспечивать свежей зеленью и румяными помидорчиками, и те вскоре перестали обращать на меня внимание.

А уж до чего велика была радость, когда я приносил эти зеленые яства в барак! Десятки измученных глаз встречали меня с благодарностью в предчувствии того, что попробуют невиданные в неволе овощи.

Заведовал теплицей известный на всю страну агроном. Когда-то он окончил знаменитую

Тимирязевскую академию и был автором учебников по агрономии. В 37-м его арестовали, и с той поры он из колымских и тайшетских лагерей не вылезал. Родился он в семье караима и еврейки. Может быть, поэтому, находясь в теплице, он почему-то постоянно напевал одесские шлягеры двадцатых годов, наполненные еврейским содержанием. Когда-то этот агроном руководил огромным совхозом, а сейчас иногда рассказывал лагерникам, как, трудясь на аграрной ниве, ему приходилось общаться с высокомерными советскими "шишками" из министерства.

Несмотря на то, что уже 16 лет сам скитался по лагерям, с зэками он вел себя надменно, обязанности завтеплицей переложил на своего помощника Кучеренко, которому было уже за шестьдесят. Кучеренко когда-то руководил сектой баптистов на Украине. Хотя у него не было агрономического образования, работал он в лагерной теплице весьма успешней, чем его начальник. И вообще следует сказать, что у Кучеренко были "золотые руки". Все, к чему он прикасался, в его руках горело и блестело, превращаясь в произведение искусства (взять те же огурцы и помидоры, не говоря о цветах). Кучеренко испытывал неприязнь к своему начальнику и считал его почему-то шлимазлом, несмотря на высшее сельхозобразование.

Эта нелюбовь была взаимной: заведующий теплицей завидовал возможности своего помощника раньше выйти на свободу, но главной причиной было то, что тот в открытую якшался со своими баптистами в бараках и даже приводил их в святая-святых - теплицу, где они часами толковали о своей вере. За этот проступок начлаг не раз хотел выгнать его из теплицы. Но так как Кучеренко украинец, (а украинцев в бригаде было большинство), то он не хотел с ними конфликтовать, подвергая риску выполнение производственного плана - задачи номер один.

Заведующий теплицей знал, что с такой громкой статьей как "троцкизм", шансов выйти на волю у него нет. Десять лет назад его "активировали", то есть хотели списать, настолько он был болен - скорее мертв, чем жив. И даже кто-то из медиков посоветовал начальству отправить его домой, поскольку пользы от него никакой, да и в лагере он всем обуза. Но, заглянув в его "дело", начальство обомлело, обнаружив, за какие прегрешения он сидит, К тому времени агроном уже отсидел 16 лет из полученных 20-ти и не надеялся, что когда-нибудь выйдет. Тот же Кучеренко, которого осудили на 25 лет, имел больше шансов очутиться на свободе, нежели он.

При всей грубости и стервозности характера мой начальник часто вызывал к себе жалость. Это происходило в моменты, когда он разглядывал фотографии жены и детей. Жена, красивая украинская казачка, была заснята с двумя детишками, которых он оставил еще маленькими. Мальчик и девочка, как и миллионы других детей, росли без отца. На другом фотоснимке была изображена его дочь, чья юная красота пышно расцветала, с печальными глазами (она была студенткой первого курса мединститута), а рядом с ней - его сын, державший в руках мандолину. Его озабоченное лицо свидетельствовало о том, что к радостной игре на инструменте он совсем не расположен...

Их отец осторожно прячет фотографии в карман, поглаживая их ладонью, и хотя этот зэк, выдававший себя за русского, скрывал свое еврейское происхождение, из его груди исходил печальный стон - такой стон, какой бывает лишь у евреев в смутные, горькие времена...

(Продолжение следует)

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-448)

Латыш еврейского происхождения

Жизненные невзгоды, болезни и лагерный труд подкосили здоровяка - латыша Балодиса. Прежде он больше смахивал на немецкого графа, чем на латыша. Даже здесь, в неволе, где он, сидя за швейной машинкой, занимался ремонтом одежды для эков, начальство проглядело его усы, запрещенные в лагере. Свои стильные усы он холил и лелеял, закручивая их кверху, что придавало ему аристократический вид. Будучи еще физически крепким человеком, Балодис ежедневно выполнял две нормы, хотя работа была не из легких. Из старого, прогнившего материала для фуфаяк, курток и ватных штанов в швейной мастерской, похожей скорее на фабрику, шили фуфайки, куртки и ватные штаны для всего Тайшетлага. Производство было хорошо налажено, и начлаг каждый месяц получал премии за перевыполнение плана.

Материал для пошива сначала стирали в прачечной, потом готовую одежду латали. Стиральных машин, разумеется, не было, все делалось вручную. Да и зачем нужна техника, когда в избытке столько дармовых рабочих рук? Такой парой рук был и Балодис - вроде живой машины. Правда, он хромал на левую ногу, но все знали, что у него хромота не от слабости или ревматизма. Этот "подарок" латыш получил от следователя-мучителя, сделавшего его калекой на одном из допросов с пристрастием.

Балодис, будучи во время немецкой оккупации студентом четвертого курса медицинского института в Риге, работал в военном госпитале. Когда после войны за него серьезно взялись "органы", он этот факт и не отрицал, но энкаведэшники хотели от него услышать о латышской националистической организации, в которой он, якобы, состоял. Его долго били палкой по голым пяткам до тех пор, пока этот атлет на всю оставшуюся жизнь не стал инвалидом. Но и хромым, с палочкой. Балодис физически выглядел все-таки еще достаточно крепким мужчиной с внешностью аристократа.

Напомню, что работал он как лошадь, выполняя двойную норму. Вечерами корпел над книгами по медицине, которые привез с собою в лагерь. Сходилась этот латыш лишь с евреями, хотя видел, как относятся к ним эки-антисемиты. "Все-таки странно, - размышлял я, - отчего его так тянет к евреям?"

Загадка прояснилась позже, когда этого крепкого эка скосил внезапный недуг -

кровоизлияние в мозг, в результате чего он был наполовину парализован. Балодис тяжело боролся с болезнью. В больнице он пролежал несколько месяцев, оттуда он вышел полным инвалидом, волоча за собой безжизненную ногу, с онемевшей рукой. Работать он больше не мог.

Однажды он раскрыл мне секрет своей симпатии к евреям. Я тогда болел, лежал в лагерном стационаре, и наши кровати стояли рядом. Сколько раз я просил Всевышнего, чтобы Он ниспослал на меня болезнь, так как трудиться мне уже совсем было невозможно. Однажды мои мольбы дошли до Него, и я свалился с воспалением легких. Мое тело от жара горело, сердце ослабло от чрезмерного употребления салициловой кислоты (других нужных лекарств в лагере не было), к тому же я начал страдать от цинги. Из разговоров с врачами я понял, что жизнь моя в опасности. Не сплю ночами и не могу придти в себя от боли. Вот и сейчас я уже дважды просил доктора дать мне болеутоляющее. Кажется, что все ночи слились в одну бесконечную ночь.

В одну из таких нескончаемых ночей Балодис раскрыл мне свою тайну. Сначала я плохо разобрал его речь, но когда его слова стали до меня доходить, то я от изумления забыл о своей сумасшедшей боли.

...Когда ему было всего несколько месяцев, его настоящие еврейские родители во время Первой мировой войны вместе с тысячами других жителей города бежали из Риги. В панике и суматохе родители потеряли своего мальчика. Его нашла и усыновила бездетная супружеская пара латышей, которая дала имя и воспитала малыша в далеком, разумеется, от еврейства духе. В детстве и юности он с приемными родителями посещал кирху и лет до двадцати даже не подозревал, что родители у него совсем не родные. Тем более, что особо скрывать этот факт не составило труда: когда они нашли младенца, над ним (так уж случилось) не был на восьмой день совершен обряд обрезания.

О своем происхождении он узнал случайно. Соседи, с которыми его нынешние родители были в добрых отношениях, неожиданно сильно разругались между собой. Тайна его рождения им была известна, и во время ссоры соседи-латыши ее выболтали ему. С того момента он потерял покой и сон. Как и другие латыши, он находился в гитлеровской оккупации и даже работал в немецком госпитале. Он с горечью и болью наблюдал, как жестоко действовали нацисты в отношении евреев, и кровь стыла в его жилах. Насколько было возможно, он тайно помогал рижским евреям во время оккупации. Одно время прятал от немцев в съемной квартире студентку-еврейку с медицинского факультета, приносил ей еду, всячески заботился о ней.

Никто тогда в Риге, ни сейчас в лагере не знал о его еврейском происхождении. "Понимаешь, - говорил он мне, - я чувствую себя евреем и меня тянет к евреям..."

Позже, когда мое состояние улучшилось, я стал обучать Балодиса ивриту. Что удивительно, еврейский алфавит он выучил за несколько дней.

- Я нахожусь в интересном положении, - откровенничал он. - Если мои латвийские друзья-лагерники узнают о том, что я еврей, они наверняка от меня отвернутся...

Я делился с ним своими познаниями о сути гиюра - перехода в иудаизм, рассказывал о горькой судьбе еврейского народа, преследуемого веками. Быть евреем очень непросто; нееврея, принявшего каноны Торы, следует приблизить к себе и возлюбить.

За время нашего совместного пребывания в больнице я научил его устно и письменно

многим словам на иврите. Мой собеседник весьма живо интересовался еврейской историей, еврейскими обычаями. Думаю, что у него хватило бы мужества вернуться в еврейство, но неожиданно (уже повторно) его хватил сердечный удар, которого он не выдержал. Когда я позже рассказал о нем бухарскому еврею-хасиду р. Аврааму-Хаиму, тот сокрушался: - Какая еврейская душа пропала среди неевреев! Эх, кабы я знал об этом, то обязательно вернул бы его к нашим истокам!

(Продолжение следует)

Мы здесь. 22-28 мая 2014. № 450.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-449)

Пёс по кличке «Тихий»

Пес по кличке Тихий, смесь дворняги с охотничьей породой, стал частью нашей общей лагерной судьбы, и без этого домашнего животного жить нам было бы намного печальней.

Собак в нашем лагере было предостаточно - особенно волчьей породы: длинные, высокие, с острыми клыками и бешеными глазами. Овчарки ежедневно сопровождали бригады на работу и обратно; конвойные не совсем доверяли своим автоматам и всегда водили за собой свору псов. В лагере находился целый питомник, где собак-ищеек кормили, поили и обучали ремеслу охраны заключенных.

Пес Тихий был общим достоянием: он как бы принадлежал всем энкам, которые его вырастили и воспитали ради собственного удовольствия.

Это происходило уже после смерти Сталина. Режим пребывания в лагере стал чуть помягче, и, наверное, поэтому начал Ермилов проглядывать момент, когда отличник производства Гришка Федоров, бывший вор, выполняющий норму на двести процентов, похитил из собачьего питомника крошечного щенка.

Как-то Гришку и еще нескольких энков отправили на заготовку дров для нужд гарнизонных домов, в которых проживала обслуга лагеря. Заодно им было велено протопить печь в питомнике для собак. Там-то между делом Гришка и прихватил маленького щенка, спрятав его за пазухой и доставив затем в барак. Он дал ему кличку

"Тихий" - в противоположность псынам, лающим днем и ночью и строго бдящим за каждым заключенным.

Поскольку Тихий был еще совсем крошечным, Гришка поместил его в коробку, настелив в нее ваты, вырванной из фуфайки, и насыпав сахарного песка. Следует заметить, что щенком занимался не один лишь Гришка, с ним возился и подкармливал Тихого целый барак. Даже угощали дефицитом - сгущенным молоком и медом, присланными какому-то эку из родных мест. В безрадостное, серое однообразие наших будней Тихий внес немного радости. Выползая из своего жилища - картонной коробки, он веселил нас своей щенячьей непосредственностью, бегал по полу, затем, перевернувшись на спину, смешно дрыгал лапками.

Когда он подрос, он стал бегать по территории лагеря, от барака к бараку, цепляясь к каждому встречному эку, когда бригада возвращалась с работы. Тихий приучился есть ту же лагерную пищу, что и мы: черный хлеб, кашу, тушеную капусту, пустые щи, осторчечевшие нам за долгий период пребывания в неволе. Он быстро рос, стал крепким и статным. Гришка, не чаявший в нем души, учил его различным навыкам и трюкам собаки-ищейки (все-таки наполовину Тихий происходил из охотничьей породы), давал ему нюхать чей-то платок, затем где-то его прятал, но Тихий, благодаря своему острому обонянию, мгновенно находил его.

В этом деле Тихий здорово помог некоторым экам, обнаруживая тех, кто "крысятничал" - воровал в бараках чужие предметы и вещи. Как правило, это были мелкие уголовники, с которыми лагерники расправлялись на свой лад. Кстати, Тихий каждого воришку знал и, если тот пытался его погладить или просто посюсюкать, бросался на него с громким лаем.

Наш любимец бодрствовал днем и ночью, даже сон его был очень чутким. Таким образом он спасал нас от всякого воря. Пес лежал у входа в барак - и пусть кто-нибудь из посторонних попробует войти! Даже нашим охранникам и другим "друзьям" в погонах и фуражках он не делал исключений. Тихий чуял в них противников и не переставал гавкать, пока Гришка не вставал с нар, если это было ночью, и не упокаивал его. Даже нашему начальнику лагеря доставалось от Тихого - устраивал "достойный прием", таякая что есть мочи, когда тот появлялся в бараке. Это при том, что все лагерники вытягивались перед начлагом в струнку, когда он входил в барак. Не раз начлаг требовал, чтобы и Тихий подчинялся правилам режимного лагеря, но покорной овечки из нашего песика не получалось.

Не поддавался "Тихий лагерной дисциплине" - и всё тут! Когда Гришка начинал его увещевать, чтобы тот вел себя прилично, слегка шлепая по спине, тот по-недоброму на него смотрел, как бы говоря: "Что ты от меня хочешь? Разве я не знаю, что ты ненавидишь начальника еще больше, чем я?"

В соседнем бараке находился слепой зэк Михаил, у которого Тихий был зачастую вместо поводыря. Для этой цели Михаил приготовил для пса поводок, и Тихий вел слепого туда, куда тот прикажет. Подбегая к убогому эку, Тихий крутил хвостом, словно издалека чуял

миску с остывшим варевом, в котором плавают кусочки мяса, выдаваемого в лагере по большим праздникам...

Свои счета с Тихим были не только у начальства и охранников, но и у овчарки-волкодава по кличке Восток, самого злого пса из конвойной своры. Не раз эта псина рвала до крови одежду на эках, едва заслышав чей-то недовольный окрик из охраны.

Однажды Тихий, спрятавшись в колонне эков, шедших на работу в тайгу, незаметно выскочил из лагеря. По дороге его никто из нас не заметил, Тихий обнаружился лишь в лесу. Красавец, с мягкой серой шерстью, хвост задран кверху тугой пружиной, как у лисы, в глазах - зеленые огоньки. Он носился между деревьев и кустов, словно серна, остро реагируя на каждый шорох в траве. Без особого страха Тихий подкрался к Востоку и обнюхал его. Конвойный пес набросился на Тихого всей своей огромной волчьей тушей, но тот сумел от него ускользнуть.

Гришка, которому из десятилетнего срока оставалось еще полгода, мечтал, что выйдя на волю, заберет Тихого с собой. Без любимого пса Гришке на воле не жизнь!

Неожиданно раздалась автоматная очередь. Нет, это не были обычные предупредительные выстрелы охранников, чтобы напугать эков.

Гришка побледнел и всё понял. Автоматная очередь была мстостью вертухаев Тихому.

В нашем бараке снова стало тоскливо и грустно...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 29 мая – 04 июня 2014. № 451.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-450)

Заключенные из Норильска

В нашем лагере особое внимание привлекала к себе экзотическая фигура цыгана с таким же экзотическим именем Шилам. Никто из политэков в лагере даже не интересовался, каким образом он попал сюда, где сидят, в основном, по "политической" статье. Мы не спрашивали, так как понимали: для того, чтобы стать политэком в стране Советов, многого не требуется...

Жена Шилама вместе с четырьмя детьми следовала за ним по всем лагерям. Шилам говорил, что у них, цыган, такой обычай: куда муж, туда и жена.

Юная черноволосая красавица-цыганка с такими же черными горящими глазами часто посещала мужа в лагере. Для нее не существовали ни начальник, ни охрана. Она прорывалась через любые препоны, строгую охрану, и каждые два-три дня приносила мужу передачи. Хотите знать, на что она жила с детьми? В сопредельных с лагерем деревнях и поселках она гадала на картах. Со времени революции прошло уже несколько десятилетий, а русского человека все равно тянет к мистике, чудодейству и колдовству. Женщины по-прежнему верят в вещие сны и просят их толкования. Раскинуть карты и погадать - для цыганок обычное дело, и в этом деле им есть где развернуться. Они зарабатывают приличные деньги не только в деревнях, где проживает народ попроще, но и в городах, общаясь с интеллигентными людьми.

Должен сказать, что у нас в лагере, где женщин не было, наверное, каждый третий зэк видел вещие сны. Я знал почти все значения этих сновидений: привиделась во сне церковь, значит, скорое освобождение; берешь что-либо у покойника - жди опасности; держишь в руках веревку - останешься в лагере надолго; и так далее. Подобные колдовские, мистические чары, бытующие у цыган, как ни странно, пугали наших начальников. Наверное, поэтому Шилам трудился на совсем не пыльных должностях, и по этой же причине его привлекательная жена виделась с ним каждую неделю.

Неожиданно "цыганская тема" поблекла в связи с другим событием: в наш лагерь из Норильска прибыли тамошние заключенные.

Слухи о бунтах и восстаниях в ряде лагерей доносились до нас и раньше, в том числе и о бунте в Норильске, где погибло почти триста заключенных. К нам в лагерь прибыло большинство норильских зэков, ошившихся в живых в ходе подавления бунта. Наиболее крепких зэков перевели из нашего лагеря в соседние лагпункты, освободив место для норильчан.

Появились они сентябрьским днем, измученные дальней дорогой. Их насчитывалось около трехсот активных участников норильского бунта, инвалидов-бандеровцев, причастных к деятельности антисоветских подпольных организаций на Западной Украине.

Они сразу стали рассказывать о подробностях неравной борьбы безоружных заключенных с войсками МВД, на вооружении которых были автоматы, пулеметы и даже танки. А началось всё из-за жуткого режима содержания зэков в лагере, издевательств со стороны охраны и ужасной кормежки.

К тому же украинцы-западенцы, которые вообще были хорошо организованы в лагерях, узнали, что в одном из женских лагпунктов охранники изнасиловали их землячку, что, разумеется, подлило масла в огонь. Из того лагеря, где это произошло, они получили письмо, в котором женщины призвали мужчин к мщению.

В Норильске, где долгие месяцы в году длится ночь, а температура опускается до семидесяти градусов мороза, заключенные находились в тяжелейших условиях. Удаленность от центра сделала тамошних лагерных начальников полными властителями над зэками. Лагерников изматывали на стройках каторжным трудом; потом власть предрежащие похвалялись современными городами, возведенными потом и кровью на

вечной мерзлоте...

Заключенные-норильчане выдвинули требования, которые начальство попросту проигнорировало.

Бунт длился несколько дней. Сначала зэки зарезали всех сексотов, доносивших начальству обо всём, что происходило в лагере; "нарядчиков", назначавших зэков на самые тяжелые работы в каменоломни и устанавливавших для них невыносимые нормы выработки. Восставшие вооружались всем, что попадало под руку - поленьями, арматурой, камнями, палками. Выхватив у охраны несколько винтовок, открыли огонь по вертухам и стреляли до последнего патрона. Лагерь был окружен танками, и начальство предъявило зэкам ультиматум: немедленно сдаться. Уже были десятки убитых среди зэков и охранников, но лагерь держался героически и не сдавался. Внезапно на территорию лагеря ворвались танки - прямо на бараки, давая всех, кто в них находился, в основном, не успевших выскочить стариков и больных.

В тот день погибло почти триста зэков. После пролитой крови из Москвы прибыла комиссия, и начальника, отдавшего приказ о вводе танков в лагерь, арестовали. Началось расследование, которое подтвердило факты унижений и издевательств над заключенными. Было решено пойти на компромисс и против бунтовщиков не принимать никаких санкций. На самом деле, решение о компромиссе было нарушено и руководителей восстания вместе с его активными участниками сразу отправили на отсидку в другой лагерь, где к зэкам относились еще хуже, чем в Норильске. Оставшихся проверили медики, выявили инвалидов, которых затем отправили (и тех, и других) в лагпункты Восточной Сибири. Таким образом, триста зэков-инвалидов из норильского лагеря попали к нам. С собой они привезли бунтарский дух, этим же духом вскоре заразили и нас.

Несколько месяцев норильчане вообще не выходили на работу. Те, кто помоложе, вечерами покидали барак, шли по территории лагеря и пели хором национальный гимн самостоятельной Украины. От них же наш начлаг Ефименко слышал в свой адрес лишь ругань и брань. Он конечно, пытался изменить ситуацию в лагере, но безуспешно. Тогда из особого отдела явились люди, чтобы разобраться с украинцами и наверняка разогнать их по разным лагпунктам.

Старшего из особистов один из прибывших норильских зэков сразу узнал. В 1950 году, по прибытии в Норильск эшелона с новыми сидельцами, среди которых находился и упомянутый зэк, этот офицер выразился следующим образом:

- Вы здесь заранее можете для самих себя вырыть могилы, ибо свободы никогда уже не увидите!..

За прошедшее время тот особист вырос до начальника отдела, а зэк так и остался зэком. Все оставалось по-старому, хотя в московских "Известиях" появился указ, подписанный Председателем Верховного Совета К.Ворошиловым, в котором говорилось, что в результате договора с западногерманским правительством во главе с канцлером Конрадом Аденауэром подлежат освобождению из мест заключения лица, осужденные за сотрудничество с нацистами. Это означало, что персоны, служившие в немецкой армии и не принимавшие участия в карательных акциях, немедленно освобождаются, а наказание гражданским лицам, совершившим преступления, сокращается наполовину.

Среди немцев сразу начался подъем, хотя их положение в лагере и так в последнее время значительно улучшилось. В отличие от других зэков-иностранцев, они из Германии получали сотни продуктовых посылок. Вот и сейчас получалось, что немцы раньше других заключенных выйдут на волю.

История с указом вызвала горькие комментарии зэков. Оказывается, гитлеровцы имеют больше прав на амнистию, чем советские граждане.

(Продолжение следует)

Мы здесь. 05-11 июня 2014. № 452.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-451)

Бунт в родном лагере

Указ об амнистии лиц, сотрудничавших с нацистами и служивших в вермахте, вызвал в лагере неоднозначную реакцию. Выходило, что гитлеровцы, кроме тех, кто служил в карательных отрядах и убивал людей, выйдут на свободу! Хотя было известно, что многие осужденные на срок от десяти до двадцати пяти лет исправительно-трудовых лагерей сидели за преступления такого рода, для которых не существует законодательной основы ареста в странах, где считаются с законом и правосудием. Но это там, у них.

А у нас в лагере, кроме невиновных, пребывали и те, кто сидел за настоящие преступления, сотрудничая с немцами: служил в гестапо, охранял нацистские лагеря смерти, убивал евреев. Получалось, что настоящие преступники сидели на равных с теми, кто отважился высказать свободное мнение, за нечаянно сказанное слово, которое может быть истолковано как критика советских порядков. Наказание в этих случаях было значительно жестче, чем за убийство или грабеж.

Некоторые эки, о которых было известно, что они убийцы евреев, пытались лечь костьми, чтобы попасть под амнистию. Они строчили апелляции, в которых сообщали, что просто сотрудничали с немецкими оккупантами, в массовых убийствах не участвовали. Дошло даже до абсурда, когда один из коллаборантов набрался наглости и задал начальнику вопрос: "Гражданин начальник, я убил всего лишь двух евреев, но в карательном отряде не служил. Можно ли мне подать апелляцию?"

Уже была готова к отправке домой первая партия нацистов. Большая часть из них - бывшие гестаповцы. Звучит парадоксально, но в этой группе были и простые немцы, доставленные сюда по подозрению в шпионаже в пользу США. Один из них, 73-летний часовщик, тоже "американский шпион", был арестован и отправлен в лагерь на десять лет за то, что его дочь гуляла с американским офицером. Был еще в этой группе баптистский пастор, который пострадал за веру, причем в годы, когда у власти был Гитлер.

Во вторую очередь попадали украинцы, служившие в германской армии. Но их было не так много, потому что в их "делах" стояли отметки о пребывании в карательных отрядах. Подавали апелляции и разные эки из простых советских граждан. Было обидно, что на свободу выходят заклятые антисемиты и всякое бандитское отребье.

Между тем, на наш лагерь надвигалась собственная буря. Видимо, бунтарский дух из других лагерей переместился в наш и помог политэнкам организовать в единую силу. Наши требования состояли в том, чтобы из лагеря убрали уголовников, которые вовсю беспредельничали: крали из кухни продукты и даже по ночам пробирались в бараки и уносили всё, что плохо лежало...

В бараках, в которых проживали политзаключенные, было заведено, что все вещи и предметы эков оставались на виду, но никто ни у кого без спросу ничего не брал. Участвовавшие случаи воровства вызвали у политзаключенных беспокойство, поскольку дня или ночи не случалось, чтобы в бараке не исчезали чьи-либо вещи. Причем, вору делали это так ловко, что дневальный в бараке ничего не замечал. Понятно, что при обнаружении кражи все шишки - за отсутствие бдительности - падали на голову бедного дневального.

Помимо краж, эти подонки занимались ловлей собак, убивали их, а мясо жарили и

съедали. Это еще больше прибавляло к ним отвращения и омерзения.

Дружные, хорошо организованные зэки, недавно прибывшие из Норильска, несколько раз ловили воров, которым при этом здорово доставалось.

Норильчанам стало известно о том, что урки точат ножи и готовятся к "генеральному наступлению" на политзэков. Этой активной уголовной шушеры насчитывалось несколько десятков отпетых негодяев - воров и бандитов, на которых все время жаловались начальству остальные заключенные. Начлаг и все руководство лагеря были проинформированы о "проделках" уголовников. Но все наши обращения к начальству, в том числе и о том, чтобы их убрали из бараков куда подальше, натывались на глухую стену.

Следует заметить, что подобные типы пребывали не только у нас. В каждом лагпункте Тайшетлага таких подонков было предостаточно.

Так уж случилось, что примерно в одно и то же время по всей тайшетлаговской линии началась борьба политзэков против уголовников. Цель была одна: выдворить их вон из наших лагерей! Но куда?

По старой привычке начальство всегда было на стороне "урок", то есть уголовников, утверждавших, что они граждане, преданные советской власти, и помогают ей в борьбе с "политическими", которых они называли фашистами.

Как только этих подонков выгнали из бараков на территорию лагеря, они подняли гвалт и с ножами набросились на политических, но те стали с "урок" срывать верхнюю одежду и лупить палками, погнав к воротам лагеря. Началась огромная заварушка, часовые на вышках начали стрелять в воздух. Появилось начальство с вооруженными охранниками для наведения порядка, но их было явно недостаточно. Вызвать охрану из соседнего лагпункта начальство не могло, поскольку там, как выяснилось позже, происходила подобная же история.

Начальник лагеря предпочел не поддаваться ни тем, ни другим. Занимать чью-либо сторону - значило не соответствовать своему авторитету, который и так уже падал день ото дня. Но особенно усердствовал начальник режима, которого все зэки считали мерзавцем. Он взобрался на вышку и стрелял оттуда из пистолета в толпу, ранив одного политзэка. Тогда "политические" поставили условие: если не убьют "урок", то они их линчуют на месте. Наконец, начальство решилось пойти навстречу, но лишь частично. Толпа разбрелась по баракам...

Похожие бунты проходили во многих лагпунктах Тайшетлага. Когда начальство забило тревогу, сообщив о них в Москву, из столицы ответили примерно так: "Принимайте решение на месте, не до вас сейчас - своих важных дел хватает".

На целую неделю лагерь будто закрыли: никого на работу не гнали, искали зачинщиков бунта. Начальник особого отдела со своей командой разъезжал по всему Тайшетлагу и через доносителей пытался выяснить причины и подробности вспыхнувших беспорядков.

В нашем лагере ничего так и не выяснили. Всё списали на начальника режима, который выстрелил в толпу и ранил политзэка. У нас этот мерзавец больше никогда не появлялся...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 19-25 июня 2014. № 453.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-452)

Шолом-Алейхем и «Песнь песней»

Найти в нынешние времена книги Шолом-Алейхема и наслаждаться его грустными и смешными произведениями - совсем не проблема. Но даже в те годы и в том месте, где, казалось, кончается мироздание и начинается ад, еврейские зэки советского каторжного лагеря читали в своем узилище Шолом-Алейхема! Причем, текст великого писателя был переписан из книги от руки и передавался тайком от еврея к еврею.

Начинался 1955 год, каторжный режим в лагерях чуть смягчился, и неожиданно стало известно, что к нам из соседнего лагпункта, расположенного у реки Лены, прибывает с концертом бригада артистов.

В отличие от некоторых исправительно-трудовых лагпунктов, наш лагерь с особым режимом не имел собственного любительского театра. Поэтому в такие лагеря навевалась время от времени передвижная артбригада, обслуживающая систему лагерей Тайшетлага. Такая бригада передвигалась в специальном вагоне; ее артисты имели особые привилегии: одевались элегантно, не стриглись наголо, а носили модные прически; некоторым персонам по необходимости разрешалось даже находиться вне зоны, без конвоя. С бригадой разъезжали представитель управления лагерей и охранник (не больше одного конвойного). Подобные бригады, главным образом, набирали из профессиональных актеров-зэков, среди которых встречались довольно известные имена.

Ведь в те годы, в начале 50-х, накануне смерти Сталина, даже большие специалисты своего дела - инженеры, артисты, врачи (за исключением одного доктора в лагерьном медпункте) - были заняты на общих тяжелых физических работах: рыли ямы, таскали мешки, валили и пилили деревья, кололи дрова.

Прибывшая к нам бригада артистов состояла из десяти человек - шести мужчин и четырех женщин. Почти все они были профессиональными артистами московских и ленинградских театров, эстрадных объединений.

Среди них была известная артистка ленинградского Театра сатиры, женщина средних лет, обладавшая тонким вкусом и великолепно исполнявшая комические роли. Остальные -

юные артистки в расцвете своей девичьей красоты: исполнительница украинских народных песен; баянистка-татарка и столичная виолончелистка.

Мужская половина состояла из экзотического фокусника, тромбониста-виртуоза и первоклассного скрипача - еврейского юноши из Латвии.

По такому редкому случаю на представление пригласили почти всех служащих лагеря. Существенная деталь: сразу столько женщин в лагере не собиралось никогда. Представительницы прекрасного пола расположились перед огромным занавесом у самой сцены - в клубном бараке, в котором находилась КВЧ (культурно-воспитательная часть). Многие из них артистично дымили дорогими папиросами, а не махоркой, завернутой в клочки газетной бумаги, как это делали мы, зэки. Женские лица и губы - в пудре и помаде. Те женщины, кто помоложе, улыбаются присутствующим мужчинам и, зарумянившись, охотно отвечают даже на флирт молодых зэков.

В связи с этим мероприятием мобилизована и лагерная кухня. Накануне представления "нарядчики" обошли бараки, собирая с лагерников дань - все лучшее и вкусное, что они в посылках получили из дому. Белая мука, сахар, масло, копченая колбаса, какао и даже шоколад - из всего этого повара приготовили вкусные блюда. Будто из-под земли появляются стеклянные стаканы, фарфоровые блюда, ложечки - давняя мечта зэков о нормальной домашней посуде, ибо обрыдло есть уже из грубых глиняных мисок. Артистам же на сцену выносят огромный поднос с вкусностями, накрытый расшитой скатеркой, отдельно - белоснежные салфетки.

Особый интерес у еврейской части лагеря вызвал скрипач из Латвии. О нем мы уже были немного наслышаны, так как в пути следования к нам евреи-зэки из соседних лагерей передавали от него привет с надеждой на скорую встречу. Но не только евреям, даже нашим лагерным антисемитам было известно о его волшебной игре. Этот одаренный еврейский юноша был наделен особо нежными чертами лица. Казалось, что несколько лет неволи нисколько на него не повлияли. Особенно этим скрипачом интересовался еврейский писатель Р., издавна знакомый с его родными.

Еще мальчишкой, в 1940 году будущий скрипач вместе с семьей был депортирован из Латвии в Сибирь из-за того, что отец владел фабрикой. В сибирской ссылке юноша, проявив большие способности, с отличием окончил физико-математический факультет университета. Вместе с точными науками у него выявилась и исключительная тяга к музыке. Так что одновременно с физматом он окончил и консерваторию.

25 лет лагерей парню "впаяли" за ложное обвинение в принадлежности к подпольной организации еврейской молодежи в Сибири, на сходках которой слушали передачи радиостанции "Голос Израиля" и публично выражали симпатии к сионистскому государству.

В нашем лагере этот юноша из Латвии особенно интересовался братьями по несчастью - еврейскими писателями. Мы его ненадолго зазывали в барак, в котором находился Мойше Бродерзон. Тот обнял его, как родного сына. Глядя на юношу, мы удивлялись, как окружающая грубость и мерзость лагерной жизни так мало коснулись его. В бараке молодой скрипач вытащил из-за пазухи маленькую книжку с посеребренной обложкой и обратился к нам:

- Дорогие мои! Я хочу вам показать самое ценное, что привез с собой: эту небольшую книжечку с еврейским текстом, которая называется "Шир-ха-ширим" ("Песнь песней"). Таких книг вы в лагере не увидите. Признаться, мне трудно расстаться с этой книжкой, в

которой напечатаны рассказы Шолом-Алейхема. Книжечка выпущена в московском еврейском государственном издательстве "Дер эмес" еще до разгрома еврейской литературы в Советском Союзе. Эту книжку я в свое время прочитал десятки раз. Когда мне не хватает времени ее перечитывать, я просто перелистываю страницы, чтобы насытиться еврейскими буквами. Встречались мне в неволе евреи, умолявшие хоть краешком глаза взглянуть на книжку; вам же я даю этот шолом-алеихемовский рассказ, чтобы вы его переписали. Когда я приеду в следующий раз, вы мне ее вернете.

Эту святыню мы вручили Мойше Бродерзону и писателю Р., обладавшим каллиграфическим почерком. Хотя лагерный режим чуть смягчился и экам уже разрешалось читать газеты, журналы и книги, но заниматься переписыванием еврейской книги было еще чересчур опасно, ибо, заметив это действие, какой-нибудь тупоголовый охранник, не разобравшись, мог все разорвать в клочья. Что еще хуже, передать начальству для разбирательства, поэтому переписывать приходилось ночью, втайне от чужих глаз.

К тому времени Мойше Бродерзон лишился в бараке должности ночного дневального. Остролов и выдумщик, он сочинял каждый день новые поговорки, в которых высмеивал начальство. Эти шутки были единственным способом отомстить власть предержащим за унижения и оскорбления. Его острые словечки шли по всему лагерю и, конечно, дошли до руководства, в чей адрес они и были направлены. За эти "штучки" его и убрали со сравнительно "не пыльной" службы дневального. Стоял, напомним, 1955 год, и эков его возраста, признанных инвалидами, негодными к физическому труду, уже не рекомендовали отправлять на тяжелые работы вне зоны. У Бродерзона было спальное место на верхних нарах, на которых он полулежа читал. Там, спрятавшись от посторонних глаз, он переписывал "Песнь песней" Шолом-Алейхема. Когда Бродерзон уставал, за это дело в подходящее время и соответствующей обстановке брался писатель Р.

Радость евреев нашего лагеря от чтения Шолом-Алейхема невозможно описать. Это была первая еврейская книжка за столько лет пребывания в лагере, где увидеть хотя бы одну еврейскую букву было невозможно. Этот уникальный экземпляр передавался из рук в руки. Вспоминаю, как писатель М. Герц-Мовшович (он недавно скончался в Риге), забыв про порок сердца, приковавший его надолго к койке в санчасти, преодолев невероятные усилия, встал с койки и пришел в барак к Мойше Бродерзону, чтобы хотя бы посмотреть на книжку Шолом-Алейхема. Евреи-лагерники читали рассказ и смеялись сквозь слезы. Обязаны этому счастью мы должны были лишь еврейскому парню из Латвии, одного из многих мучеников нашей современной еврейской культуры.

Примечания переводчика

Еврейский писатель Р. - автор имеет в виду поэта и новеллиста Марка Разумного из Риги (1896-1988), осужденного на 10 лет и находившегося с ним в одном лагере.

Гершон Мовшович (1892-1958) – псевдоним - М. Герц, еврейский писатель из Риги. Вместе с М. Разумным в один день, 27.01.1951, приговорен к 10 годам каторжных работ.

(Продолжение следует)

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-453)

Если бы моя мама увидела...

После небольшого бунта, который мы, политзеки, организовали против уголовников, поползли зловещие слухи о новых этапах. Будто бы нас, политических, отправят в более дальние каторжные лагеря - к черту на кулички, как говорят в России. Правда, никто из нас по этому поводу особо не заморачивался, так как начальству было не до нас - оно медленно отходило от прошедшего бунта. Пришлось все-таки уголовников отправить в места действительно не столь отдаленные - в соседние лагеря.

После того, как протестная акция в нашем лагере разрешилась, похоже, в пользу политзэков, начать следующую акцию в виде забастовки нас уже не так страшило.

Обычно забастовка считается прямым саботажем. За нее полагается полновесная 58-я статья. Но уходили старые времена, и зеки все меньше стали бояться грозных пунктов этой статьи.

В нашем лагере эта история произошла вот из-за чего: один из поляков по фамилии Стриковский объявил голодовку. Еще в годы Второй мировой войны, когда польское правительство во главе с генералом Владиславом Сикорским с сентября 1939 года находилось в изгнании в Лондоне, этот самый Стриковский в качестве представителя польского правительства был направлен в СССР. Так как прямые связи между Советским Союзом и эмигрантским правительством Польши отсутствовали, посланника арестовали, объявив шпионом, и на десять лет поместили в тюрьму. Несколько позже, сменив гнев на милость, его из Красноярского края отправили на спецпоселение, благо далеко ехать не надо - велика, как говорится, матушка Сибирь. Комендант ссыльного пункта забрал у него польские документы и записал его "лицом без гражданства". Доводы Стриковского, что у него имеются аж два польских паспорта, включая дипломатический, нисколько не помогли. Спустя несколько месяцев ему приписали, что он, находясь в ссылке, пытался организовать восстание против советской власти. За это "деяние" ему прибавили еще десять лет. На работе с поляком произошел несчастный случай: он потерял четыре пальца правой руки. Тем не менее, Стриковский продолжал трудиться, и чуть позже даже был поставлен руководить сельхозработами в лагере.

Когда стали поговаривать о возможном освобождении иностранцев, в том числе и поляков, Стриковский написал с десятков прошений в Москву и местному начальству. Отовсюду приходил один ответ, что он гражданином Польши не является, поскольку в "деле" записан "лицом без гражданства". Его утверждения, что это всего лишь навсего

самоуправство коменданта ссыльного пункта, позитивного результата не принесли. Тогда в знак протеста Стриковский объявил голодовку. На пятый день голодовки начальство решило кормить его насильно, то есть искусственным способом. Чтобы поддержать собрата по несчастью, политзэки решили объявить общелагерную забастовку. Почуввав неладное, то есть новую смуту, начальство пошло нам навстречу, ходатайствуя перед Москвой о том, чтобы его признали бывшим гражданином Польши и включили в список иностранцев, подлежащих освобождению. И только тогда Стриковский прекратил голодовку.

Нет такой вещи, к которой бы человек не привык. В тяжелейших лагерных условиях мы боялись худшего - дальнего этапа. Боялся этого, прежде всего, я, так как был среди тех, кому на последней комиссии присудили вторую категорию. Отныне начальство имело право делать со мной всё, что захочет. Из разных лагерей прибывают к нам посланники с целью набора зэков для тяжелых работ. По чистой случайности я не попал в эту группу, хотя начальник лагеря пытался избавиться от тех, кто не может трудиться с полной отдачей. За последние несколько лет я вообще стал развалиной.

Плетусь еле-еле вместе с бригадой на станцию, где предстоит выгрузка из вагонов мешков с мукой, сахаром и другими продуктами. О, если бы моя мама встала из могилы и увидела, как ее единственный сын, которого она вырастила, чтобы учиться в иешиве и стать потом раввином, научился разгружать пульман с тяжелыми мешками муки! Твой любимый сын, мама, должен перенести на своем горбу 75 мешков на расстояние 150 метров, бросить на весы и дальше, уже на складе, укладывать эти мешки в штабеля. Рабочая норма для инвалида второй категории - шесть тонн ежедневно. Твой сын, дорогая мама, упал сразу, едва взвалил на себя первый мешок муки. Пробовал нести двумя руками, так и сяк, пока не разобрался, что таскать перед собой намного трудней, чем на горбу. Когда держишь мешок муки в руках, часто надрываешься. Состояние такое, будто из живота вываливаются кишки, и ты роняешь мешок на землю...

Мешок сахара весом в 90 килограммов твой сын таскать не в силах - слишком слаб для этого. Я не виню тебя, мама, что ты меня вырастила таким и не научила таскать многопудовые мешки. Ты же не знала, родная, что твоего сына ожидает каторжный лагерь в стране Советов. Попроси там, на небесах, Всевышнего, всех моих праведных предков, чтобы они простили мои прегрешения и дали мне силы выдержать все мучения...

Когда вечером я припоздняюсь с работы, Мойше Бродерзон бежит по баракам и ищет меня, испытывая страх, не случилось ли что-нибудь со мной. Ведь чрезвычайные происшествия бывают на работе чуть ли не каждый день. Увидев меня целым и невредимым, он улыбается, и когда я интересуюсь его состоянием, тяжело вздыхает и отвечает любимой фразой: "Лишь бы не было хуже!"

Да, мы все дрожали перед тем, чтобы не было еще хуже. Мы знали, что хуже нашего лагеря может быть только "спецлагерь", в котором с тобой могут сотворить такое, что никто там, на воле, никогда не узнает, где твой прах. Из такого лагеря ты никогда не вернешься домой, даже если отсидишь все свои сроки.

О, если бы моя мама всё это видела!..

(Продолжение следует)

Мы здесь. 10-16 июля 2014. № 455.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-454)

Накануне освобождения

В лагерь прибыла медицинская комиссия для "активирования", что означало – определить нынешнее состояния здоровья заключенных, выделить тех, кто полностью негоден к труду и отправить домой.

Комиссия работала в трех направлениях: 1) эки, которые еще могут трудиться, остаются в лагере; 2) "спорные" эки - то есть лагерники, чье состояние здоровья комиссия определить не может, для чего их направляют в больницу; 3) полные инвалиды и прочие недужные, которых нет смысла содержать в лагере ввиду их непригодности к труду.

Поэт Мойше Бродерзон попал в число "заактивированных" в третью группу, я - во вторую, то есть в "спорную", которую надлежит отправить в больницу на обследование. Но комиссия комиссией, а нас с Бродерзоном по-прежнему долгие месяцы держали в лагере.

Процедура, предваряющая выход эка на свободу, известна: после медкомиссии следовало пройти другую - судебную, состоявшую из судьи, прокурора и представителя управления лагерей. Такая "тройка" редко посещала лагерь, так что заключенные, "заактивированные" уже медкомиссией, были вынуждены проводить месяцы в ожидании так называемой судебной комиссии. Шейнэ-Мирьям, жена Мойше Бродерзона, живя в Москве, без устали тревожилась об освобождении мужа, и в одно прекрасное утро пришла телеграмма от генерального прокурора, чтобы Бродерзона направили на обследование в больницу, несмотря на то, что он там уже бывал. Спустя месяц туда направили и меня.

Был теплый осенний день, когда я покидал лагерь. Нас сопровождали на лошадях двое конвойных. Присутствие охранников на лошадях особо не напрягало. Они, вероятно, разумели, что сопровождают тяжело больных людей, которые вряд ли совершат побег. Собственно, нас посадили на телегу, но так как в нашей группе были старики и такие, кто еле передвигался, телега была битком набита, и мне пришлось идти пешком.

Одним из конвоиров оказался еврейский парень из Одессы. К его чести скажу: в нем, наверное, теплилось что-то национальное, и он, гарцуя на лошади, меня не подгонял.

Совсем уж недужные ээки впритирку сидели на переполненной телеге, а такие, как я, ввиду слабости ног, еле плелись в этом дальнем пути. Я жадно глотал таежный воздух, но это был воздух свободы. Вокруг нас - охранники с автоматами, но нет злых овчарок, сопровождавших нас все эти годы на каждом шагу. Сейчас по-настоящему я почувствовал красоту леса. Среди хвойных деревьев - сосен, елей, пихт, нет-нет да и мелькнет тонкоствольная березка, на листьях и ветках которой уже чувствуется осень. Таежные птахи так далеки от подлой действительности: по-прежнему чирикают друг другу свои песни. вступают в любовные игры. Из глубин лесной чащи веет приятный ветерок, нежно меня гладит, убаюкивает, внушает добрые надежды, и я почти сразу засыпаю...

Я не заметил, как присел на упавшее дерево и заснул от усталости. Очнулся, когда меня разбудил один из охранников, сказав, что уже начал меня искать.

Десять километров мы уже прошли, до больницы осталось еще шесть. Боже, как я устал! Что стало с моим телом за все эти годы в неволе! Сердце учащенно бьется, не хватает дыхания. Ноги опухли, плетусь из последних сил, и вот мы уже у конечной цели.

В тот вечер, когда наша группа добралась до больницы, меня повели к нескольким врачам. Лишь плохое зрение давало мне право на обследование медкомиссии. Меня повели к начальнику комиссии в звании капитана, который выслушал мое сердце, и по выражению его лица стало ясно, что оно тоже далеко не в порядке. Капитан велел прилечь на кушетку.

- Вы шли пешком? - спросил он, - Наверное, специально, чтобы участить сердцебиение?..

После краткого отдыха на кушетке мое сердце все равно не успокоилось. Капитан велел переночевать в палате и утром явиться на комиссию. А пока мне сделали рентгеновский снимок легких и сердца. Видимо, капитан не доверял рентгенологу и самолично присутствовал при этой процедуре.

Наутро в коридоре больничного отделения я повстречал Мойше Бродерзона. Он находился здесь на излечении и должен был уже предстать перед комиссией на предмет "активирования". Этого сломленного и тяжело больного человека медик в капитанских погонах продержал целый час, чтобы в точности убедиться, не является ли еврейский поэт симулянтом, а на претензию Бродерзона, что его уже дважды "активировали", капитан отделался русской шуткой: "Бог любит троицу". В третий раз у Бродерзона обнаружился целый букет болезней: тромб в сосудах ноги, склероз и вдобавок "грудную жабу", то есть стенокардию.

"Активирование" мало помогло Бродерзону, и его снова потащили по этапу на север - в "молотовский лагерь". Это не могло не сказаться на состоянии поэта, чье здоровье и так было до предела ослаблено и привело к преждевременной смерти через несколько недель после возвращения в Польшу.

Этот капитан-медик меня мучил особенно долго. При "новых ветрах" апологетам режима все еще не хотелось расставаться с заключенными, из которых государство стремилось выжать последние капли здоровья. У меня при проверке установили: слабое зрение, порок сердца, опухоль ног вследствие тяжелейшего воспаления суставов. Но капитан не успокаивался и стал измерять давление. К моему "счастью", кровяное давление зашкалило около двухсот. В конце концов меня "заактивировали" и отправили в лагерь ожидать решения судебной комиссии, которое может быть принято после медицинской.

Из Москвы все чаще и чаще приходили ответы на апелляции. Приезжали следователи, чтобы снова и снова проводить дополнительные действия. Зэки отрицали свои прежние показания, вырванные у них когда-то под пытками. Следователи не торговались, запросто соглашались и писали то, что говорили заключенные.

Освободился по амнистии и профессор Г. из Москвы, специалист по питанию. Когда академик Отто Шмидт, исследователь Севера, предпринял свою экспедицию на Землю Франца-Иосифа, этот профессор-кулинар обеспечивал его специально изготовленными пищевыми концентратами. Профессор был женат на молодой девушке. Так случилось, что свадьбу устроили в дни праздника Песах. Во время свадебной трапезы кто-то из гостей, вспомнив про Песах, провозгласил тост: "Лэшана хабаа бэ Ерушалайим!" ("В следующем году в Иерусалиме!"). На свадебном пиршестве сидело много приглашенных, и один из них донес куда следует – мол, профессор устроил не свадьбу, а "сионистскую демонстрацию". Жениху, виновнику торжества, приписали национализм.

Только сейчас его освободили. Во время отсидки профессор Г. работал в лагерной кухне консультантом шеф-повара. Сейчас он собрал свои пожитки и горько улыбнулся. Хотя, если разобраться, судьба над ним ним смеялась все эти годы. Евреи-лагерники, провожая, обступили его и повторяли, как заклинание:

- Лишь бы царь Ахашверош не сошел снова с ума!

Да, страх людей перед новым правителем, который может сойти с ума и запереть миллионы своих «рабов» в тюрьмы и лагеря, по-прежнему буравил их мозги. Каждый день в лагере освобождали десятки заключенных. Появились даже слухи, что систему тайшетских лагерей могут расформировать, и тысячи мелких и крупных начальников, охранников и вертухаев, обслуживающих лагерь, останутся без дела и заработка. Говорят, что наш начлаг подыскал себе уже приличное место: колхоз, в котором будет председателем. Будто бы не хочет он ждать последней минуты, когда не из чего будет выбирать...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 17-23 июля 2014. № 456.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-455)

Прощание с Бродерзоном

Когда к нам прибыла комиссия для отправки заключенных в Молотовский лагерь, Мойше Бродерзон сказал мне:

- Они все там наверху посходили с ума и не ведают, что творят!..

Действительно, начальство было настолько взбудоражено последними постановлениями из Москвы, что, кажется, утратили способность трезво мыслить. Ох, и упивались же начальники чужими бедами за эти семь-восемь лет! Всё у них шло, как по маслу: зэки беспрерывно и без препонов поступали в лагерь, а сами они что хотели, то и творили. Полный произвол. С протестами и жалобами заключенных не считались. Каждый начлаг подбирал себе людей из числа доносчиков и лизоблюдов. Когда зэки слабели от непосильной работы, уходили в мир иной, в лагерь рекрутировались новые рабы.

Но наступают, по всей видимости, другие времена. Однако бывалые, хитрые начальники знают на практике, что пройдет немного времени и лагерь будут снова заполнены; на хлеб с маслом всегда им будет хватать. А пока эти начальники замерли в недоумении. Лагерь понемногу пустеет, и каждый начлаг ждет пополнения - набора свежей рабочей силы из других лагерей. Разумеется, состав рабсилы зависит от важности и специфики работ конкретного лагеря.

Мойше Бродерзон.

Рис.: Arthur-Szyk/Poland

Яркий тому пример - Молотовский (Пермский) лагерь, куда отправляли часть зэков (в том числе и Бродерзона). Перемещение заключенных из одного лагеря в другой показало (в данном случае), что государству предпочтительней химическая промышленность нежели заготовка древесины для деревообрабатывающей индустрии. Теперь наш начлаг ноет, что ему не с кем будет работать, а вышестоящие начальники велют ему брать людей из других мест заключения...

Наверняка они все сошли с ума, иначе зачем стали бы собирать таких калек, как Бродерзон, до кучи, непригодных к какому-либо труду. Между собой эти калеки говорят, что через месяц-другой они все равно уедут домой. Им отвечают, что из тех мест, где

расположен Молотовский лагерь, им ближе будет ехать домой...

Следует заметить, что в конце 40-х и начале 50-х годов заключенные, содержащиеся в спецлагерях и лагпунктах строгого режима, стремились попасть в "молотовский" лагерь, так как ходила молва, что режим там общий: с зэками обращаются не так ужасно, как в других местах, нет номеров на одежде, нет ограничений в переписке. Хотя и придется волоочиться туда по этапу черт знает сколько времени.

Об этих преимуществах думал и Бродерзон.

- Все-таки это не тайшетские лагеря, - сказал он, - да и на волю оттуда легче выйти.

И закончил свою речь с присущим сарказмом:

- Представляешь, я буду делать куклы для детей! Там даже целый цех имеется. Неплохо, правда? - с присущим сарказмом закончил он речь.

Я попрощался с Бродерзоном, который уходил по этапу в Молотовский лагерь. Помог ему донести до лагерных ворот узел со скромным скарбом и запечатлеть на прощанье в своей памяти его измученное лицо и сгорбленную фигуру. Мы долго прощались, расцеловались, и Бродерзон расплакался, как дитя, словно предчувствуя свой скорый конец.

Четыре года мы пребывали в одном лагере; не сосчитать, сколько мучений и унижений мы претерпели вместе! Мне всегда казалось, что лишь благодаря Мойше Бродерзону, поддерживающему меня в тяжелейшие моменты жизни, я остался душевно здоров и не свихнулся от несчастий. Он подбадривал меня острыми словечками и не давал склонить голову перед гадким режимом. Находясь рядом с этим человеком, я забывал свою тяжкую участь - гнет и безысходность.

Долгое путешествие по этапу к новому месту заключения к его прогрессирующим болезням здоровья не прибавило. Итог был довольно грустный: Бродерзон скончался от сердечного приступа уже на воле, едва только вернувшись в Польшу*.

Ему, наверное, еще «повезло»: он не был среди расстрелянных еврейских писателей 12 августа 1952 года в подвалах Лубянки, но все его лагерные переживания и мытарства приблизили конец этого доброго и талантливого человека.

Сколько их было - дорогих моему сердцу евреев, сгинувших в советских лагерях! Вслед за уходом Бродерзона по этапу я с глубокой печалью узнал, что харьковский раввин р. Лев скончался в лагерной больнице.

С этим ребе мы встречались в различных лагпунктах, больнице. Из наших недолгих встреч я убеждался, каким ярким евреем был этот талантливый выпускник Мирской иешивы. Его речь буквально сверкала мудрыми изречениями из Торы и ТАНАХа. Другие люди мне рассказывали о его борьбе с энкавэдэшниками, которые хотели его как главу религиозной общины Харькова завлечь в свои поганные сети, и какие невзгоды ему пришлось вытерпеть из-за сотрудников этого учреждения - за ним шпионили по пятам, пока не бросили в тюремную камеру и не осудили на десять лет каторжных работ. Сердце его не выдержало, и рав Лев погас как свеча...

Нас, калек, оставшихся в лагере, перевезли в другой лагпункт - номер 010. Туда перебросили всех, кого «приговорили» к освобождению по состоянию здоровья как

непригодных к трудовой деятельности. Режим здесь, можно сказать, вообще никакой: после работы нам даже позволяют выходить за пределы зоны, следует только обратиться на контрольно-пропускной пункт.

С чем в этом лагере было проблематично, так это с обеспечением, особенно питанием. Так как мы числились "полуосвобожденными", то и начальство занималось нашим хозяйственным обеспечением спустя рукава. Раньше этот пункт заключения был женским лагерем, в котором была налажена обработка слюды, заготовкой же древесины зэчки не занимались. Определенный запас древесного топлива для них создавали мужчины-зэки из лагеря номер 03, находившегося рядом - всего лишь на расстоянии одного километра. После того, как зэчек отсюда вывезли, все пришло в запустение. Надо было самим идти в лес за дровами и таскать воду для кухни и жилых бараков. Помещение столовой зачастую не отапливалась - еда сразу остывала, превращаясь в камень. Никто за порядком в бараках не следил; дневальные и уборщики отсутствовали, ибо никто им не собирался оплачивать эту работу. Постоянных, штатных поваров на кухне не было, их каждые сутки меняли - по той же причине, то есть из-за нежелания или невозможности лагерной администрации платить за труд штатным работникам.

Хлеб, который привозили из пекарни соседнего лагеря, был уже мерзлый и твердый, как камень. Горячую пищу с кухни нам давали нерегулярно. Зато у нас было преимущество: мы теперь вроде вольные, без охраны, то есть расконвоированные. Мы могли захаивать в соседние с лагерем деревни и поселки, разговаривать с людьми, наблюдать их жизнь в медвежьем углу Сибири.

В двух километрах от лагеря, если перейти замерзшую речку, находилась старинная русская деревня Степановка. Там жили почти одни старики, чьи родители там, в Степановке, и родились. Нынешние жители деревни, как в старину, носили длинные бороды и специфические крестьянские головные уборы. Был также у них колхоз, но старики с радостью вспоминали старое время, когда зимой мчались на санях, запряженных тройкой лошадей, в Тайшет за съестными припасами и керосином на всю зиму. В Степановке каждый житель-крестьянин радушно принимал у себя дома лагерников. Местные жители сетовали на то, что в деревне напрочь отсутствует медицинская помощь и, если кто-то захворал, обращались к доктору Левандо, нашему лагерному врачу.

Деревенский клуб был завален картофелем, и немногочисленная местная молодежь по вечерам собиралась на танцы в просторной избе, принадлежавшей МТС - под звуки баяна, на котором виртуозно играл Мишка, первый парень на деревне, как здесь его называли. Совсем недавно Мишка справил свадьбу, женившись на деревенской красавице, 16-летней Катерине. В деревне поговаривали, что ее мать тоже пребывала зэчкой в лагере, где Катя и родилась неизвестно от кого...

На их свадьбу была приглашена почти добрая половина нашего лагеря. Катина мама, сама еще женщина в соку, молодая и красивая, каждому гостю уделяла внимания не меньше, чем самому председателю колхоза. А как же: у нее широкая русская душа, хотя после такого свадебного пиршества ей придется потуже затянуть пояс и голодать, наверное, с полгода...

(Продолжение следует)

Примечание переводчика

**) Мойше Бродерзон скончался в Варшаве 17 августа 1956 года от сердечного приступа. Был похоронен на варшавском еврейском кладбище. После осквернения его могилы дочь Бродерзона перевезла его останки в Израиль и перезахоронила их на кладбище Кирьят-Шауль в Тель-Авиве.*

Мы здесь. 31 июля – 06 августа 2014. № 457.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Продолжение. Начало в «МЗ», №№ 409-456)

Деревня Степановка

Многие ээки из нашего лагеря повадились ходить на целый день в Степановку, нанимаясь на заработки в колхоз, где "чужакам", то есть не членам хозяйства, платили в тот же день; им, в отличие от колхозников, не надо было ожидать расчета в конце года. Причем, каждый зэк нашел для себя еще и "теплый уголок". Кажется, ни в одной деревне не водилось столько вдовушек и просто одиноких женщин, как в Степановке. Немалая часть зэков пыталась остаться в этой деревне. Во-первых, у многих никого дома уже не оставалось. Пока они отсиживали свои длинные сроки, растеряли на воле своих родных и близких. Во-вторых, одновременно с желанием ехать домой этих вечных арестантов одолевал страх снова оказаться за лагерной оградой. Находиться подальше от места, где их впервые арестовали, не мельтешить перед глазами людей в погонах, - таково было их желание.

Украинцы находили углы в избах сосланных семей земляков в окрестных таежных селениях. В последние годы войны их ссылали целыми кланами в этот дикий таежный край, где они тяжело трудились и потихоньку обустривались. Избалованные женским вниманием, мужики лезли прямо в окна к стрелочницам... На каждом отрезке железнодорожного пути через шесть километров стояла такая будка. Зимой стрелочницы во время осмотра полотна чистили обильный снег высотой в метр, а то и больше, от возможной аварии железнодорожного состава. Ээки помоложе, возвратившись в лагерь после вылазок на волю, смачно рассказывали о своих успехах у женщин, живописуя пикантные скандалы, которые там происходили при стычке их "рогатых" мужей с пришельцами из лагеря.

Одна из женщин, с которой сожительствовал какой-то офицер из администрации, торговала в магазинчике, расположенном рядом с лагерем. В ассортименте была всякой всячина, в основном, залежалый товар: дорогие папиросы, которые местное население

вообще не покупало; заплесневелая колбаса, протухшие консервы. Но главным достоянием была водка. В этой лавочнице зэки признали надзирательницу из женского лагеря, о которой говорили, что как-то за малейшую провинность она зимой привязала зэчку к дереву и так долго держала ее на морозе, что та отморозила руки и ноги. А сейчас эта бывшая вертухайка каждому расточает фальшивые улыбки. Но зэки ей все равно мстили, устраивая всякие каверзы: били стекла в лавке, в емкость с растительным маслом бросили дохлую кошку, а однажды ночной сторож еле потушил пожар, который кто-то заблаговременно устроил с вечера.

При встрече зэки ее подначивали:

- Софья Никитишна, что будет делать ваш муж, когда лагеря ликвидируют? Говорят, через месяц все лагеря опустеют...

- Никогда в жизни! - категорично отвечала женщина. - Быть такого не может!

- Это правда, Софья Никитишна, уже есть приказ. Ваш муж, майор, будет пастухом в колхозе...

Ко мне в дверь стучатся дети из окрестных домов. Сколько лет я не слышал их беззаботного смеха! Снег нынче глубок, его выпало много, и я с ними играю в снежки. Детишки привыкли к незнакомому "дяде" и хотят после игры следовать за мной в лагерь. Разумеется, в лагерь охранники их не пускают - мало ли чего может случиться с ними, да и не положено. Малыши стоят у лагерной ограды и плачут от горькой обиды, потому что "дядя" не взял их с собой в лагерь.

К Витьке Косому, отсидевшему уже второй срок, в лагерь на свидание приехала жена. Витька мгновенно вырос в глазах лагерной публики: раздался в плечах, задрал голову. Каждый зэк пытался ему чем-то услужить, подкинуть что-нибудь из одежды, например, цивильный пиджак, нательное белье, дабы перед женой предстать в приличном виде. Лагерный парикмахер сделал ему на голове модную, красивую прическу, задарма обрызгав тройной порцией одеколона. Зэки благословили его и пожелали удачи. Вернулся Витька Косой в барак наутро подавленным, сам не свой, и, чуть не плача, пробормотал: - Жена передумала со мной жить. Говорит, что в лагере я стал импотентом и чтобы домой после отсидки не возвращался...

В лагерь с воли приходят тревожные, грустные письма от тех, кто недавно освободился. Эти послания с воли зэки обсуждают, мусолят, пересказывают друг другу. Один из таких освободившихся написал: "В лагере я мог говорить то, что хотел, а здесь, на воле, мне пришлось закрыть рот".

С приближением дня освобождения зэки ходят все более грустные, настроение у них ухудшается. От некоторых вышедших на свободу родственники отказались как от лишнего груза - смертельно больных и к семейной жизни непригодных. Но в деревне Степановка любовные дела идут полным ходом. Колхозные бабы бросаются зэкам на шею. Представьте себе, приходят в лагерь с подарками к начлагу, и тот их сватает. Он заинтересован, чтобы его люди оставались на месте.

Наконец, подошел и мой черед. На прошение, отправленное мной полтора года назад, из Генпрокуратуры пришел ответ, что, рассмотрев мою жалобу, они постановили исключить пункт 11 из статьи 58 и согласно пункту 10, часть 2, уменьшить наказание с десяти до пяти лет. При этом я подпадаю под амнистию в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии, освобождаюсь от наказания

и выхожу на свободу.

Но полностью наказание с меня не сняли, позволить себе это советское правосудие не могло. Из обвинения убрали лишь 11-й пункт. Фактически это означало: наказание за организацию антисоветской группы уменьшается наполовину. Но я же отсидел семь лет! Поди потребуй теперь с советской власти ответа за лишние два года...

Меня перевели сразу в другой лагерь, где я был полностью расконвоирован и даже не надо было отмечаться по вечерам на поверках. И что удивительно: там я встретил своего давнишнего "нарядчика" - бандита и антисемита Нестеренко, который нас, евреев, гнобил в лагере номер 051. Здесь его повысили в должности: он теперь сотрудник отделения, готовящего документы на освобождение заключенных.

Наши еврейские проклятия на него нисколько не подействовали. Из-за боязни ехать домой на Украину, дабы там не нашелся свидетель его злодеяний во время немецкой оккупации, он осел в далеком сибирском поселке Чукша. женился, гулял и пил вместе с тамошним начальством. Так что дела у него шли блестяще - вот-вот получит паспорт...

В Чукше у нас появилась возможность посещать библиотеку и в местном клубе смотреть кинофильмы. Мы уже действительно начинаем себя ощущать вольными людьми. Процедура подготовки наших бумаг длилась сравнительно недолго - полмесяца. Оказалось, что на каждого нужно исполнить пять документов и с ними затем ехать в район к начальнику милиции для выписки паспорта. После этого отправиться в Тайшет, чтобы на путь следования на путь следования домой получить продпак и, конечно, билет. Тайшет наводнен ворами. Нередко эков здесь обкрадывают до нитки. На вокзале поезда приходится ждать по 3-4 суток.

И вот я уже в поезде. Конечный пункт моей "командировки" - станция Хабаровск. До нее пять суток пути, на которые я получил "командировочные расходы" из расчета по три рубля в день. Этого едва хватит на хлеб и чай с сахаром. Ничего, перетерплю, все же я теперь вольная птица. Кому нужны эти деликатесы - яйца, масло, рыба и мясо? Да и голодать в общем-то для меня привычное дело. Все-таки я дожил до свободы и теперь могу почуять ее сладкий запах!

Стоял февраль 1956 года...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 07-13 августа 2014. № 458.

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

Назад, в Биробиджан

Я трясусь не в запертой клетке "столыпинского" вагона, не в запломбированном товарняке. И если бы не ватная телогрейка, засаленные ватные штаны и огромные лагерные ботинки, я вполне мог бы сойти за обычного гражданина. Правда, наверху, над головой, лежит не чемодан, а обычный мешок с моими пожитками. В вагоне сидит моя ровня - освободившиеся из рабских лагерей, а также простые пассажиры, никогда в лагерях не бывавшие. Впрочем, на этой железной дороге, в далекой Сибири, и они выглядят не очень опрятно.

Замечу, что мы, теперь уже бывшие политзэки, не стыдились своего вида перед остальными пассажирами. Простой русский человек сочувствует бывшим арестантам. С кем бы я ни беседовал в поезде, оказывалось, что у моего собеседника обязательно кто-то сидел в лагере: близкий или дальний родственник, друг или просто знакомый. В поезде всегда чувствуешь себя вольнее, чем дома, где, возможно, каждый твой шаг на виду. В вагоне развязываются языки, здесь выговариваются от всего сердца. Пассажиры спрашивают о родственниках, от которых годами не было весточки, и многие не ведают, на каком лагерном погосте лежат их кости. Люди плачут, вспоминая близких, которые сгинули в лагерях еще в приснопамятных 37-38-м, в годы подлых "чисток".

Снова проезжаю мимо Байкала. Не торопясь, поезд идет целый день, петляет между горами и сопками, и Байкал все не кончается. Русские люди называют его "славным, священным морем", они поют о нем песни и слагают легенды. Тогда, когда меня везли в лагерь в арестантском вагоне, я не замечал всей красоты озера. Знаю только, что некоторые зэки тогда просили Всевышнего, чтобы состав скатился с моста прямо в Байкал...

Сейчас я воочию вижу это славное море во всем его величии. Байкал широк, как русская душа, в которой трудно разобраться. Она кажется доброй, готовой пожертвовать собой, но когда ее угнетают, она способна ко многим жестокостям – и по отношению к самой себе, и по отношению к другим...

И вот я снова в Биробиджане. Прибыл я в город ранним зимним утром, держа в руке мешок с пожитками. Дома, деревья, целые улицы дремлют под снегом. Я вошел в гостиницу, и женщина-администратор меня узнала и обрадовалась встрече. Она поинтересовалась, реабилитирован я или просто амнистирован. Да, удивительно, как народ здесь стал разбираться в подобных вещах!

Женщина оказалась права: тот факт, что я не был реабилитирован, доставил мне на следующие пару месяцев немало неприятностей.

Люди, с которыми я общался, относились ко мне с недоверием, ибо к тому времени появилось уже много освобожденных зэков, полностью реабилитированных. Что касается биробиджанских еврейских писателей, то они были только амнистированы. С них еще не

снята "вина", которая выражалась в том, что "в Еврейской (!) автономной области они якобы внедряли еврейскую (!) культуру. Наказание просто было сокращено наполовину: вместо десяти лет достаточными сочли лишь пять...

Это было чудом, что знакомый инженер-еврей на местной швейной фабрике устроил меня к себе на работу с довольно скромной зарплатой, которой мне хватало лишь на десять дней. Квартира, в которой я проживал до ареста, была отобрана, новую мне не дали, и я снимал угол на кухне у небогатой семьи.

Моя хозяйка проживала с младшим из своих сыновей в большой комнате. Парень (ему было 17) работал на мебельной фабрике, но его заработка явно не хватало на содержание дома. Мать тоже вынуждена была трудиться, выполняя разную работу. Дом у них был частный, из первых биробиджанских построек. Я спал в углу кухни и платил за это сто рублей в месяц - треть моей зарплаты, получаемой на фабрике. Тем не менее, мне пришлось довольствоваться хоть этим занятием: на фабрике я проверял состояние тканей, отправляемых на раскрой, то есть следил, чтобы в ткани не было брака: дырок, плесени, грязи и т.п. Я определял, соответствует ли сукно данной "фактуре", поднимая при этом огромные, тяжелые тюки. Затем ткань разрезали, и я разносил разрезанные куски по участкам.

Также я был благодарен хозяйке за жилье. Эта женщина оказала мне услугу, когда никто не хотел меня приютить, отделиваясь всякими отговорками. Страх из-за того, что я бывший лагерник, овладевал каждым. За 200 рублей, что у меня оставались от заработка, я мог протянуть всего лишь десять дней. Но я смирился со своим положением. По сравнению с тем, что мне пришлось пережить и через что пройти, я ощущал себя нынче королем.

Моя хозяйка была довольна сыновьями, которые все, кроме младшего, были женаты и занимали приличные должности. Лишь единственная дочь не при ней. В дочь влюбился еврейский парень из Польши, позже уехавший с ней на родину, а затем оттуда - в Израиль. Каждый месяц дочь писала маме из Эрец Исраэль, но мать боялась отвечать.

- Поверьте, - давала мне понять хозяйка, - я не за себя боюсь, мне за сыновей тревожно. Из-за беды, которая случилась в Биробиджане, когда столько евреев было арестовано. я уже сама себе не доверяю. Но я не выдержала и месяц назад все-таки написала письмо дочери. Ничего особенного не сообщала; просто написала, что жива-здорова и не нуждаюсь ни в чьей помощи, но кто знает, дошло ли оно...

Я успокоил женщину, посоветовал ей слушать радио, которое после 20-го партсъезда, не переставая, вещало о культе личности Сталина. Портрет вождя, висевший в верхнем углу комнаты, она сняла и перетащила на кухню. ко мне...

С тех пор, как меня арестовали в 49-м, в Биробиджане исчезли многие люди, которых я хорошо знал. Мне сказали, что они покинули город по личным причинам, но это было не так: просто многих партийных и советских работников-евреев заменили на русских. Но Рувн Штейн, литовский еврей, занимавшийся все годы озеленением города, по-прежнему оставался на своем посту. Благодаря его стараниям все красивее становились улицы и площади Биробиджана, появлялись новые зеленые скверы. На улицах города выросли стройные ряды новых домов. Улица Шолом-Алейхема уже полностью залита асфальтом, и автобусы курсируют в различных направлениях на многие километры - например, от обоззавода до Сопки.

Фото послевоенного Биробиджана - из архива «МЗ»

У магазинов не видно длинных очередей, нет и толкотни за хлебом; продуктов относительно достаточно, но какой тоской и безысходностью веет от полностью разоренных очагов еврейской культуры! Ноги сами привели меня во двор бывшего еврейского театра, где стоят дома, в которых жили еврейские артисты. Сейчас эти дома заселены новыми жильцами. Еврейские актеры разбежались по всей стране. Красивейшее здание города – Биробиджанский ГОСЕТ -переоборудовано недавно в Дом пионеров. В кинотеатре «Биробиджан» талантливая еврейская певица (бывшая актриса) исполняет русские песни в стиле танго, заполняя перерыв между сеансами.

Областная газета "Биробиджанер штерн", превратившаяся в жалкий однополосный листок, публикует переводы стихов молодого поэта Андрея Пассара, представителя коренной малочисленной народности Дальнего Востока - нанайцев, проживающих по берегам Амура и его притоков. Этот поэт, чье имя мало что говорит даже местным читателям, живет в Биробиджане. Ему дали хорошее жилье, а хабаровский Союз писателей отправил его учиться в московский Литературный институт. Он пишет о рыбаках и охотниках, коими преимущественно являются его соплеменники. Народность, к которой он принадлежит, насчитывает всего несколько тысяч человек, но чем евреи хуже? Этот вопрос постоянно мучил меня.

За время моего отсутствия "ОГИЗ" (объединение государственных книжно-журнальных издательств) открыл в Биробиджане большой современный книжный магазин на улице Ленина, где продаются книги на разных языках народов СССР, кроме еврейского. Книг на

идиш не было даже ради декорации. Заведущая книжным магазином, почтенная русская женщина, моему вопросу, куда подевались еврейские книжки, не удивилась и ответила с иронией, по-бирибиджански:

- Наверное, еврейские писатели перестали писать...

(Продолжение следует)

Мы здесь. 14-20 августа 2014. № 459.

Биробиджанское дело

Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

**На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева**

(Окончание следует. Начало в «МЗ», №№ 409-458)

Биробиджан. После освобождения

В начале весны 1956 года я побывал в доме дочери Бумагина. Когда почти восемь лет назад меня арестовали, она была еще школьницей. Сейчас я держу в руках ее ребенка - внучку героя. Помню, как будто это было вчера, полученную от Михоэlsa телеграмму с просьбой найти семью Героя Советского Союза Иосифа Бумагина, который до войны жил в Биробиджане и работал на обозном заводе.

Семья Бумагина проживала тогда в рабочем поселке Смидовичи, восточней Биробиджана. Жили они довольно скромно, если не бедно. Совсем недавно вдова Бумагина пережила большое горе - на станции под маневровый паровоз попал их ребенок, да и ей самой тогда досталось - придавило руку. До сих пор помню текст огромной телеграммы, состоящий чуть ли не из тысячи слов, которую я тогда отправил об этом воине-еврее, человеке из народа, отважно сражавшемся против фашистов и павшем в бою... За подвиг, который он совершил, закрыв своим телом вражескую огневую точку, Иосифу Бумагину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В тексте моей телеграммы Михоэlsу я привел отрывок из письма Бумагина своим детям: он, их отец, идет на подвиг, который принесет честь и славу еврейскому народу и станет мстью за гибель его братьев и сестер, уничтоженных фашистами...

Со временем в Биробиджане возник целый жилой массив, который носит имя Иосифа Бумагина. Помнится, тогда же я ходатайствовал перед властями области об увеличении пособия жене героя. Таким образом, я тогда подружился с семьей Бумагина, и сейчас, когда я оказался на свободе, его дочь не преминула пригласить меня к себе.

Со времени больших арестов в Биробиджане местный народ стал менее разговорчивым. Мало говорила и молодая, симпатичная мама, дочь Героя Советского Союза Иосифа Бумагина, внучку которого я держу на руках сейчас. Слезы навертываются на глаза от обиды: разве евреи сделали для России меньше, чем нанайцы - рыбаки и охотники - с их единственным поэтом, родившемся в дальнем таежном стойбище, для которого в Еврейской автономной области сейчас открыты все двери, но закрыты для еврейских писателей и поэтов?

Но осталась у евреев Биробиджана неизбывная тоска по еврейскому слову, да такая, что никакая сила не могла ее искоренить. Наконец-то пришло время, что вернувшиеся из лагерей еврейские писатели выступили перед публикой со своими стихами. Огромный читальный зал областной библиотеки имени Шолом-Алейхема переполнен. Представительницу отдела культуры, говорившую по-русски, внезапно прервали выкрики из зала:
- Идиш! Идиш! - требовали голоса собравшихся.

С затаенным дыханием слушали евреи выступления писателей на родном языке - мамэ-лошн, громко аплодировали и просили: еще! еще! Простые люди, отбросив долголетний страх, пожимали писателям руки и горячо, по-братски, обнимали и целовали их.

Неожиданно меня вызвали в МГБ. Повестка на мое имя пришла на швейную фабрику, где я работал. Вероятно, чтобы не напугать меня. В "приглашении" было указано: "Для возврата документов". Понятно, тех бумаг, которые у меня изъяли при аресте. Тогда у меня ко всему прочему были конфискованы рукописи ранее не публиковавшихся стихов. Войдя в нужный кабинет "органа" госбезопасности, я увидел майора, сидящего за столом и слушающего транслируемое по радио постановление XX съезда КПСС. Я уловил момент, когда диктор вещал о беззакониях, чинимых органами НКВД-МГБ, когда были репрессированы и замучены тысячи и тысячи невинных людей.

Майор учтиво пригласил меня присесть. Извинился за то, что вынужден меня побеспокоить по такому поводу и подал небольшой конверт, в котором находились мои фотографии и некоторые бумаги, отобранные при аресте.

- А где мои стихи, рукописи? - упавшим голосом спросил я.
- По этому поводу вы должны обратиться к своему следователю. Понимаете, к вашему делу я не имею отношения, поскольку человек здесь новый. - ответил вежливо майор. - Вашего следователя перевели на Камчатку, в милицию...

Значит, эту сволочь, мучившую меня во время следствия, отправили подальше - аж на Камчатку, служить в доблестной советской милиции. И это вместо того, чтобы он получил сполна за содеянное!

На биробиджанских евреев обрушилась новая беда: сгорела синагога. Прихожан этой единственной синагоги было мало, и никакой общинной жизни в ней, разумеется, не велось. Лишь раз в неделю, в субботу, туда приходили молиться, в основном, старики. Но в праздники Рош а-Шана и Йом Кипур синагога была забита битком. Отпросившись с работы у своих начальников, заведующих, бригадиров, приходили туда и евреи среднего и молодого возраста, обещая отработать эти часы в выходные и в другие дни.

Пожар начался в расположенной рядом мастерской. Все ее помещение вместе с соседними строениями и деревянной синагогой сгорели. Во время пожара едва успели вынести свиток Торы. При этом верующие евреи не стали ждать городских пожарных, проникали через окна внутрь и выносили оттуда самое ценное - священные книги. Кроме Торы, удалось спасти несколько молитвенников.

Небо Биробиджана озарилось пламенем. В этом огне погибла последняя твердыня еврейской жизни - синагога. Но благодаря самоотверженности и мужеству нескольких евреев были спасены святыни. Позднее эта группа евреев арендовала в другом месте избу, тоже деревянную, чтобы продолжать еврейскую традицию. Эта небольшое строение выглядело островком старой еврейской жизни в бурном море новой жизни, в которой еврейской традиции, увы, не оставалось места...

В биробиджанской библиотеке имени Шолом-Алейхема, в которой нашли приют тысячи еврейских и древнееврейских книг, томов иудаики и всего, что касается еврейской жизни на многих европейских языках, осталось несколько стыдливо полупустующих полок случайно уцелевших книг еврейских авторов. Все книги сгинувших еврейских писателей – таких, как Бергельсон, Маркиш, Гофштейн, Фефер, Квитко, Дер Нистер, а заодно и других, были изъяты из фонда и сожжены. Многочисленные тома по иудаике гниют где-то в подвалах. Многие евреи боялись хранить в своих домашних библиотечках еврейские книги: вдруг среди них попадется книжка осужденного писателя, и за это придется отвечать. На кону стояла свобода, и лишь немногие биробиджанцы с настоящим героизмом спасали еврейские книги, закапывая их в землю.

Знакомый биробиджанец с гордостью показал мне сохранившийся том избранных стихотворений Хаима-Нахмана Бялика. книжные листы были влажные и покрылись плесенью от долгого нахождения в домашнем погребе.

Все музейные предметы и артефакты, собранные сгинувшим в иркутском центре старейшим еврейским писателем Бэром Слуцким (благословенна его память!), были уничтожены.

Лишились всякого еврейского содержания получасовые радиопередачи на идиш. В них можно услышать казенные официальные отчеты из колхозов и совхозов и промышленных предприятий о выполнении планов, перечень стахановцев. Ни одного теплого сердечного слова, связывающего между собой евреев мира, там не звучит.

Разве этот «Биробиджанский проект» завершен и, словно недельная глава Торы, прочитан? Неужели больше никогда уже не заманят сюда евреев, чтобы им же потом приписать национализм? Конечно, нет.

В последнее время тема Биробиджана стала актуальна: советских евреев снова призывают осваивать Дальний Восток и агитируют ехать "строить свою государственность". Московское радио уже несколько раз передавало выступления евреев, призывающих ехать осваивать Биробиджан. Правда, на эти призывы никто уже не откликается: советские евреи слишком много испытали на своей шкуре, чтобы снова и снова попасться на ту же удочку.

(Окончание следует)

Биробиджанское дело
Исроэл Эмиот

(Хроника страшного времени)

На русском языке публикуется впервые.
Перевод с идиш Зиси Вейцмана, Беэр-Шева

(Окончание. Начало в «МЗ», №№ 409-459)

Москва - Варшава - Нью-Йорк...

И вот, наконец, я на греческом корабле "Нью-Йорк". Впрочем, когда ты уже качаешься на воде, какое значение имеет название судна, на котором плывешь? С этим кораблем некоторое время будет связана моя дальнейшая судьба. Где-то в ресторане танцует публика, и звуки музыки доносятся сюда, на палубу, где я стою в одиночестве посреди ночи, между небом и гладью океана.

Судовой врач-грек еще днем доверил мне свой секрет: оказывается, он перевел на греческий язык книгу псалмов, молитв и песнопений "Stundenbuch" ("Часослов") видного современного немецкого поэта-модерниста Райнера Мария Рильке. Я, наверное, не единственный, кто влюблен в поэзию Рильке. У него тысячи поклонников, считающих его творчество поэтическим откровением нашего века.

Я смотрю на беспокойные волны, хочу забыться, но не могу. Передо мной проплывают картины всей моей жизни.

Наверное, к моему нынешнему настроению подходят строки другого замечательного поэта - еврейского - Исроэла Штерна, сгинувшего в 42-м то ли в Варшавском гетто, то ли в Трешлине, написавшего во вступлении к своей поэме "Остроленка" (так называлось местечко в Польше, где он родился в 1894 году):

«..Под шелковым небом осталась родная, близкая даль,
и где-то между деревьями бродит моя печаль...»

Стою на палубе и слушаю шум океанских волн. Океан ждет от меня ответа о том, как я жил все эти годы. Хочется вспоминать лучшие мгновения своей жизни, но...

Память, словно ветер, нивелирует мою жизнь, составленную из сладостных мечтаний, листает ее, как книгу, оставляя недоброе...

Исроэл Эмиот, 1975 год.

Фото из архива «МЗ»

После пребывания в Биробиджане я лишь на один день остановился в Москве. А для чего больше? Куда мне пойти, кого я могу сейчас увидеть?

Пойти на улицу Горького, где плачут от одиночества стены в квартире Переца Маркиша? Свернуть в Лаврушинский переулок, где оконные рамы огромного красного дома №17 наглухо заколочены после гибели Бергельсона? На Маросейке мне уже не будет улыбаться, идя навстречу, Лейб Квитко. Его улыбка утоплена в крови в подвалах Лубянки...

А Эзра Фининберг из Сокольников? Этому, как его называли в писательской среде, "благородному бедняку" крупно повезло: вовремя умер - в 46-м, от фронтовых ран, не пройдя путь мучений и издевательств со стороны чекистов.

С той поры, как в 1944-м я покинул Москву, появились новые кварталы. Но всё мне здесь так чуждо... Я живу еще в лагере, и мои усталые глаза по-прежнему устремлены в сибирские заснеженные дали, среди которых многие москвичи разделяли со мной горькую судьбу зэка.

Здесь, в Москве, у меня был с собой адрес бывшего зэка - еврея, который вместе со мной находился в одном лагере, но освободился раньше меня. Когда на воле встречаются бывшие заключенные, они относятся друг к другу, как братья. За короткое время, что он находился на свободе, он стал прилично выглядеть.

Сейчас я у него дома, в гостях; хозяйка хлопочет с едой, накрывает стол. Вокруг моего бывшего товарища по несчастью крутятся домочадцы - дети, другие родственники. До отсидки мой товарищ работал инженером на солидном столичном предприятии, но сейчас на эту должность его не возвращают. Дети, пока он сидел, выросли, стали самостоятельными, содержат семью. В синих глазах бывшего лагерника прячется глубокая печаль, которая рвет мое сердце.

- Тот, кто "там" побывал, - говорит он мне, - к нормальной, спокойной жизни уже привыкнуть не может. Ночью, во сне, я вижу всякие кошмары: какие-то человеческие фигуры, словно привидения в страшных черных балахонах...

Я пытаюсь перевести разговор в другое русло. Говорю другу, какая у него красивая жена, да и он сам еще ничего, не стар, но мои комплименты мало на него действуют, и его взор по-прежнему печален. Он провожает меня на вокзал, к поезду, который должен увезти меня в Польшу. Мы смотрим друг на друга, обнимаемся, и из наших глаз непроизвольно катятся слезы...

Я по-прежнему стою на палубе корабля, и вечный океан так же монотонно гудит. Вспоминается: однажды известный журналист и писатель д-р Натан Бирнбойм* описал свое путешествие по морю, во время которого всякое может случиться, и из убежденного апикойрэса-атеиста он вмиг превратился в маймена, то есть в верующего.

Почему меня гложет непреходящая боль за убитых людей представителей моего народа? И повод ли это для того, чтобы, напротив, из верующего превратиться в еретика? Но мне этот расклад вещей не подходит: всей душой и всеми чувствами я близок к Богу. Я Его слышу, как мелодию, узнаю Его великолепие здесь, в океане. Даже в лагере, когда я от Него удалялся, терял сам себя, я всё равно мучительно к Нему возвращался...

Эта боль, этот внутренний протест еще более во мне усилились, когда я ступил на польскую землю, где бОльшая часть моего народа была уничтожена. Боль не уходила даже в те светлые минуты, когда я увидел в Польше напечатанные по-еврейски газеты, журналы, книги, услышал мамэ-лошн в постановке еврейского театра - впервые за столько лет насильственного отчуждения от всего этого. Мне горько стало оттого, насколько уменьшилось еврейское население Польши; и это в стране, где проживало более трех миллионов моих братьев и сестер! И что это были за евреи! Великолепная еврейская жизнь, которая была ключом, сейчас разрушена!

Напрасно в своем родном городке Острув-Мазовецке я искал хотя бы намек на прежний еврейский быт, довоенную еврейскую жизнь, окрашенную в пестрые тона. Из десяти тысяч евреев, проживавших в моем городке, едва отыскал двоих. Первый вообще-то был совсем из другого города, так, скиталец, перекати-поле, который случайно здесь очутился; другой - местный, острувчанин, в годы гитлеровской оккупации прятался в лесах. Видимо, там и тронулся рассудком. Власти, правда, возвратили ему квартиру, в которой этот старик и прозябает в одиночестве. Иногда он приходит на то место, где когда-то стояла одна из синагог, и роется в руинах, выискивая в груде камней нечто такое, что оставил здесь навсегда...

Кровь застывает в жилах, когда я вижу место, где в конце 1939-го гитлеровцы расстреляли шестьсот острувских евреев. Среди них была и праведная Хая-Сара, моя любимая мама, светлая ей память! Эти острувские евреи погребены в одной общей огромной яме.

На аллею у небольшой речки, возле которой я гулял в юности и мечтал о чистой и светлой

жизни, гитлеровцы вытаскивали из синагог евреев и заставляли их мыть речной водой грузовые автомобили, а потом... Как же меня могут утешить добрые, примиряющие речи моих знакомых поляков о спасении ими евреев? Не спорю, находились праведные люди, которые прятали у себя, рискуя жизнью, моих соплеменников, но их было так мало, что я не берусь подводить счет. Этот счет знает лишь Тот, с кем я сейчас один на один между небом и гладью океана...

А корабль плывет, и океан шумит... Скоро мы приблизимся к самому большому городу мира - Нью-Йорку, где находится самое большое число евреев. В этом городе-гиганте живут мои близкие, которых я не видел много лет; все эти страшные годы неволи они стояли перед моими глазами.

Мой отец, Нотэ-Довид, (благословенна его память!) приехал сюда из Острув-Мазовецке сорок лет назад - в 1919 году. Здесь, в Нью-Йорке, он прожил несколько лет и вскоре ушел в мир иной. Он был известен в своей общине не только своим певучим голосом на субботних молитвах, но и как зять раввина иешивы "Река жизни", поэтому заработка на жизнь в Новом свете ему долго искать не пришлось. Я же, напротив, везу сюда свои сплошные будни: болячки и горести, беды и бедность. Но я вольюсь в здешнюю бурную, кипучую еврейскую жизнь, по которой так истосковался и от которой столько лет был отчужден, будто в отместку за погасшие субботние свечи на столике моей мамы...

Примечание переводчика:

**) Натан Бирнбойм (Бирнбаум) - 1864, Вена -1937, Нидерланды. Доктор юриспруденции, ранний теоретик еврейской национальной идеи, давший ей название "сионизм". Инициатор Черновицкой конференции по языку идиш (1908), активный борец за признание идиша. Лидер ортодоксального движения "Агудат Исраэль".*

Послесловие Мейлаха Равича
к книге "Биробиджанское дело"

Исроэл Эмиот родился 15 января 1909 года в городе Острув-Мазовецке, Польша. Накануне Второй мировой войны уехал в Советский Союз. Жил в Биробиджане. Семь лет пробыл в сибирском каторжном лагере. В 1956 году во второй раз снова оказался в Биробиджане и в том же году вернулся в Польшу. В 1958 году приехал в США, жил в Рочестере, штат Нью-Йорк.

Его жизнь разрезана на мелкие кусочки, словно загадочная пестрая картонная картинка из популярной игры для детей. Разрезана на различные сегменты, полукружия и треугольники. Только тронешь составленную с таким трудом мозаичную картинку, как она распадается на кусочки. Попробуй потом собрать заново, ведь ее цельность, смысл и состоят из всех этих деталей. Такой предстает перед нами и жизнь Исроэла Эмиота - удивительного поэта, рассказчика.

... Молот судьбы опустился над ним и всей своей мощью ударил по жизни писателя, раздробив ее на мелкие куски. Несмотря на это, в его жизни все-таки наблюдается некая целостность, и это можно назвать чудом, как и само литературное произведение, которое вы только что прочитали. В нем, как и в его жизни, присутствуют черты трагизма, напоминающие в какой-то степени трагическую судьбу Уриэля Акосты. Подчеркну: напоминают лишь отчасти.

Я просил Эмиота выделить несколько важных дат своей жизни. В итоге получился своеобразный биографический лабиринт от дня рождения и далее. Его отец и мать были яркими личностями. Когда они сошлись, каждый был связан прежними семьями. Впрочем, и новая связь, уже супружеская, от которой Исроэл появился на свет, долго не продержалась. Из ученика-отличника отец превратился в каббалиста и знатока Торы, жил в одиночестве, в 1919 году отправился в Америку, надеясь там выучиться на врача. Однако был вынужден зарабатывать на жизнь, работая гладильщиком, заболел и вскоре скончался.

Раннее детство Исроэла проходило в метаниях между любовью к страдающей матери и отцом, который вел современный образ жизни, между священными страницами дедовского Талмуда и трэфными светскими книжками, которые ему для чтения подсовывал отец.

Вот как Эмиот разъяснил мне происхождение своего литературного имени, которое для любого уха, хоть еврейского, хоть нееврейского, звучит звонко, как псевдоним - причем, с польской примесью. "Иот"- консонант, то есть неслоговой звук, в польском языке означает букву J, ставшую элементом его псевдонима. Фамилия отца была Яновский (Janowski). Исроэл - его вообще-то первое имя, но у него еще имеется и второе имя - Мейлах (Исроэл-Мейлах), которое ему, согласно еврейской традиции, родители прибавили в качестве оберега, средства от несчастья, во время тяжелой болезни в детстве. Первая буква своего второго имени - "Эм" (польское название буквы "M"); слог "Иот" относится к первой букве фамилии отца - Janowski (Яновский). Таким образом получился псевдоним: Emiot, то есть Эм + иот. По паспорту же Эмиот значился Исроэлом Гольдвассером - по фамилии матери. Поэтому для полной ясности я так подробно остановился на его псевдониме.

Мы познакомились в Варшаве еще до войны. Но знали друг друга сравнительно мало. Как-то Эмиот мне напомнил, что однажды он побывал в моем флигеле, где я лежал больной, а он мне читал свои стихи. На отдельных строчках я акцентировал внимание, просил юного друга (он был моложе меня на шестнадцать лет) прочитать их снова и сделать образцом для стихотворения в целом. Я тогда не знал, и никто еще не мог знать, что драматизм и трагический надлом станут характерными для творчества поэта Исроэла Эмиота. И как это тогда парадоксально бы ни звучало, ему суждено было стать дитем своего вдребезги разбитого времени и противоречивого мира. Здесь я перефразирую слова одного известного раввина: нет на всем белом свете более цельного органа, чем разбитое еврейское сердце...

Чтобы узнать о жизни Эмиота, достаточно взглянуть на его худое, искаженное мукой лицо. Даже, когда он чуть улыбается, лицо страдальчески искажается. А уж тем более точно такая же гримаса появляется, когда он рассказывает об эпизодах всех семи кругов ада, которые он прошел, и нездоровая кривая усмешка как бы подтверждает его появление с того света...

Снова мы повстречались в 1956 году в Варшаве. Эмиот только вернулся из СССР. В нем бродила какая-то дикая радость, которая в общем-то выглядела не радостью, а каким-то мистическим актом воскрешения из мертвых, что-ли... Мы шли тогда по центральной улице польской столицы, залитой ярким электрическим светом, вокруг звучала звонкая речь. Мы шли целой группой - семеро мужчин. Внезапно Эмиот оторвался от всех нас и перебежал на другую сторону улицы. Нам показалось, что он чего-то испугался. Но это было совсем не так. Мы увидели, как на противоположной стороне улицы он обнимается

и целуется с каким-то мужчиной, и оба они громко кричат, с дикой радостью приветствуя друг друга. Чуть позже мы узнали, что встретившийся ему - польский художник, которого он приветствовал с сердечной радостью: они, оказывается, вместе пребывали в исправительно-трудовом лагере в Сибири...

Прошел час, а может, и больше, пока Эмиот пришел в себя от этой неожиданной встречи.

Весной 1959-го мы встретились уже в Рочестере, штат Нью-Йорк. Эмиот выглядел довольно печальным и одиноким. Мы, старые друзья, пытались скрасить его одиночество. В Рочестере у него были жена и дети, но за долгие годы разлуки он отвык от родных. Ведь и он, и близкие уже не надеялись встретиться, и привыкли к оторванности друг от друга.

Но нежданно-негаданно произошло чудо - Эмиот вернулся. Хотя чудеса случаются редко, но все же время от времени такое происходит.

Мы сидим рядом в семье у знакомых. Эмиот все время молчит. Вдруг он начинает говорить, тихо-тихо, будто сам с собой: "Я слышу каждую ночь плач, раздающийся из тюремных камер. Сквозь толщину стен этот плач лезет в мои уши. В него спеленута какая-то речь, но слова невозможно разобрать. И так каждую ночь, всю ночь без конца... Неужели я приговорен слышать ЭТО всю оставшуюся жизнь?.. Часто по ночам, когда я слышу эти рыдания, мне кажется, что я по-прежнему лежу на нарах; я сразу просыпаюсь, по эковской привычке протягиваю руку вниз, к полу, чтобы нащупать лежащую там лагерную одежду. Неужели всю жизнь мне суждено шарить рукой по полу возле кровати, на которой сплю?..".

У Давида Бергельсона есть рассказ "Свидетель" - один из великого множества его произведений. Не буду останавливаться на его содержании, лишь замечу, что этот рассказ заканчивается фразой главного героя: "Как я могу помереть? Ведь я же свидетель!" Вот и Эмиот такой же свидетель. Как его может не быть, если он столько испытал и видел! Сейчас он снова творит: пишет стихи, рассказы, эссе. Стихи его начинаются из глубины сердца и звучат, как молитва:

*"Помоги убогому, Всевышний,
он ползет к Тебе на четвереньках,
чтобы быть наравне с другими людьми...
Раз на него наплевал весь мир,
так хотя бы Ты обрати на него внимание..."*

Это что касается поэзии. А проза его – это рассказы о пережитом, воспоминания о сломанной, разбитой жизни.

U.S., Social Security Death Index, 1935-2014 about Israel Goldwasser

Name:	Israel Goldwasser
SSN:	133-32-6549
Last Residence:	14621 Rochester, Monroe, New York, USA
BORN:	15 Jan 1909
Last Benefit:	14621 Rochester, Monroe, New York, United States of America
Died:	Mar 1978
State (Year) SSN issued:	New York (1958-1960)

Американская карточка SSN Исроэла Эмиота (Гольдвассера)

И тогда, в Польше, и сейчас, в Рочестере, я всегда искал встречи с Эмиотом. В часы наших встреч я ему по-товарищески советовал и позже повторял это в письмах: «Соберитесь с силами и опишите спокойно свои великие мучения и невзгоды, которые уготовила вам судьба. Помните, что вы свидетель - один из миллионов - и вам самой судьбой было дано быть свидетелем испытаний Мойше Бродерзона, с которым вы вместе находились в лагере и которому Всевышний дал лишь совсем немного времени побыть на воле, забрав потом к себе».

На мое обращение к нему Эмиот ответил так:

«Свои свидетельские показания я уже написал, и моей рукой водила лишь правда...».

Примечание переводчика:

Мейлах Равич (Зхарье-Хонэ Бергнер, 1893, Радымно, Галиция, ныне Польша -1976, Монреаль, Канада) - еврейский поэт и эссеист, один из создателей группы экспрессионистского толка "Халястрэ". Автор многотомного издания "Майн лексикон" - энциклопедического издания очерков, портретов и биографических справок о еврейских поэтах, прозаиках, драматургах и журналистах, написанных на основе личного знакомства.

Уриэль Акоста (наст. имя Gabriel da Costa), 1585, Португалия - 1640, Амстердам, Голландия. Философ, предшественник Баруха Спинозы. Происходил из семьи крещеных евреев (марранов). Его жизнь - трагедия еврея, вернувшегося в иудаизм. Главный персонаж одноименной пьесы-трагедии немецкого драматурга Карла Гуцкова